

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

[redacted]том мы как будто здесь бывали?!

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Кончается год. Наступает самый удивительный день — первое января, когда ты можешь, например, сказать поутру:

— Я в этом году еще не умывался...

— Я в этом году еще ничего не ел...

Все будет новое, все с самого начала! Наверно, тебе и жить захочется по-новому.

Но сначала давай посмотрим: а что ты собирался сделать за прошедший, 1961 год?

Может, ты хотел всерьез заняться техникой, записаться на техническую станцию и построить первую модель? Может, ты думал как следует взяться за английский или другой какой-нибудь язык? Может, ты увидел, что плохо понимаешь искусство, и наметил прочитать несколько книг по живописи? А может, ты решил во что бы то ни стало научиться плавать?

Мало ли что задумывает человек, вступая в новый год!

Интересно, осуществились ли твои замыслы? А если нет, то почему? Ты хорошенько подумай над этим. Когда люди умеют разбираться, что у них получается, а что нет и почему, им легче добиваться своего.

Если у вас такое дружное звено, что вы не боитесь доверять друг другу свои тайны, то соберитесь в канун Нового года, и пусть каждый расскажет, что ему удалось сделать в 61-м году и чего он собирается достичь в 62-м.

Можно даже записать свои планы на листочки, положить их в какой-нибудь ящичек и тайно спрятать. А на будущий год достаньте и посмотрите, что из этих планов выполнено.

ПИОНЕР

Год издания 38-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г. № 12

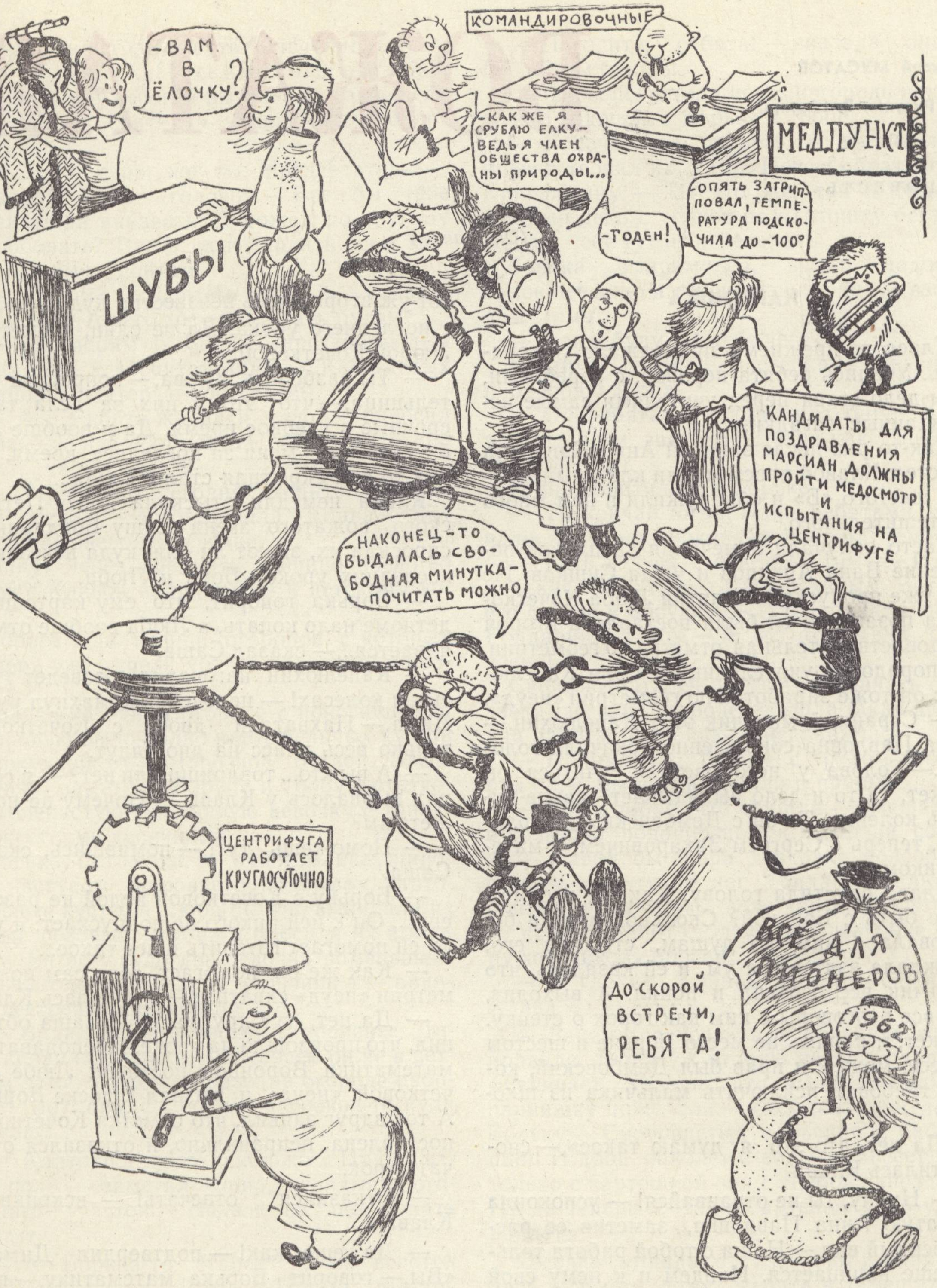

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ!
ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ!

Корреспонденту «Пионера» художнику В. Чижикову удалось проникнуть в ГУДЭЭМ! Начинаем почти правдивый его репортаж.

ГОРЯЧИЕ

В новогодний праздник в каждый дом приходит со своими подарками добрый дед-мороз. Как же успевает он побывать всюду! Когда-то дед-мороз и

ДЕНЬКИ У ДЕДОВ-МОРОЗОВ

вправду справлялся один. А теперь новогодних елок в нашей стране не счесть, вот и пришлось создать Главное управление дедов-морозов — ГУДЭЭМ.

Наш корреспондент пробрался в ГУДЭЭМ, когда деды-морозы собирались разъехаться по всей стране.

Продолжение репортажа на странице 26.

Алексей МУСАТОВ

Рисунки В. Юдина.

ВОЖАТАЯ

ПОВЕСТЬ

(Окончание.)

КАРТОШКА

Класс по-прежнему продолжало лихорадить. Учились ребята неровно, с перебоями, то и дело ставя перед учителями самые неожиданные загадки.

Как-то раз после занятий Анна Павловна вместе с Клавой просмотрели классный журнал шестого «Б» и обнаружили в нем много неутешительного.

Часто получали замечания за плохое поведение Ваня Архипов и Федя Сушков. Не раз уже пропускала занятия Люба Кочеткова, а позавчера ей была поставлена вторая неудовлетворительная отметка по геометрии. Не порадовал учительницу и Боря Капелюхин: он тоже заработал по геометрии «неуд».

— Странный мальчик этот Капелюхин.— Анна Павловна сокрушенно покачала головой.— Голова у него светлая, учиться он может, а то и дело выкидывает какие-нибудь коленца. То он с Дембовским не поладил, теперь с Сергеем Захаровичем, с математиком.

Клава опустила голову. Как же в самом деле быть с Борькой? Сколько раз она беседовала с ним по душам, стыдила его, убеждала взяться за ум, и ей казалось, что мальчик все осознал и понял. А выходит, что все разговоры с ним как горох о стенку. Может, и впрямь не место Борьке в шестом классе, может, и прав был Дембовский, когда требовал исключить мальчика из школы?

«Да нет, что это я думаю такое»,— спохватилась Клава.

— Ну, ну, ты не отчаивайся! — успокоила вожатую Анна Павловна, заметив ее расстроенный вид.— Наша с тобой работа только еще начинается. Найдем и к нему свой ключик... Поговорите о мальчике на совете отряда или на звене... Неплохо бы над ним шефство взять, особенно по геометрии.

А на другой день пришло новое огорчение. Анна Павловна встретила Клаву после занятий и сообщила ей, что Боря Капелюхин вот уж второй день неизвестно куда исчезает с последнего урока. Да не один, а вместе с Любой Кочетковой.

— Ты разберись, Клава,— попросила учительница,— что это у них за дела такие срочные в учебное время. Да и вообще Люба тревожит меня за последнее время. Какая-то она скрытная стала, вялая...

Клава немедля отыскала Диму Петровского, вожатого звена Сашу Бондарина и спросила их, знают ли они, куда исчезают с последних уроков Боря и Люба.

— Борька говорит, что ему картошку в детдоме надо копать, а Люба вообще отмалчивается...— сказал Саша.

— Капелюхин наговорит, разведет турусы на колесах! — недоверчиво махнул рукой Дима.— Нахватали двоек с Кочетковой, только весь класс на дно тянут.

— А вы кто... товарищи или нет? — в сердцах вырвалось у Клавы.— Почему не поможете им?

— Поможешь тут! — помявшись, сказал Саша.

— Борьку с Кочетковой водой не разольешь... Он к ней никого не подпускает: и уроки ей помогает готовить и все такое...

— Как же он помогает, если сам по геометрии «неуд» схватил? — удивилась Клава.

— Да нет, тут другое...— И Саша объяснил, что произошло на уроке. Преподаватель математики Воронцов поставил Любе Кочетковой «неуд» и вызвал к доске Борьку. А тот вдруг заявил, что отметка Кочетковой поставлена неправильно, и отказался отвечать урок.

— Отказался отвечать! — вскрикнула Клава.

— Да еще как! — подтвердил Дима.— «Вы,— говорит Борька математику,— придираетесь к Кочетковой, а раз так, тогда и мне «неуд» ставьте». Тоже мне рыцарь!

— А может, и впрямь Сергей Захарович ошибся...— осторожно заметил Саша.— Ты помнишь, как дело-то было...

— Ты это брось — на учителя наговаривать! — строго перебил его Дима.— И Борь-

ку незачем выгораживать. Нагрубил он учителю, так и скажи! Весь класс наш опозорил. Объявить ему строгий выговор за такое дело или галстук снять на месяц, вот и будет знать!

— Ох, и строг же ты, председатель! — покачала Клава головой.— Все бы тебе взыскать да наказать! А может, по-другому попробовать? Взять да и сходить всем звеном на дом к ребятам.

— Звеном? По домам ходить? — удивился Саша.— А чего мы там делать будем?

— Поговорим о Боре с директором детского дома, с воспитателями. У Кочетковых с Любиной матерью побеседуем.

— А... а когда же идти надо? — спросил Саша.— У нас сбор звена теперь не скоро будет... на той неделе.

— Хорошо бы сегодня сходить... по свежим следам,— посоветовала Клава.— Вот собери-ка звено по цепочке.

Минут через двадцать Сашино звено во главе с Клавой направилось к детскому дому.

Дорога шла позади огородов, с которых хозяева уже успели убрать картошку и овощи.

Только на одном огороде с покосившейся изгородью было полно картофельных кустов с пожухлой от заморозков ботвой. Здесь пионеры заметили Борьку и Любу Кочеткову, голенастую худощавую девочку с тонкими жесткими косичками.

Борька, без кепки, в одной майке, широким заступом сноровисто подрывал картофельные кусты, а Люба быстро выбирала из земли розовые клубни и бросала их в корзину. Ей помогали две девочки поменьше и большеголовый увалень мальчишка — видимо, сестренки и братишка.

— Видали? — торжествуя, произнес Дима, кивая на Борьку.— И совсем он не в детском доме, а у Кочетковых на огороде работает. Вот они с Любкой с уроков-то куда убегают...

— Картошки здесь сколько... Прямо целое поле! — заметил Саша, оглядывая огородный участок.— Недели на две копать хватит.

— А Борька-то старается, аж вспотел весь! — фыркнул Дима.— Прямо рыцарь картофельный... Для Любочки на все готов.

— Да будет тебе! — остановил его Федя Сушков.

Клава с недоумением покосилась на Диму: и почему он так настроен против Капелюхина?

— Погодите, ребята! — сказала она.— Подойдем ближе!

Пионеры перелезли через изгородь и осторожно подошли к Борьке и Любе.

— Копачам — привет! — насмешливо приветствовал их Дима. Потом обратился к Капелюхину: — Ты что же, так и будешь каждый день с уроков на картошку бегать? Копать тебе тут не перекопать...

Борька выпрямился, вытер ладонью взмокшее лицо и с неприязнью окинул взглядом Диму.

— Так и буду... А тебе чего?

Вскинув голову, растерянно оглядела пионеров и Люба.

— Ой, ребята! — вскрикнула она.— Куда это вы всем звеном? Дело какое-нибудь срочное? Да?

И она обратилась к Борьке:

— Ты кончай тогда. Иди с ребятами, коли надо. А мы одни покопаем, пока не стемнело.

— Есть дельце,— ответил Дима.— И как раз касается тебя с Капелюхиным. Вот мы его сейчас и обсудим.— И он толкнул Сашу Бондарина в бок.— А ну, открывай сбор звена!

Саша потоптался на месте: начинать сбор звена здесь, на огороде, где шла такая дружная работа, было как-то непривычно.

— Понимаешь, Боря,— с трудом заговорил он,— мы вот подумали и пришли...

— Вот и добре, что пришли,— вмешалась в разговор подошедшая к изгороди соседка.— Давно бы пора девчонке подсобить. Совсем она тут с ног сбилась: малышей поить-кормить надо, козу кормить, картошку копать. Забот столько, что девчонке впору хоть школу бросай!

— А где же Любина мама? — спросила Клава.

— Занемогла хозяйка, в больницу ее отправили. Люба уж вторую неделю одна домовничает. Хорошо, что вы ей на подмогу парнишку прислали.— Соседка кивнула на Борьку.— Сноровистый мальчишка, работящий! И дров наколет и воды принесет. Вот только с картошкой они с Любой запоздали. Ну да теперь с такой артелью дело у вас пойдет.

Соседка отошла от изгороди и направилась к своему дому. Ребята в замешательстве переглянулись с Клавой, потом посмотрели на Борьку.

— Все понятно? — обратилась Клава к пионерам.

— Еще бы не понятно! — обрадовался Федя Сушков и, выхватив у Бори заступ,

вогнал его на полный штык в землю.— Дай-ка я покопаю!

Оживился и Саша. Он спросил у Любы, есть ли у нее еще лопаты и корзины, и объявил сбор звена открытым.

— Начнем с картошки! — сказал он.

Картошку копали до глубоких сумерек. Когда же совсем стемнело, зажгли два фонаря и продолжали работать при их свете. Оставшиеся рядки картофеля решили докопать завтра и послезавтра.

Потом все собрались в доме Кочетковых и завели разговор о школьных делах, об уроках. Клава спросила Борю и Любу о злополучных «неудах» по геометрии.

— В последний раз я знала материал,— покраснев, призналась Люба.— Мы с Борькой вместе занимались, как следует геометрию подготовили. А мне кто-то во время урока подсказывать начал. Я не слушаю, сама стараюсь задачку решить, а с первых парт шепчут и шепчут. Тогда Сергей Захарыч решил, что я на подсказке выезжаю, и поставил мне «неуд». А Борька погорячился, начал меня защищать и тоже «неуд» получил.

— Кто же из вас подсказками занимается? — спросила Клава.

— А пусть, кто занимается, сам и скажет...— отведя глаза в сторону, буркнул Борька.

Все замолчали, пока наконец не заговорил Саша Бондарин:

— Ладно, хватит в молчанку играть! — И он выразительно посмотрел на Диму.— Чего уж там, признавайся...

Тот недоумевающе развел руками.

— Вот это здорово живешь! Я же еще и виноват! Да вы сами меня просите: подскажи да подскажи... Я, можно сказать, весь класс выручаю.

— А ты бы лучше с кем из отстающих позанимался,— раздались голоса.

— Все тебе некогда да неохота.

— Задаешься своими успехами!

Не успела Клава вмешаться, как разговор неожиданно перешел на Диму Петровского. Мальчику припомнили многое: и как он любит похваляться своими способностями, и как мало интересуется жизнью ребят, и как привык по-начальнически покрикивать на пионеров.

Вспомнили и то, как Дима порвал дружбу с Любой Кочетковой только потому, что кто-то назвал его «девчатником».

— Да вы что! — удивился Дима.— Чего на меня-то навалились? Не обо мне же разговор, а о тех, кто «неудов» нахватал.

— А сбор, пожалуй, всех ребят касается, всего звена,— раздумчиво сказала Клава.— И знаешь, чего вам недостает? Дружбы у вас мало, товарищества, нет еще чувства локтя, не умеете вы жить по правилу «один за всех, все за одного». Вот Любе трудно пришлось, а вы и не знали об этом. Хорошо, что Боря оказался настоящим товарищем. Да и то при этом глупостей натворил, преподавателю нагрубил. Дима подсказками занимается, а вы терпели это, не возражали, считали, что так и надо... Вот и подумайте, как дальше жить будете, как учиться...

— А давайте вместе заниматься, всем звеном...— предложил Саша.— Как вот Борька с Любой.

— И чтобы Димка больше не лез со своими подсказками,— добавила Люба.— Пусть он лучше заранее ребятам помогает, если такой знающий...

— Верно,— поддержал Борька.— Запретить подсказки!

— И разные коленца не выкидывать, как вот Капелюхин,— вставил Дима.— Учителям не грубить.

Долго еще длился этот необычный сбор. Было решено, что с этого дня члены звена будут по очереди помогать Любе управляться с хозяйством и вместе готовить домашние уроки. С Любы же и Бори ребята взяли слово, что они не пропустят больше ни одного часа занятий и разделаются с «неудами» по геометрии. Было также решено объявить в классе войну подсказкам и шпаргалкам.

НОВЫЙ СТАРОСТА

В конце месяца Анна Павловна сообщила Клаве, что Миша Сидоров, бывший староста шестого «Б», сегодня получил в школе свои документы и на днях уезжает с родителями в Псков.

— Надо нам о новом старосте подумать,— сказала учительница.— Он должен быть толковый, с характером и чтоб другим пример показывал. Мне вот Саша Бондарин по душе. Да и Дима Петровский подошел бы для старосты. Мальчики серьезные, выдержанные, ребята с ними считаются.

Клава заметила, что ребята и без того загружены: Дима — председатель совета отряда, Саша — вожатый звена да еще вдобавок староста географического кружка.

— Так кого же ты посоветуешь? — спросила Анна Павловна.

— А что, если Ваню Архипова сделать старостой?

— Ваню?!

— Да, да.. Почему всегда одних и тех же выдвигают? А почему Архипова стороной обходим? Знаете, какой у него характер! Что захочет — обязательно сделает. И других за собой потянет... Помните, как он на сборе металлолома отличился?

— Погоди, погоди! — остановила вожатую Анна Павловна.— Ты же сама жаловалась на Ваню: несносный, противный...

— Да он и теперь колючий, как еж... Не подступись. Я уж вам рассказывала, как у него жизнь-то сложилась. А вот мы попробуем и поверим ему...

— Попробуем,— подумав, согласилась Анна Павловна.— Это, Клаша, хорошо, что ты новые силы в классе поднимаешь. Вот только как ребята? Выберут ли они Ваню?

— Я с ними поговорю...— пообещала Клава.— Они поймут.

На классном собрании ученики были немало удивлены, когда Боря, Саша и Федя предложили в старосты Ваню Архипова. Среди ребят раздались недоверчивые возгласы, что Ване не до школьных дел, что ему нужно заколачивать копейку, но Клава и Анна Павловна так горячо поддержали кандидатуру Архипова, что за него проголосовало большинство класса.

Увидев вскинутые вверх руки, Ваня яростно замотал головой.

— Меня?! В старосты?! Нет, вы это бросьте! Не пригоден я на такое дело... Зараз со всеми переругаюсь!..

— Все! Кончено! — объявил председательствующий на собрании Саша Бондарин.— Проголосовали почти единогласно. Принимай дела, новый староста!

На другой день в большую перемену Клава заглянула к шестиклассникам и ахнула. В классе царил неописуемый беспорядок ученики сидели на партах, форточка была наглухо закрыта, доска грязная.

— А где дежурный по классу? — спросила Клава.— Куда смотрит староста?

— А он пока никуда не смотрит...— пожал плечами Саша и объяснил, что Ваня Архипов делает вид, будто забыл про вчерашние выборы, и не думает приступать к работе.— Да вот и он... спросите его.

В дверях класса стоял Ваня. Клава встретилась с ним взглядом и хотела было как следует отчитать мальчишку. Но потом, вздохнув, распахнула форточку и принялась молча собирать разбросанные по полу бумажки.

Кто-то из ребят попытался ей помочь, но Клава предложила ему сесть на свое место. Подобрав все до единой бумажки, она не спеша вытерла доску и только тогда обратилась к Ване:

— Если у тебя не хватает времени назначить дежурного и проследить за порядком в классе, то сообщай мне об этом заранее. Я буду приходить каждый день и проводить у вас уборку. Хорошо? Договорились?

И Клава быстро вышла из класса.

Сконфуженный Ваня догнал ее в коридоре и схватил за руку.

— А это правда, что старостой меня всерьез выбрали? Без подвоха, не ради смеха?

— Да ты что! — изумилась Клава.— Какой подвох! Это ж тебе задание такое, чтоб порядок в классе был, дисциплина. Ведь сам понимаешь, что без этого шестой «Б» ни в какой поход не пустят...

— Задание? — переспросил Ваня.

— Самое боевое, ответственное. Все ребята надеются на тебя.

— Да я ж не знаю, с чего и начинать надо,— признался Ваня.

— Подумаешь — найдешь с чего.— Клава покосилась на лохматую Ванину голову и усмехнулась.— Сходи в парикмахерскую, остригись для начала, сними свои лохмы. А то говорят, от тебя все встречные шарахаются...

Еще день или два Ваня ходил нестриженым, а потом заявился обработанным под «нулевку» и заявил всем мальчишкам, что он теперь не пустит в класс ни одного «волосатика».

Он сопровождал ребят в парикмахерскую, когда было нужно, ссужал их деньгами (при этом без всяких процентов!), а затем, раздобыв машинку, принялся самолично стричь мальчишек.

«Архип входит в роль,— посмеивались ребята.— Теперь уж наломает хворосту».

Рука у нового старосты действительно оказалась твердой. Ваня был настойчив, никому не давал поблажки, ревностно следил за порядком в классе. Насорит кто-нибудь из мальчишек под партой или прольет чернила, староста непременно разыщет виновника, приведет в класс и не выпустит до тех пор, пока тот не наведет порядка.

Назначая классных дежурных, Ваня деловито внушал им, что они должны нести свою службу, как часовые на посту, контролировал каждый их шаг и не скупился на взыскания. Когда во время дежурства Дима Петровский не вытер как следует классную доску, староста назначил его дежурить еще раз.

Презрительно фыркнув, Дима заявил, что он председатель совета отряда и вновь испеченный староста не имеет права командовать им. Ваня сгреб председателя в охапку, притащил в класс и заставил его в присутствии ребят до блеска надраить доску. Возмущенный Дима бросился к вожатой с жалобой: Архипов применяет насилие, подрывает председательский авторитет, и надо срочно осудить его поведение.

— Ну что ж, я согласна,— кивнула Клава.— Давайте на классном собрании и поговорим: о дисциплине в шестом «Б» и о новом старосте.

— А почему же на собрании? — растерялся Дима.

— Где же еще? Вы Ваню выбрали, вот и обсудите его работу. Но и он, наверное, коечто скажет ребятам.

— Я думал, вы ему наедине повнушаете,— забормотал Дима.— А так оно ни к чему...

Но классное собрание все же состоялось. Вслед за Анной Павловной Ваня рассказал о том, кто и как из ребят ведет себя на уроках и дежурит в классе, кто занимается подсказыванием и списыванием, кто и почему опаздывает на занятия.

Не одному ученику пришлось покраснеть на этом собрании. «Ну и глазастый наш староста, ничего не пропустит!» — говорили между собой шестиклассники.

Потом Анна Павловна попросила ребят рассказать, кто как учится, какие испытывает затруднения и кому нужна помощь товарищей.

— Попросим второе звено сказать,— предложила Клава.— У них уже есть небольшой опыт.

Пионеры пошептались, вытолкнули вперед Любу Кочеткову, и та рассказала, как звено Саши Бондарина готовит домашние уроки. Пионеры каждый день собираются после занятий у Любы на дому, садятся за один стол и вместе готовят все уроки.

Подготовку обычно начинают с самых трудных предметов. Когда ребята устанут, они выходят на улицу поиграть и побегать, потом опять садятся за работу. Если попадется что-нибудь очень сложное, то они приглашают вожатую, и та помогает ребятам разобраться в домашних заданиях.

— И каковы же результаты ваших коллективных занятий? — спросила Анна Павловна.

— За последнюю неделю в нашем звене ни одной плохой отметки не было...— сообщила Люба.— И я свой «неуд» по геометрии исправила.

— Неплохо придумано, неплохо...— кивнула головой учительница.

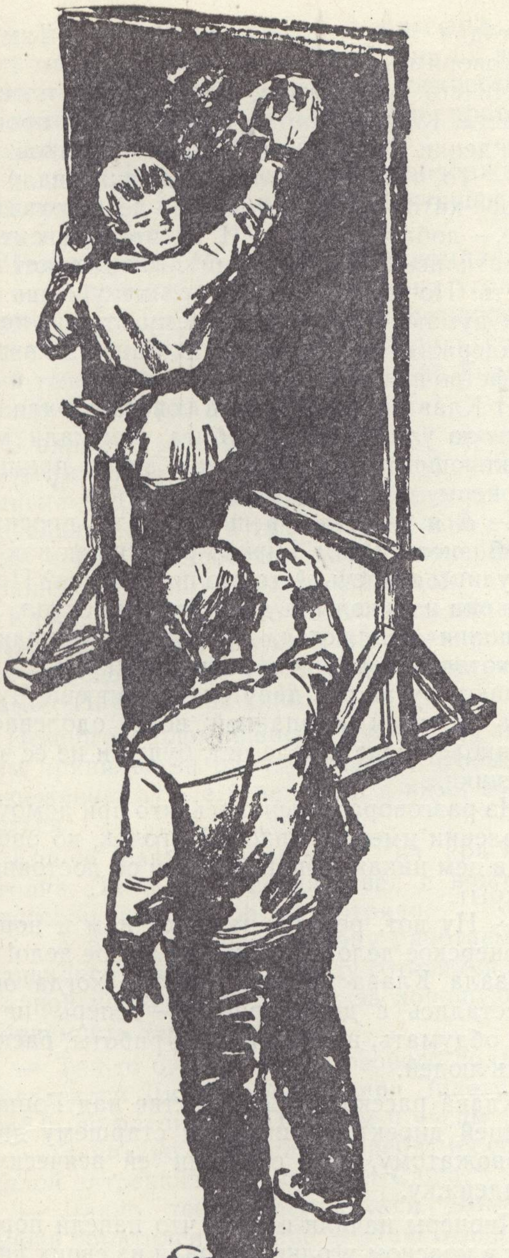
— А если бы нам вот так же не только одним звеном, а всем классом домашние уроки готовить? — вслух подумала Клава, вопросительно посмотрев на Анну Павловну.

— Так нас же больше тридцати человек! — недоумевая, заметил кто-то из ребят.— Ни в одном доме не уместимся.

— А давайте у нас собираться,— предложил Саша Бондарин.— У нас во второй половине дома никто не живет, места всем хватит. Хотите, я с батей поговорю, он позволит...

— Нет, зачем же у вас? — сказала Анна Павловна.— Я думаю, что мы вполне сможем заниматься и в школе, в своем классе.

— Верно,— обрадовалась Клава.— Вот и мы с ребятами так думали.— И она принялась развивать свой план.— Закончив занятия, ученики идут домой, обедают, немного

отдыхают, потом собираются в школу и садятся вместе готовить домашние уроки. Никто не болтается без дела, каждый находится под наблюдением товарищей.

А еще неплохо бы создать из успевающих ребят особую группу, вроде как «скорую помощь»,— продолжала Клава.— Эта группа должна всегда знать, кто по какому предмету отстал, и сразу же прийти на выручку. Возглавить «скорую помощь» я бы предложила Диме Петровскому. Когда захочет, он хорошо ребятам помогает. И подсказывать стал меньше.

— Ну что ж, все очень дельно! Завтра, пожалуй, и начнем,— согласилась Анна Павловна.— А я еще с преподавателями поговорю, чтобы они консультации для вас наладили.

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Утром Федя Сушков явился в школу с великолепным синяком под глазом, а Саша Бондарин с распухшим носом. Они бочком прокрались к своим партам, до конца занятий не выходили из класса, а Федя даже старался отвечать уроки так, чтобы не показать учителям подбитый глаз. Но весть о синяках все же разнеслась по школе, и ребята строили самые различные предположения: одни говорили, что Федя с Сашей не поладили друг с другом, другие утверждали, что они приняли участие в драке мальчишек Горной и Набережной улиц.

Анна Павловна не на шутку встревожилась.

— Это уж ни на что не похоже,— сказала она Клаве.— Пионеры, активисты, и заявились в школу с такими синяками! Неужели уличное хулиганство захватывает и наших школьников? Ты разберись, пожалуйста, прими меры.

Но Клава не спешила. Она уже взяла себе за правило не докучать ребятам назойливой опекой и расспросами о драках, ссорах и всяких других неурядицах. Куда отраднее было дождаться, когда пионеры сами придут к ней и по душам расскажут, что с ними случилось хорошего или плохого!

Так Клава поступила и на этот раз. Видя, что Федя и Саша сторонятся взрослых, она не подошла к ним ни в первый день, ни на второй и только на третий как будто невзначай встретила их после урока. Ребята вместе с Димой Петровским стояли в конце коридора и о чем-то оживленно спорили.

Заметив вожатую, Федя с Сашей умолкли и отвернули лица в сторону, но Клава сделала вид, будто совсем не интересуется их синяками, и принялась расспрашивать, как учатся последнее время пионеры второго звена.

— Ничего... Идем без «неудов»,— ответил Саша. И, помявшись, осторожно осведомился: — А чего ж вы нас про синяки не спрашиваете?

— Подумаешь, событие! — фыркнула Клава.— Ну, поцапались из-за каких-нибудь

пустяков, а сейчас, вижу, вы опять вместе. Чего ж тут спрашивать...

— Поцапались?! Мы с Федей?! — изумился Саша.— Ну нет.

— Тогда вас кто-нибудь поколотил. А вы сдачи не смогли дать.

— Эге! — присвистнул Федя.— Еще как дали-то!.. Только силы были неравные: нас двое, а их пятеро.

— Интересно,— прищурилась Клава.— Так вы с пятью и схватились?

— Вы думаете, что они ради озорства подрались? — вмешался в разговор Дима.— И совсем нет.

И он рассказал, что произошло. Федя с Сашей собрали ребятишек своего двора, расчистили вместе с ними площадку и залили водой. Получился неплохой каток, на котором охотно катались и малыши, и девочки, и все остальные школьники, проживающие на Горной улице. Но вот, как коршуны, во двор налетела компания великовозрастных подростков во главе с Сенькой Чубчиком — на улице их зовут «мазуриками» — и захватила каток в свое полное распоряжение.

Федя и Саша выступили в защиту малышей и девчонок, завязалась драка, но силы были неравные, и друзьям изрядно досталось.

— А что ж дальше будет? — обратилась Клава к Саше и Феде.— Подрались вы с «мазуриками», а каток, значит, так у них и останется?

— Ну нет! — упрямо заявил Федя.— Мы тоже свою компанию подберем. Дежурить на катке будем, а нос утрем этому Чубчику.

— Зря все это,— махнул рукой Дима.— Не осилить нам чубчикову компанию. Про нее даже песенку сложили: «С Горной улицы «мазурики» нигде не пропадут, не сгорят и не потонут, ночевать домой придут!»

— Что ж, по-твоему,— рассердился Саша,— пионерам теперь из школы и носа не высовывать? Так и сидеть в четырех стенах?

— А по-твоему, драки на улице заводить, синяки получать?..

— А может, иногда и подраться стоит,— заметила Клава и с упреком посмотрела на Диму.— Эх ты, председатель тишайший! Чего ж ты «мазуриков»-то испугался? Их сколько всего? Пятеро, шестеро. А сколько у нас пионеров в отряде?

— Ну и что? — удивился Дима.

— А вот и то! Собирай-ка совет отряда! Сегодня же! — приказала Клава.— Там и поговорим.

Ничего не понимая, Дима созвал членов совета. Клава коротко рассказала о происхождении Фединых и Сашиных синяков.

— То, что наши пионеры организовали во дворе каток для ребятишек,— дело похвальное,— добавила она.— И то, что они смело схватились с «мазуриками», тоже делает им честь. Но на драках далеко не уйдешь. Я так думаю, что всему нашему отряду надо поддержать почин Феди и Саши и взять шефство над катком.

И Клава повела членов совета отряда на Горную улицу. Здесь ребята отыскали управляющего домами. Узнав, зачем пришли пионеры, тот обрадовался:

— А я уж хотел в школу идти, просить, чтоб помогли нам. Нужно ребятишек как-то от улицы отвлечь. А то что получается? Придут они из школы, а деваться им некуда. За машины цепляются, прохожих задирают. Некоторые покуривают втихомолку, в карты играют, ругаются, дерутся. Да тут еще Чубчик со своей компанией всех одолевает. А школе вроде и дела нет, будто и не ее это ученики...

Из разговора выяснилось, что при домоуправлении имеется красный уголок, но работы в нем никакой не ведется, и он постоянно закрыт.

— Ну вот, ребята, нашлось нам и новое пионерское дело. Хорошее, большое дело! — сказала Клава членам совета, когда они расстались с домоуправом.— Теперь надо все обдумать, наметить план работы, раскачать людей.

Клава рассказала о шефстве над Горной улицей директору школы и старшему пионервожатому, и те обещали ей всяческую поддержку.

Пионеры начали с того, что навели порядок в красном уголке, собрали из своих личных запасов небольшую библиотечку, раздобыли через домоуправа шашки, шахматы, духовое ружье.

Потом они завели знакомство с родителями ребят, проживающих на Горной улице, и привлекли кое-кого из них к работе красного уголка: отец Феди Сушкова стал руководить стрелковым кружком, портниха Самарина взялась обучать девочек швейному делу. С помощью директора школы Клаве удалось уговорить преподавателя математики Воронцова, чтобы тот занялся с мальчишками-радиолюбителями.

Дима Петровский, школьный чемпион по

шашкам, вызвался каждое воскресенье давать одновременный сеанс в шашки на двенадцати досках, и в первое же воскресенье в красный уголок нельзя было протолкаться.

Федя с Сашей по-прежнему продолжали наблюдать за катком и учили ребятишек бегать на коньках.

Чтобы Сенька Чубчик со своей компанией не очень мешал работе красного уголка, Клава договорилась со старшеклассниками, и те выделили комсомольский патруль, который теперь частенько похаживал по Горной улице и дежурил на катке.

В одно из воскресений Клава провела лыжную прогулку ребят с Горной улицы. Сенька Чубчик явился на прогулку на самодельных лыжах и так стремительно съезжал с гор, что обставил всех пионеров и пришел к финишу наравне с Клавой.

Клава попросила его возглавить команду лыжников с Горной улицы и потренировать их к предстоящему состязанию с мальчишками с Набережной улицы.

Немного поломавшись, Чубчик с азартом принялся за работу, заявив, чтобы набереженцы лучше и не лезли с ними состязаться.

Как-то раз, возвращаясь из красного уголка, Дима Петровский завел с вожатой разговор о плане работы отряда.

— А разве мы не по плану работаем? — удивилась Клава.—К походу готовимся, над Горной улицей шефствуем, за хорошую успеваемость деремся...

— Так-то оно так,— без особого подъема согласился Дима.— Только при Зине у нас все было расписано. По дням и часам...

— Записано, расписано, а ребят на сборы силой затаскивали,— заметил Саша.

— Ладно тебе! — отмахнулся Дима. И вновь обратился к Клаве: — Наш отряд всегда первым план составлял. Зина, она ведь как... Закроется в пионерской комнате и за один присест столько всяких мероприятий напридумывает, что их на полгода хватает.

Усмехнувшись, Клава покачала головой. План работы! Эти слова для ребят стали слишком обычными и скучноватыми. Обычно все, что намечает вожатый от себя, мало трогает души ребят, оставляет их равнодушными и безучастными. Как же сделать так, чтобы каждое намеченное дело кровно касалось пионеров? Клава невольно вспомнила, какое оживление охватывало ребят в последнее время, когда они сами находили живое, увлекательное дело. Глаза их становились как бы острее и наблюдательнее. Пионеры замечали поломанные деревья в городском парке, залитую ржавой водой рытвину на улице города, через которую трудно было перебираться жителям, захламленный пустырь позади школы, который можно превратить в спортивную площадку.

— Вот если бы нам руки приложить! — обычно предлагали вожатой пионеры, сообщая о своих очередных наблюдениях.

«Значит, нужно сделать так,— размышляла Клава,— чтобы ребята привыкали вглядываться в жизнь, искали вокруг себя нужные, полезные людям дела...»

— Нет, Дима,— сказала сейчас Клава.— Ничего я вам сочинять не стану. И план мы будем составлять только вместе. Но прежде всего займемся разведкой интересных дел.

— Как это «разведкой дел»?

— Вспомни, например, как мы металлолом всюду разыскивали. Вот и посмотрите зорче вокруг себя. Ищите прежде всего то, что нужно людям, что мы, пионеры, можем сделать хорошего, ищите в школе, на улице...

Через несколько дней пионерские звенья вышли в разведку. Они заглядывали на стройки, на заводы, в учреждения, в жилые дома. Вскоре от разведчиков стали поступать донесения: «На лесозаводе надо очистить от мусора строительную площадку», «В городском парке погибло двадцать деревьев. Необходимо посадить новые», «На чердаке райисполкома обнаружены огромные залежи бумажной макулатуры», «Бабка Панфилова с Горной улицы нуждается в тимуровской помощи».

Немало дел обнаружили разведчики и в своей школе: в библиотеке куча растрепанных книг, которые нужно переплести, в кладовке — поломанные столы, парты, в кабинетах — испорченные учебные приборы.

Добрых, полезных дел набиралось так много, что их теперь могло хватить на всю пионерскую дружину.

— Это вы здорово с разведкой придумали! — похвалил Клаву старший вожатый.— И главное, это ребятам все очень дорого. То, что они сами нашли, разведали, они теперь сделают на совесть, с интересом.

И он посоветовал другим отрядам поддержать почин шестого «Б».

В старом замке Хоэнштейн

Е. РУБЦОВА

Фото И. Гричера.

Этот замок, намертво вросший в каменную верхушку гранитной скалы, много столетий приносил слезы, страдания и смерть всем, кто жил внизу, в зеленых долинах Саксонии.

В средние века здесь было разбойничье гнездо: «благородные» рыцари — владельцы замка — совершали отсюда кровавые набеги на мирных хлебопашцев и горожан.

Потом курфюрсты саксонские, феодальные правители страны, устроили в замке тюрьму. Тюрьмой Хоэнштейн оставался почти до нашего времени: до тех пор, пока не восстали после первой мировой войны немецкие рабочие и кайзер Вильгельм с его колючими, как пики, усами и разбойничьей душой не удрал из Германии.

При фашистах замок Хоэнштейн был превращен в концентрационный лагерь. Туда заключали всех честных людей, не желавших быть заодно с Гитлером, и в первую очередь коммунистов, непримиримых борцов с фашизмом. Потом фашисты решили, что Хоэнштейн недостаточно вместителен. Они стали строить новые концлагеря.

А Хоэнштейн? А Хоэнштейн они подарили фашистской молодежи. Здесь из молодых хулиганов со свастикой воспитывались будущие гестаповцы и солдаты бандитских дивизий. Здесь этих молодчиков учили горланить фашистские песни и орудовать дубинками и ножами...

Все это давно миновало. Советская Армия разгро-

мила фашистов. Родилась Германская Демократическая Республика, где у власти трудовой народ. Старые, седые камни Хоэнштейна живут теперь иной жизнью. Гулкое эхо сводчатых коридоров и залов с удивлением вторит не грубым окрикам, а звонким ребячьим голосам, не стонам, а веселому смеху и песням. Новым песням, в которых поется не о крови и убийствах, а о мире и дружбе, о солнце и труде.

Теперешние хозяева замка — мальчики и девочки в таких синих галстуках, что кажется — это треугольные кусочки неба. Юные пионеры-тельмановцы! Им, своим детям, свободный и мирный народ Германской Демократической Республики отдал замок.

На этих двух страницах перед нами и замок и картинки из его новой, сегодняшней жизни. Внизу на левой стороне — ребята бодро шагают в туристском походе.

Наверху справа — «усовершенствованный» способ мыть запыленные после спортивных занятий кеды: прямо в замковом рве.

Кошка умывается! Ребята дружелюбно наблюдают за ее «работой». Это, конечно, тирфройнде — друзья животных.

А что происходит на самом крайнем снимке справа?

Вечер... Отблеск огня выхватывает из темноты юные лица. Огоньки карманных фонариков светлячками блестят в руках. Такой здесь обычай: когда вечером у костра вспыхивают пионерские песни, в руках у поющих загораются фонарики. Так веселее и интереснее, и если кто не знает слов, может в текст заглянуть.

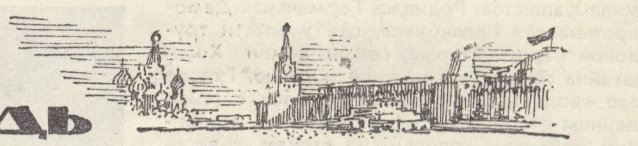

Поют ребята, горят фонарики, а в вышине мерцают звезды, слушая песни о мире, о человеческой дружбе, о новой, свободной Германии и ее детях.

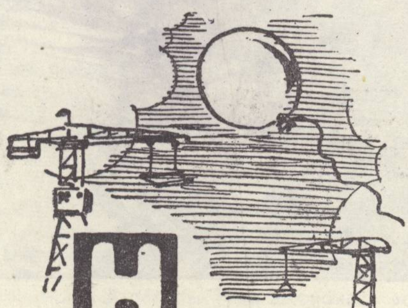
Красная площадь

Стихи Евг. ВИНОКУРОВА

Много туч проплывет над Москвою,
И в каком-нибудь дальнем году,
Скинув кепку, с седой головою
Я на строгую площадь приду,

Где все те же одни, год из года,
Взгляд прямой устремивши во взгляд,
Двое тонких и статных у входа
Вечно юных курсантов стоят.

Небо

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.
Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.
Мучительны его загадки.
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно.
То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка, ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!
Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат!
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!
Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет — и вот
Полоска узкая лазури,
Как-будто бритва, полоснет.
Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.
И кажется, что скоро-скоро
Оно вдруг рухнет, но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.
Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.
...В отличье от всего на свете
Ему конца и края нет.

Осень

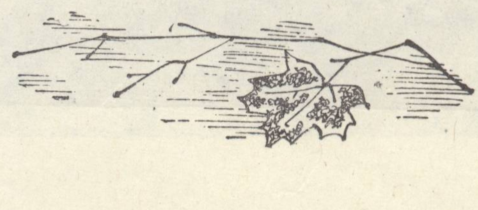
У осени надежная основа...
Мне не сдержать круженья головы
От духа кисловатого квасного,
Идущего от вянущей листвы.
Нет осени возвышенней и строже!
Она умна, печальна и проста,
Хотя ее безумные одежи
Нелепы и пестры, как у шута.
Я, горожанин,
осени не вижу:
Все суетишься, все дела, дела.
Стук кровельщика, что латает крышу,
вдруг возвестит: она уже пришла!
Но где ж она?..
Вокруг толпятся зданья,
Но как-то раз в потемках поутру
Ударит дождь, по стеклам барабаня,
Как сотня барабанов на смотру.

И ветер, как горнист, напев затянет.
Проснувшись, долго смотришь в темноту.
Соседка в кухне за стеною станет,
Ломая спички, разжигать плиту.
Она гремит кастрюлями,
зевая,
Соль ищет, чертыхаясь с полчаса...

Но на подножке дальнего трамвая
Уж я въезжаю в алые леса.
Они стоят,
невидимые крепи
Сдержали их за городской чертой.
В узорном византийском благолепье,
Как терем, поражая пестротой.
Передо мной лимонный, и медовый,
И клюквенный пожар. Как будто сон:
Сторожка. Пень.
Калиткою садовой
Огромный ворох листьев отгребен.

Во вретище смиренная осинка
Трепещет одиноко в стороне...
И охра листьев, и просветов синька,
И тишина приятны были мне.

...Стою меж двух березок, как у входа:
Послушаем, что говорит природа?

З. КАНОНИДИ

Рисунки П. Саркисяна.

Нэпса

1

У молодого грузчика Косты есть дочка. Зовут ее Елени или ласково Еленица. Но чаще кличут просто: «Нэпса!» Так в Греции обращаются к девочкам. А мальчиков кличут: «Нэпэ», «Нэпэ, иди сюда!..»

Но у Косты нет сына, только дочка — маленькая, проворная Еленица.

На рассвете Коста уходит на работу и осторожно прикрывает скрипучую дверь. За калиткой его ждет дед Лазар. Лазар скрючен ревматизмом, как старое оливковое дерево. Ему давно пора на покой, но он еще работает, носит тяжести. А как же иначе? Были у него сыновья — все погибли. Кто на войне, кто в тюрьме, а кто в море. И остался Лазар один.

Старик завидует Косте:

— Бедовая дочка у тебя растет, сосед. И хорошо, что дочка. В солдаты не возьмут, в тюрьму не посадят.

— Как знать... — говорит Коста. — В наше время все бывает.

2

Еленица проснулась, когда встало солнце. Разбудил ее какой-то стук за окном.

— Ток-ток-ток! Ток-ток-ток!

Еленице давно хотелось узнать, кто это стучит по утрам, но сон не пускал с постели. А сегодня она прогнала сон и побежала босиком на крыльцо.

Во дворе мать развешивала белье. Ветер надувал наволочки парусом. Ветер дул с моря, а море было совсем близко, внизу, под горой. Из трубы парохода валил дым — такой густой, что сквозь него можно было глядеть на солнце. Еленица подивилась: солнце маленькое, меньше вчерашней луны.

— Одевайся скорее, нэпса! — сказала мать.

— А кто стучал? — спросила Еленица.

В это время заревел пароход:

— Гау-гау-гау...

Не успел гудок смолкнуть, как гора откликнулась эхом: «Гау-у-у!» — будто передразнила пароход. И только тогда, когда все стихло, Еленица опять услышала стук:

— Ток-ток-ток...

Она подбежала к калитке и выглянула на улицу.

По мостовой шли ослики — целая вереница. Ну, конечно, это они стучали копытцами! Все ослики были навьючены корзинами с зеленью, и только на последнем, самом маленьком, сидел верхом турок Мустафа. Длинные ноги Мустафы волочились по дороге. Стоптанные чувяки с загнутыми носками бороздили пыль, и она облачком вилась над ним, оседая на красную феску. Черная кисточка фески стала от пыли серой. И осел был серый, мышастый. Только ноги его ниже колен были белые, будто в носках, а вокруг глаз — черные кольца.

— Ослик в очках! — засмеялась Еленица. — Новый ослик у Мустафы!

День начинался хорошо: солнце, ветер и новый ослик у Мустафы. Зеленщик всегда

привозит что-нибудь вкусное: яблоки, деревенский сыр — брынзу, завернутый в мокрую тряпку, или фасоль в зеленых стручках.

3

В полдень отец не пришел обедать.

— Нэпса! — позвала мать. — Сбегай-ка в порт, отнеси отцу поесть.

Еленица сполоснула теплой водой котелок, и мать налила туда густого фасолевого супу. Суп только что кипел, от него валил пар с вкусным запахом лука, поджаренного на оливковом масле.

Прихватив узелок с котелком и краюхой хлеба, Еленица со всех ног бросилась вниз по улице. Хорошо, что котелок был плотно закрыт крышкой!

— Тише, нэпса, тише! — крикнула мать, но дочки уже и след простыл.

Ноги сами принесли Еленицу к старым воротам порта. Она прошмыгнула мимо сторожа и пошла туда, где виднелась куча белого мрамора.

Отец спускался по сходням. На спине его лежала большая глыба с острыми краями. Она пригибала Косту к земле.

— Папа! — крикнула Еленица.

Старый Лазар погрозил ей пальцем.

— Молчи, нэпса, а то отец поскользнется. Не кричи ему под руку!

Коста осторожно положил мраморную глыбу и только тогда обернулся.

— А вот и ты, нэпса! Обед принесла? Мы тут задержались с Лазаром...

Ноги у него дрожали, глаза покраснели. Коста развязал узелок, разломил краюху пополам и кивнул деду Лазару.

— Садись, отведай, что Еленица принесла нам на обед!

Еленица не могла спокойно ждать, пока они опорожнят котелок. Она вьюном вертелась вокруг и досаждала вопросами:

— Откуда мрамор? Вам еще много разгружать? А чья это баржа?

— Иди-ка, нэпса, погуляй! Дай отцу кусок проглотить, — сказал наконец старый Лазар.

Еленица надула губы, будто ей обидно, а сама была рада-радехонька, что можно побегать по причалам, по длинному молу. За молом и вода другая — не такая, как в гавани. Здесь волны мелкие, суетливые, все в радужных пятнах мазута и бензина. На них качаются арбузные корки, окурки. А за молом — чистая морская волна с белыми гребешками, прозрачная, насквозь просвеченная солнцем. Волны шли с тихим шипением и разбивались о серые камни мола, обдавая Еленицу свежими брызгами. Она долго смотрела с мола в открытое море, потом оглянулась на гавань, на порт. Там было тихо, будто вымерло все. Ни грузчиков не видно, ни лоцманов, ни матросов. Только кое-где чернели одинокие фигурки. «Жандармы!» — догадалась Еленица.

Она повернула назад и в это время услышала рокот мотора. Катер, оставляя белый след, влетел в ворота порта. На всех парах он шел к тому причалу, где виднелась белоснежная куча мрамора и стояла баржа.

Еленица бросилась к отцу.

— Папа, — кричала она на бегу, — папа, а где люди? Забастовали, да?

Отец вышел ей навстречу. Он потряхивал пустым котелком. В котелке бренчали ложки.

— Если б забастовали, я бы тоже не работал, нэпса. Выгнали всех, а почему, никто не знает. Приказали и нам убираться, да Лазар совсем расклеился... Не управились мы...

В это время катер причалил к пристани. Волны качали его, и трап шаркал по настилу пристани: «Шрр-шр...» Из каютки вышел жандарм и ступил на тонкие доски трапа. Трап прогнулся под его тяжестью.

Увидя жандарма, Коста сделал шаг назад, за угол склада, и потянул за собой дочку.

— Нэпса, сюда...

Волны сильно подбросили катер. Трап едва не свалился в воду.

— Анафема! — выругался жандарм, придерживая трап ногой.

Еленица не утерпела, высунулась из-за угла и увидела, как с катера на пристань сошел второй жандарм. У него через плечо был перекинут... человек. Руки, голова, ноги человека безжизненно висели.

«Наверное, укачало», — подумала Еленица.

— Глядите, глядите, — зашептал Лазар, — что делают, мерзавцы!

— Так и есть... Это Манолис, — сказал отец. — Погляди: он?

Лазар присмотрелся:

— Он... И в наручниках!

Отец стиснул кулаки и закричал так, что у него вздулись жилы на шее:

— Позор вам, собаки! Снимите наручники!

— Коста! С ума спятил! — всполошился дед Лазар. Он схватил Еленицу, втолкнул ее в приоткрытую дверь склада. — Спрячься, нэпса!

Съежившись в темном углу, Еленица притаилась. Она услышала тяжелый топот и свист. Наверное, это бежали отец и старый Лазар, а за ними гнался полицейский... Щелкнул одинокий выстрел.

4

Когда она решилась выйти наружу, солнце уже село. Море немного успокоилось, но стало серым, холодным. Алюминиевый котелок, сплющенный тяжелым сапогом, валялся у двери склада. А крышка от котелка лежала у самого края причала. Море наплескало в нее воды. Маленькая медуза, прозрачная, как стекло, плавала в крышке. Еленица выплеснула воду в море вместе с медузой и попыталась прикрыть котелок, но он был так изуродован, что из этого ничего не вышло.

Держа котелок за оторванную дужку, Еленица побрела домой. «В чем я теперь буду носить папе обед? — думала Еленица. — А вдруг его схватили? А вдруг?..» Она вспомнила про выстрел и, задыхаясь, стала взбираться вверх по крутой улице. Вот и калитка. Но почему она открыта и хлопает на ветру?

5

Ночью Еленица не может уснуть.

— Послушай, мама, — шепчет она, — а нашего папу отпустят? Где он сейчас? Он вместе с Манолисом?

— Не знаю, доченька... Ничего я не знаю...

Мать не смыкает глаз всю ночь. Всю ночь она вяжет, быстро-быстро перебирая спицами. Говорят, работа успокаивает... Клубок белой шерсти шевелится у нее в подоле, как живой, и Еленица не сводит с него глаз. Она думает о том человеке, которого нес на спине жандарм. Того человека знает вся Греция. Это Манолис Глезос. Имя его редко произносят вслух, но все его знают и все его любят. Это он, Глезос, сорвал фашистский флаг с Акрополя. Тогда он был совсем молодым, студентом. А теперь он больной и седой. Сколько раз его сажали в тюрьму! А дома у него есть сынишка, маленький Нико. Видел ли он своего отца? Знает ли, что его привезли с острова Корфу? Говорят, в тюрьме людей морят голодом, не дают воды...

— Мама, — шепчет Еленица, — хорошо, что я папе отнесла обед. Он так любит фасолевый суп. Когда ему теперь дадут такой суп?

— Спи, нэпса, спи, — успокаивает Еленицу мать.

— А ты?

— Я посижу еще немного.

Под утро Еленица засыпает. И снится ей, что они с отцом поднимаются по широким каменным ступеням все выше и выше в гору. Еленица держит котелок за сломанную дужку, и он бренчит: «Ток-ток-ток». А отец идет рядом. Руки у него за спиной. Еленица не видит их, но знает, что они в стальных наручниках. Наручники надоедливо звенят.

— Папа, сними их! — просит Еленица. — Сними!.. — И просыпается. Глаза у нее мокрые.

Оказывается, уже светло.

— Ток-ток-ток! Ток-ток-ток! — стучат копытца осликов. Это зеленщик Мустафа спешит на базар. Но Еленица не выбегает ему навстречу. Она лежит и слушает, о чем говорят мама и дед Лазар.

— Понимаешь, Софи, мы ничего не можем поделать. Сила в их руках.

При этом он вертит котелок, стараясь приделать дужку. Руки у старика корявые, пальцы заскорузлые, но крепкие. Они гнут алюминий, расправляют стенки котелка. Еленица смотрит на его пальцы и думает: о ком говорит дед Лазар?

— Понимаешь, Софи?

— Понимаю, — вздыхает мать.

— Ты не сердись на меня, — просит дед. — Я не виноват, что арестовали Косту... Его схватили, а меня нет... Только пинка дали такого, что я грохнулся наземь. Они сильные, черти!..

«Да, сильные», — думает Еленица. И вспоминает того жандарма, который нес Манолиса. «Наверное, он мог бы взять и деда Лазара, перекинуть через другое плечо и нести обоих. Куда бы он понес их? Наверное, в черную машину. В ту, в которую сажают арестованных».

Дед Лазар ставит на стол котелок. Бока у котелка помяты, но дужка на месте, и крышка хотя с трудом, но закрывается.

— Скажи, Софи, что тебе еще сделать? Чем помочь? Может, по хозяйству что надо? — говорит дед виноватым голосом. — Ты не стесняйся. Руки мои тоскуют без дела. Да, чуть не забыл! Башка старая, дырявая. Ребята вот собрали тебе немного деньжат. На первое время... А там посмотрим. Может, его выпустят.

Дед Лазар достает из кармана обвисших штанов пачку смятых драхм и дает матери. Она молча берет деньги и прячет их под клеенку на столе. Потом оглядывается на Еленицу.

— Нэпса, пора вставать. Сбегай-ка купи хлеба. Больше ничего не покупай!

Еленицу просить не надо. В одну минуту она натягивает платьишко, заплетает потуже косички и мчится вниз по улице.

6

Возвращается она с пустыми руками.

— Мама-а-а! — еще издали кричит Еленица.

— Потеряла деньги? — спрашивает мать.

Еленица молча разжимает ладонь. На ладони запотевшие монетки.

— Там такое творится!.. Пекарня закрыта. Народу тьма-тьмущая! Все кричат! Собираются идти к центру. На стене бакалейной лавки написали: «Свободу Манолису!».

Старик вскакивает, как молодой.

— Ну, я пошел, Софи.

— Сидел бы уж... Без тебя там не обойдутся?

— Как знать, как знать... — на ходу бормочет Лазар и хлопает калиткой.

— Мама, можно и я пойду? — просит Еленица.

— Не смей! — кричит мать. — Только тебя там и не хватало!

Еленица пускается на хитрость.

— Тогда я наведаюсь к соседям, спрошу, где они брали хлеб.

— Ну, иди, — разрешает мать. — И скорее назад!

Еленица для виду поднимается вверх по улице, потом, пригнувшись, прошмыгивает мимо своей калитки и летит вниз огромными прыжками.

— Нэпса, куда ты? Вернись сейчас же! — кричит мать вдогонку.

Но Еленицы уже не видно.

7

У старых ворот в порт собралась огромная толпа. Это грузчики, матросы, женщины из пригорода. Толпа не стоит и не идет. Она колышется, как морская волна. Еленица с трудом пробирается в тесноте. На каменной стене, где только что чернели буквы: «Свободу Манолису!», — огромное белое пятно. Это бакалейщик замазал их известкой. Но чем

больше сохнет известка, тем ярче сквозь нее проступают буквы. Уже легко можно прочесть: «Свободу...» Еленице очень хочется написать рядом: «и моему папе». Но чем написать? Если бы у нее был уголек...

В толпе тесно, жарко. Еленица взбирается на каменную изгородь сада бакалейщика и бежит по щербатым, замшелым камням.

— Нэпса, упадешь! — кричат ей снизу, но она знает: если и оступится и упадет, ее подхватят десятки рук.

Внизу начинается кутерьма. Сверху Еленице видно, что всю улицу загородили полицейские машины и мотоциклы. Она хотела было спрыгнуть в сад бакалейщика, но там на цепи огромный пес. Он уже не лает, а хрипит. Изгородь кончилась, перед Еленицей глухая стена отеля. Она прыгает прямо в толпу. Ее подхватывают и передают с рук на руки.

— Осторожно!

— Сюда, нэпса, скорее!

Толпу стискивают все больше и больше. Люди задыхаются, прижатые к стене, к домам. Рокот машин и мотоциклов нарастает. Наверное, они движутся на толпу. Кого-то бьют. Слышатся выкрики, стоны.

— Скорее, скорее, нэпса! — торопят Еленицу незнакомые люди. На четвереньках она пробирается по чьим-то головам и плечам. Ее бережно поддерживают руки, такие же сильные, как руки отца. Вот и дощатый забор рынка. Еленица с трудом пролезает в щель и попадает в торговый ряд. Но тут полно полицейских. Они выгоняют крестьян и орут:

— Базар закрыт! Базар закрыт!..

«Сейчас меня схватят», — думает Еленица и пятится к забору. Вдруг она замечает мышастого ослика Мустафы. Зеленщик спешно навьючивает его корзинками.

— Дяденька! — просит Еленица. — Отвези меня домой, пожалуйста!

— Тебя? — удивляется Мустафа. — Может, тебе еще и карету подать? Иди ногами!

— Там страшно! — Еленица чуть не плачет.

Мустафа оглядывается по сторонам, берет большую корзину с круглым дном, в которой привез виноград, и командует:

— Ну-ка, полезай сюда!

Еленица осторожно усаживается в корзине, Мустафа приторачивает корзину к седлу.

Наконец он звучно шлепает ослика по крупу: «Айда!»

Сначала было трудно пробиться в толпе, потом ослики свернули на тихую улочку.

— Ток-ток-ток! — знакомо стучали маленькие крепкие копытца.

Мустафа шел рядом и поддерживал корзину.

— Куда прикажешь везти тебя, маленькая джан? Во дворец короля или еще куда?

— Домой!

— А где ты живешь?

— У старых портовых ворот.

— Уж не дочка ли ты грузчика Косты?

— Дочка.

Больше Мустафа ни о чем не спрашивал. Наконец караван осликов стал. Мустафа постучал в калитку.

— Э, хозяйка, не надо ли луку, чесноку? Не надо ли брынзы? Дешево отдам.

— Нет, спасибо, спасибо, ничего нам не надо! — отозвался голос матери.

Но Мустафа вошел во двор, ведя на поводу ослика, отвязал корзинку и потащил ее в дом.

— Куда? Пожалуйста, не надо! — взмолилась мать.

— Ничего, хозяйка, я дорого не возьму! А могу и в долг дать.

Мустафа поставил корзину посреди комнаты, повертел над ней рукой и сказал таким голосом, как фокусник на базаре:

— О аллах, аллах, аллах! Сотвори чудо! Пусть из корзинки выйдет тот, кого ты ждешь!

Еленица вылезла из корзины.

— Господи! — воскликнула мать. — Еленица, откуда ты взялась?

— Хорош лучок? — смеялся Мустафа. Потом стал серьезным. — А где хозяин? Не выпустили его?

— Нет...

Еленица подбежала к матери, прижалась к ее коленям.

Хлопнула калитка, и на крыльцо ступил дед Лазар. На лице его синел кровоподтек.

— Не взяли! — сказал он с порога, даже не кивнув своему приятелю Мустафе.

— Куда не взяли? — спросила мать.

— В каталажку, Софи. Пришел я к комиссару и говорю: так и так. Отпустите Косту Спанидиса, а меня посадите. Вместо него. У Косты семья: жена, дочка... А я один. Один на всем белом свете. Кроме Косты, кто возьмет меня, старика, в пару баржи разгружать? Никто. Кто даст мне ложку, хлеб, скажет: «Садись, Лазар, обедать»? Никто...

— Дедушка, а кто тебе синяк посадил? — спросила Еленица.

— О нэпса, на такие дела охотников много.

Мать сварила кофе, разлила его в маленькие чашечки, подала старикам.

— Прошу вас...

Мустафа и Лазар бережно взяли чашки.

Еленица выбежала во двор присмотреть за ослами. Она гладила серого, очкастого, а сама поглядывала, не покажется ли знакомая фигура отца. Но улица была пустынна, даже собаки попрятались в тень.

Еленица пошла в дом. С порога она обернулась и замерла: отец тяжело поднимался в гору. Его кудрявая голова была забинтована.

— Папа! — бросилась к нему Еленица. — Тебя отпустили?

— Да... На поруки. Товарищи взяли.

Он подхватил дочку и вошел в комнату.

— Коста! — крикнула Софи и заплакала.

Дед Лазар сказал невозмутимо:

— А, вот и ты, сосед!

Мустафа приподнялся.

— Хозяин, привет... А как Манолис?

— Говорят, жив... Говорят, на суд привезли. Судить будут на Крите.

Все замолчали и задумались.

Тогда Еленица сказала:

— Его тоже должны отпустить. Тебя отпустили, и его тоже!

— Что я? — пожал отец плечами. — Я простой грузчик, а он...

— Но ведь все люди хотят, чтобы его отпустили! Даже на стене написали: «Свободу Манолису!».

— Э, дочка-джан! — усмехнулся Мустафа. — Как ты складно сказала: написали — отпустили... В жизни не все так просто. Вот если бы ты была дочкой короля и написала, тогда Манолиса, может, и отпустили бы. А ты всего-навсего дочка грузчика.

— А мой папа сильнее короля! — обиделась Еленица.

Дед Лазар хлопнул шапкой по столу.

— Убей меня бог, если это не золотые слова! Ясно: грузчик сильнее короля. Так должно быть! И так будет! Вот увидишь, нэпса!

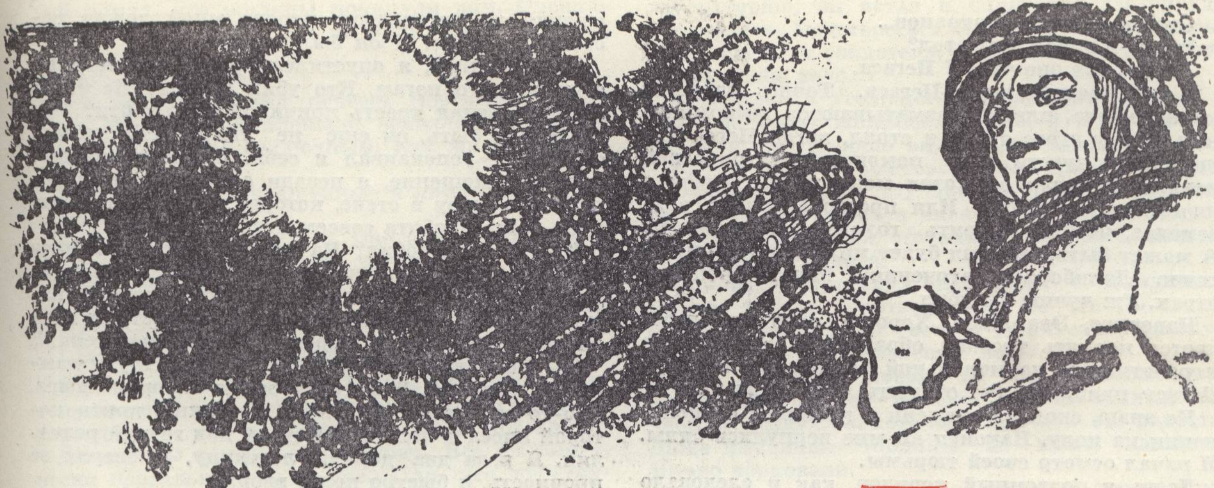
В порту загудел пароход:

— Гау-гау-гууу!

Эхо откликнулось ему, будто передразнило насмешливо:

— У-у-у!..

Пароходы могли гудеть, сколько им вздумается: все грузчики в большом порту объявили забастовку.

Пульс бесконечности

Фантастическая повесть

Окончание.

В. БАБУЛА

Рисунки Н. Кольчицкого.

4. ЗАКОЛДОВАННЫЙ ГОРОД

Мы самые несчастные из всех потерпевших кораблекрушение, какие только рождались на нашей планете. Что за роскошная была жизнь у Робинзона Крузо по сравнению с нами! Над его головой щебетали птицы, берега острова омывало чарующее, вечно изменчивое море... Сейчас самая страшная земная буря показалась бы мне слаще музыки.

Потерпевшие кораблекрушение в межзвездном океане, затерянные в бесконечном леденящем космосе!..

Неделю назад заболел Манго, мужественный, пытливый Манго. Он вычислил скорость нашего полета и пришел к фантастической цифре: в десять раз быстрее скорости света. Я не поверил собственным глазам. Несколько раз проконтролировал электронно-вычислительный аппарат, но ошибка была исключена.

— Сошел с ума, я просто сошел с ума! — твердил Манго, сообщив нам результаты вычислений.— Такая скорость вообще невозможна...

Мы стали успокаивать нашего бедного Манго, но все оказалось напрасным.

Теперь Манго лежит на койке и бредит, словно в лихорадке. Его крики прерывают нить моих воспоминаний, я не могу сосредоточиться. Не знаю, стоит ли вообще продолжать... Но как же тогда найти ту трагическую ошибку?..

Манго уснул.

Я пользуюсь минутой тишины и возвращаюсь мыслями на Землю, к Пегасу, в его подземную лабораторию. Как же все случилось? Пегас лишил меня сознания. Вспоминаю, что было потом...

* * *

Я медленно приходил в себя.

Где я? Почему лежу навзничь на сыром бетоне? Почему здесь так темно? Или я ослеп? Бетон подо мной невыносимо холодный, должно быть, это дорога, а там, где-то в полях, щебечут птицы и гремит целый оркестр кузнечиков.

Я ощупываю свое тело. Голова тяжелая, как камень.

— Эй, есть тут кто? — выговорил я с трудом. Но это же не мой голос!.. И откуда такое глухое эхо? Проклятые кузнечики, хоть бы на минуту умолкли...

Пытаюсь встать. Но дело идет туго. С усилием подтягиваю ноги. Угодил каблуком в какую-то коробку. Из нее вырвался кружок света.

Значит, я вижу!

Голова безуспешно отдает приказ рукам овладеть загадочным источником света. Вот он, рядом и все же недоступен.

Я крепко сжимаю коробку в ладони. Свет слепит, но я не отрываю взгляда.

Я неуклюже поворачиваю перед собой конус света. Глаза долго привыкают к призрачной картине, вызванной чарами коробки.

Стол и несколько экранов...

Где ж я видел этот стол?

Ах, да, вот оно что! У Пегаса.

Я в подземной норе Пегаса. Точно катушка магнитофона, плавно разматываются воспоминания. Вот у этого стола я стоял, когда Пегас лишил меня чувств при помощи электрической искры. Неужели он хотел меня убить, чтобы я не выдал его тайну? Или просто бросил в подземелье, чтобы уморить голодом и жаждой? А может быть, он меня будет милостиво кормить, точно Далибора в заточении? Меня пронизал страх. Уж лучше бы убил...

Наверное, Эва ждет. Хорошо, если она догадается поднять тревогу, обратиться за помощью к работникам национальной безопасности. Тогда Пегасу пришлось бы открыть свои карты...

Не знаю, сколько времени я просидел в оцепенении на полу. Наконец ко мне вернулись силы. Я начал осмотр своей тюрьмы.

Дверь в подземный коридор, как и следовало ожидать, была заперта. Я ползал вдоль стены до тех пор, пока не наткнулся на вторую дверь, которую вначале не заметил. Она была скрыта за высокой панелью с множеством рубильников и реле.

Превосходно, дело идет на лад! Очевидно, Пегас забыл про эту дверь.

За дверью стоял почти непрозрачный синий туман. Источника света я не нашел. Мне показалось, что все пространство заполнено мельчайшими частицами фосфоресцирующей пыли. Светящаяся коробка помогла мне определить, что я попал в небольшое помещение, устроенное точно так же, как и лаборатория.

Итак, я просто перешел из одной тюрьмы в другую. Моя отяжелевшая голова не хотела этого понять. Я снова выбрал дорогу вдоль стены, обходя с опаской все незнакомые конструкции, панельки и пульты. Я боялся буквально каждого контакта, каждого пучка проволочки. Черт его знает, где таится новая ловушка!

В углу затхлой камеры я неожиданно наткнулся на стеклянную поверхность. Лучом светящейся коробки я осторожно ощупал новое препятствие. И вдруг сердце у меня сжалось от ужаса. В свете батарейки я увидел за стеклом Пегаса. Он лежал лицом вверх на чем-то вроде операционного стола. Руки его были сложены на груди. Казалось, он размышляет о чем-то, закрыв глаза.

Меня охватила ярость. Она вернула мне силу. Я в бешенстве забарабанил по стеклянной стене:

— Вставайте, доктор Пегас, сейчас не время отдыхать! Я здесь, я еще жив! Жив, вы слышите?

Мертвенно-бледное лицо даже не дрогнуло.

Под ногами звякнул стальной стержень. Он попался мне как раз кстати. Без раздумья одним ударом я разбил стеклянную стену.

Я наклонился над лицом Пегаса. На лице застыла та самая высокомерная усмешка, которая неизгладимо врезалась в мою память. С минуту я колебался. Надо его разбудить: без его помощи мне не выбраться отсюда. Я схватил Пегаса за руку и почувствовал, что она похожа на гипсовый слепок. Приложив ухо к груди Пегаса, я прислушался, но не услышал ни малейшего шороха.

Я снова стал пристально изучать его лицо. Сомнений не оставалось: передо мной лежал настоящий Пегас. И он был мертв.

Потрясенный, я опустился прямо на осколки стекла к его ногам. Кто убил Пегаса? Не стала ли моя слепая ярость причиной его смерти?

«Может быть, он еще не умер и его можно спасти?» — успокаивал я себя. Осмотрев внимательно помещение, я позади одного прибора обнаружил дыру в стене, которая, как мне показалось, была пробита совсем недавно.

Кто же ее пробил? На размышления не было времени. Я пролез через отверстие в коридор Дитценхофера. Сомнений не было: воздух насыщен запахом прели, тикают хронометром капли воды, перламутр сырости блестит на стенах...

За поворотом я вдруг наткнулся на груду камней и кирпича. В потолке зияла вторая дыра. Кто-то спустил веревочную лестницу, конец которой висел в полутора метрах над грудой развалин. Я раза два дернул лестницу, проверяя ее прочность, и быстро полез вверх.

И вот наконец я в маленьком коридоре обычного старопражского подвала. Путь к свободе найден... Лестница вывела меня наверх, в прихожую дома «У двух горлиц». Я постучал в первую попавшуюся дверь и, не услышав ответа, бросился на второй этаж. После того, как и там мне никто не ответил, я решил войти в третью дверь без стука. К моему удивлению, она оказалась открытой, а квартира пустой. Соседняя тоже.

Я понял, что жильцы покинули дом. Очевидно, они ушли в спешке: ни один не вспомнил, что надо запереть двери.

Что же случилось?

Я выбежал из дома, пересек Ностицову улицу и на Мальтезской площади ворвался в угловой дом. Он оказался безлюдным. Как же мне найти врача?

Через ворота, покрашенные в кирпичный цвет, я вошел во двор.

— Эй, люди, отзовитесь, мне нужна помощь, я ищу врача! — кричал я до хрипоты.

Серые стены с рядами закрытых окон ответили мне пустым гулом. Стая воробьев испуганно взметнулась с крыши.

Старинные дома молчали.

Куда же девались люди? Куда они ушли, жители этого тихого уголка древней Праги? Или их заколдовали, как в сказке о Спящей Красавице?

Даже часы всюду остановились. Все фантастически нереально, как во сне. Или это действительно сон, от которого я очнусь рано утром? И Пегас — только плод моей фантазии, призрачная химера?

Я должен вернуться к Пегасу! Должен убедиться, что это не сон, должен вернуться к реальной действительности. Такие мысли мелькали у меня в голове, пока я бежал назад, к дому «У двух горлиц».

Я остановился перед дверью, ведущей в погреб, и подумал, что могу спуститься в подземелье через квартиру Пегаса, как я попал туда в первый раз.

Электронный Ферда вновь игнорировал мои просьбы, но вскоре я убедился, что теперь он мне не нужен: квартира Пегаса была не заперта.

Стальная дверца над камином тоже открылась без помощи Ферды. Она скрипнула под моими руками, и я обомлел: отверстие в шахту было замуровано. Простукав камень, я убедился, что вход в подземелье закрыт бетонной оштукатуренной плитой. Я колотил по ней кулаком, тяжелым куском свинца, найденным на столе. Она не поддавалась. Я осмотрел и дверцы, и стену вокруг, и камин; мне не удалось обнаружить ни одной потайной кнопки, которая бы устранила препятствие. Итак, последняя надежда — невидимый слуга.

— Ферда, пусти меня в лабораторию! Слышишь? Я хочу пройти к твоему господину в лабораторию. Твоему господину угрожает смертельная опасность,— уговаривал я Ферду, точно это живое существо.

Ферда молчал. Казалось, он смеется надо мной где-нибудь в глубине своих реле и катушек или вместе с другими жильцами покинул этот мертвый дом. Я вспомнил: можно вернуться в подземелье через погреб.

На этот раз я нашел дорогу без особого труда. Проникнув через пролом в затхлое помещение, я подошел к ложу Пегаса.

Ложе Пегаса было пусто!

На лбу у меня выступил холодный пот. Не веря своим глазам, я погасил фонарик и снова его зажег. Пегас исчез. Был ли он на самом деле?

Был, конечно, был! Вот здесь лежала его тяжелая, массивная голова, здесь покоилась широкая грудь с ледяными руками...

Значит, Пегас только прикидывался мертвым! Очевидно, я застиг его врасплох; он полагал, что я уже не приду в сознание. А когда я покинул лабораторию, он встал и спрятался где-нибудь поблизости. Подстерегает меня, чтобы избавиться навсегда от свидетеля, а потом докончить свое дьявольское дело...

Я забился в угол, погасил фонарик. Теперь у меня надежно защищена спина, и в случае нападения мне хорошо видно все подземелье.

Время шло, я настороженно прислушивался, проклиная громко стучащее сердце. Оно, казалось, бьется где-то в висках. Затхлый, сырой воздух подземелья проникал до мозга костей. Я дрожал от холода.

Наконец я стряхнул оцепенение. С невидимым врагом трудно бороться; надо во что бы то ни стало выбраться на свет. Я решительно шагнул к выходу из этой зловещей норы.

Еще несколько поворотов, еще несколько неуверенных шагов — и меня окутал теплый вечерний воздух. Захотелось кричать от радости. Даже каменные горлицы на щите, казалось, мирно ворковали.

И тут же я вновь насторожился. Пегас меня может преследовать и на улице. Помощи ждать неоткуда: город безлюден.

«Но почему? Куда ушли жители Малой Стра́ны? Что случилось? Не вымерла же вся Прага»,— размышлял я по дороге в редакцию. Только в редакции можно найти ответ на все загадки.

Я спешил по Ностицовой улице, то и дело озираясь в опасении, что за мной по пятам крадется Пегас. В безлюдном городе на человека нападает такая тоска! И вдруг до меня донесся детский голосок. Или мне померещилось? Нет, и в самом деле где-то неподалеку напевает ребенок.

Под аркой, на ступеньках, ведущих вниз, я нашел трехлетнюю девочку. Она раскладывала вокруг себя камешки, которые вынимала из кармана передника.

— Два камешка, камешек, два камешка, огонек, тра-ля-ля-ля,— пела она песенку, которую, вероятно, только что сама сочинила.

— Дядя, сыграй со мной,— попросила она, заметив меня.

«Наконец-то живая душа! — обрадовался я.— Если тут ребенок, то поблизости должна находиться и мать».

— Где же твоя мама, девочка? — спросил я.

— Я не девочка, я Эвичка,— возразила она.

— Ну ладно, Эвичка,— засмеялся я с облегчением.— Ты здесь живешь?

— Что ты! — пропела Эвичка.— Я живу вон там,— махнула она неопределенно рукой.

— Значит, где-нибудь в доме напротив? — выспрашивал я.

— Что ты! Я живу далеко за мостом.

— За мостом через Влтаву?

— Ага! За Кар-р-рловым мостом,— прокартавила она.

— А где же твоя мама? Ушла в магазин?

— Что ты! — завертела она головой.— Мама дома.

— Ты здесь одна? Кто же тебя привел? — удивился я.

— А я убежала. Только ты никому не говори!

— Вот это мне нравится! Убежала. Да еще так далеко! Ну, идем, я отведу тебя домой. Наверно, мама уже беспокоится.

Она с готовностью вложила ручку в мою ладонь, и мы зашагали по залитой солнцем мостовой.

Неожиданно я услышал странный гул. Я остановился и прислушался.

Гул усиливался.

— Не бойся, дядя! Это самолеты,— успокоила меня Эвичка.

Я погладил ее по голове, но тревога моя возросла.

Над Микулашским храмом сверкнул первый самолет, и тотчас же за ним вынырнула целая стая каких-то странных металлических птиц.

— Это же не наши самолеты! — закричал я в ужасе.

Маленькая Эва заплакала.

— Прага эвакуировалась, на нас напал враг! — догадался я.— Атомная война! Так вот почему все дома опустели!

У меня подкосились ноги. Ужасная картина мучительной огненной смерти приковала меня к месту.

Эвичка непонимающе смотрела на меня большими, полными слез глазами и тихонько всхлипывала. Я схватил ее на руки, бросился под арку ближайшего дома и пробежал по темному коридору на тесный дворик, куда, очевидно, редко заглядывало солнце. В углу возле винтовой лестницы виднелись мрачные, кованые двери. Я стремительно открыл их и, освещая себе путь фонариком, быстро спустился в подвал.

«Снова лезу под землю, как крот»,— мелькнуло у меня в голове.

Девочка стала кричать:

— Я хочу домой! Я боюсь!

Я забрался вместе с ней в самый дальний угол подвала и сел спиной к входу, скорчившись над беспомощной фигуркой, чтобы защитить ее от радиоактивного излучения.

Это были ужасные минуты, наверное, самые ужасные в моей жизни. Я ждал взрыва. Бежали минуты, прошел час. Эвичка умолкла. Она только дрожала и тихонько всхлипывала. Я прижал ее к себе и неожиданно сам расплакался.

Эвичка вдруг перестала всхлипывать.

— Почему ты так боишься? — прошептала она мне в самое ухо, словно опасаясь, что ее кто-нибудь услышит.

— Ты еще этого не поймешь, ты не знаешь, что такое война,— отвечал я ей тоже шепотом.

Через полчаса я наконец решился: закутал девочку в свою куртку и стал медленно подниматься по сырым ступеням.

Мальтезская площадь была попрежнему пустынна. Небо потемнело. Часы на башне Микулашского храма пробили девять.

Я бросился по направлению к Карлову мосту.

— Почему ты меня несешь на руках, дядя? Ведь я умею ходить сама! Ты только опусти меня на землю, вот увидишь,— болтала Эвичка, которая мигом забыла о тяжелых минутах в подвале.

— Ладно,— согласился я,— только куртку не снимай и ни о чем не спрашивай.

Мы пробежали через Велькопреворскую площадь. Лихорадочно работающий мозг приказывал: скорее к людям! Только бы быть вместе с другими людьми!

Еще минута отдыха под кривой лестницей — и мы уже бежали по Карлову мосту. Нигде ни одной живой души. Шум плотины только подчеркивал мертвую тишину города...

И тут от Карловой улицы до нас долетели смех, чьи-то веселые голоса.

Из-за угла вышла шумная компания юношей и девушек. Я смотрел на них, как на привидения. Сколько людей сразу!..

Веселая компания быстро приближалась к нам. Я уже открыл рот, собираясь спросить, почему Малая Стра́на так безлюдна и что вообще происходит, но в последний момент почему-то передумал.

На узких уличках Старого города все чаще и чаще встречались пешеходы.

Тщетно я искал объяснения, почему на левом берегу Влтавы так пустынно и мертво, тогда как на правом жизнь идет своим чередом.

На Целетной улице, завидев Пороховую башню, Эвичка воскликнула:

— Ну вот, я уже дома! Мы живем здесь,— показала она на Фруктовый рынок.— Прощай!

Она помахала мне рукой, и вскоре ее юбочка замелькала уже где-то у дома на другой стороне улицы.

5. ЧУЖОЙ ДОМ

Пройдя под сводами Пороховой башни, я оторопел. То, что я увидел, превосходило самые смелые выдумки в моих фантастических рассказах.

Холодное, казенное здание банка исчезло. На его месте стояла группа зданий, построенных со вкусом и в необычайном стиле, украшенных фресками и скульптурой. Над входом одного из них светилась надпись: «Метро».

Возможно ли это? Построить все за одну ночь?..

Только теперь я заметил, что люди на улицах как-то необычно одеты. Но такая же одежда была и на мне! Откуда она взялась? И как это раньше я не обратил внимания? Что случилось с моим мозгом? Виноват Пегас, нет сомнения.

Я осматривался в растерянности. Весь Пршикоп неузнаваемо изменился. Люди на тротуарах стояли... и все же двигались в обоих направлениях.

На смену страху и удивлению пришло любопытство. Тоскливое чувство исчезло.

Я вскочил на движущийся тротуар, с трудом удерживая смех. Все мне вдруг показалось таким забавным! Очевидно, это была реакция на полные напряжения минуты в Малой Стра́не.

У Вацлавской площади я перешел на другой тротуар и поплыл, словно в лодке, по изменившемуся до неузнаваемости городу.

— Добрый вечер, профессор! — крикнул мне кто-то с противоположного тротуара.

Я в растерянности оглянулся, но группа людей, откуда донеслось приветствие, уплыла дальше. Вероятно, кто-нибудь ошибся...

С неподвижного тротуара мне замахала рукой какая-то девушка. Через минуту она уже стояла рядом со мной.

— Здравствуйте, профессор, как ваши дела? — улыбнулась она приветливо.

— Здравствуйте. Но я не профессор,— в смущении пробормотал я.

Девушка пристально посмотрела мне в лицо.

— Вы шутите, конечно! Я же ваша студентка, Марта Горничкова.

— Очевидно, я двойник вашего профессора.

— В таком случае извините... профессор,— сказала она, спрыгивая с тротуара. И долго смотрела мне вслед.

«Профессор, по-видимому,— известная личность»,— подумалось мне, когда со мной поздоровались еще двое одновременно.

И тут, даже не успев осознать свои действия, я шагнул с эскалатора на неподвижный тротуар. Почему? Из открытой двери кафе-автомата доносился дразнящий запах. «Условный рефлекс»,— отыскал я вполне научное объяснение для своего внезапного поступка.

Есть ли у меня деньги? Я юркнул в полутемный закоулок проходного двора и стал тщательно изучать содержимое своих карманов. Кроме фонарика, взятого из подземелья Пегаса, ничего.

Голод придал мне смелости: я вошел в кафе. Перед каждым посетителем был низенький столик, уставленный тарелками с разнообразнейшими кушаньями. Я машинально наблюдал за вновь вошедшим человеком. Он остановился посреди кафе и внимательно огляделся.

Только теперь я заметил светящиеся надписи на стенах. Меню! Возле названий блюд светились цифры. Человек подошел к стене, нажал на несколько пронумерованных разноцветных кнопок и стал ждать. Через минуту в стене открылась откидная дверца и из отверстия на нее выдвинулся поднос, уставленный тарелками. А дальше все было очень просто: человек взял поднос, уселся за столик и с аппетитом принялся есть.

Может быть, он бросил в автомат монету? Нет, я бы заметил. По-видимому, я попал в заводскую столовую. Даром людей не кормят!

Я стоял в нерешительности... Наконец голод заставил меня пойти на отчаянный поступок. С сильно бьющимся сердцем я нажал наобум несколько кнопок. И не успел оглянуться, как передо мной появились полные тарелки. Не сходя с места, я принялся за еду.

— За столом куда удобнее,— заметил кто-то иронически позади меня.

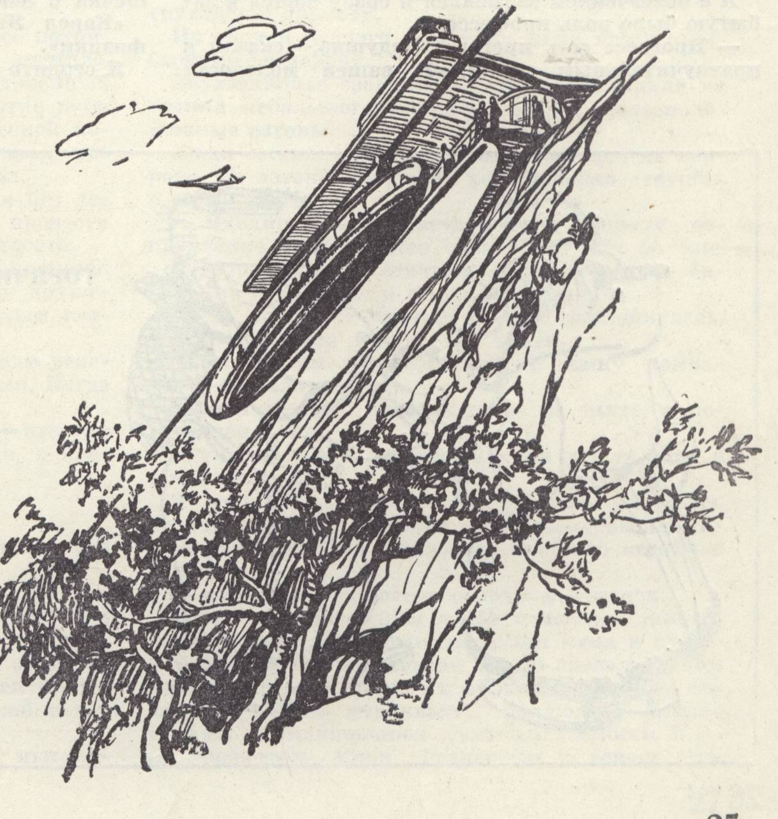
Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Схватив поднос, я, не поднимая глаз, поставил его на пустой столик.

После сытного обеда я направился в парк. У памятника святому Вацлаву я остановился, слегка удивленный, что это все тот же памятник, каким я его знал в детстве.

Ступеньки из неизвестного материала вынесли меня на крытую площадку, где прохаживались какие-то люди. Не успел я осмотреться, как у площадки остановился изящный сигаровидный вагончик, подвешенный к рельсу надземной железной дороги.

«Воздушное метро»,— догадался я и без всяких колебаний вошел в «сигару».

Вагончик сдвинулся с места. Прижавшись лбом к окну, я следил за быстро убегающим на-

зад городом. Над Нусельской долиной мы шли уже на большой высоте.

Еще несколько остановок — и я вышел. Влтава спокойно катила свои волны в лесистых берегах. Я бросил взгляд на другую сторону, и у меня перехватило дыхание: окрестные холмы сверкали ослепительной белизной, точно их посыпали сахаром.

Снег? Нет сомнения: на склонах гор катались на санках дети. Сейчас, в разгар лета!..

Я бросился вниз. В лицо ударил ледяной ветер. Добравшись до снежной равнины, я погрузил руки в сыпучее вещество. Настоящий снег! На теплых ладонях сверкнули талые капельки воды...

* * *

Возвращался я пешком. Зимний пейзаж вокруг меня словно чудом постепенно превращался в осенний, и наконец я «попал в лето».

Что же это со мной творится? Нужно во что бы то ни стало добраться домой или хотя бы в редакцию. Может быть, там я очнусь от этого сна...

Я направился прямо по берегу Влтавы, чтобы не заблудиться в изменившемся городе. Гладь реки серебрилась в лучах заходящего солнца. Где-то в глубине парка играла музыка.

Сумерки все сгущались. И вдруг стало совсем светло. Я в изумлении поднял голову: на небосводе снова сияло солнце.

— Не могли повременить немножко,— нарушил мои мысли старик, стоявший рядом.— Вижу, вам это искусственное солнце тоже не по душе. Когда я был молодым, у нас не было такой штуки, и мы прекрасно обходились без нее. А теперь из-за этого атомного фонаря не увидишь настоящего вечера!

Я с облегчением засмеялся и сразу вошел в забытую было роль профессора.

— Прогресс есть прогресс, дедушка,— сказал я нравоучительным тоном.— В вашей молодости через всю Прагу ходили пешком или тряслись в переполненных трамваях. А нынче к вашим услугам движущийся тротуар и воздушное метро.

Старик только рукой махнул.

— Оставьте вы меня в покое с нашими новшествами! Не знаю, куда это молодежь так спешит! В Братиславу, видите ли, на атомном поезде доезжают за час! А что толку? Не успеешь словечком перекинуться с хорошим попутчиком! Ну, будьте здоровы! — И мой собеседник зашагал, продолжая свою вечернюю прогулку.

6. В РОЛИ ПРОФЕССОРА

Дом, в котором я жил, находился далеко, в другом конце города. К счастью, на краю Нусельской долины я натолкнулся на приземистое здание с надписью: «НП-Большой круг». За ним виднелся небольшой вокзал с платформой, к которой в эту минуту подошел змеевидный состав. Я вошел в вагончик бесконечной цепи надземного подъемника, и он понес меня по цветущей долине. Над моей головой проплыл многоярусный Нусельский мост, который несколько часов назад я видел с высоты птичьего полета. Поезд-подъемник время от времени останавливался. Через Вршовице и Страшнице он поднял меня на Жижков. Я сошел и направился к своему дому. Но что это? Дом заново оштукатурен, и в лучах искусственного солнца блестит, как нарядная игрушка на новогодней елке. Лестницы и стены облицованы пластмассой. Только поднявшись на второй этаж, я обнаружил, что в свободное пространство лестничной клетки встроен лифт новейшей конструкции. На дверях моей квартиры была прикреплена металлическая дощечка с лаконичной надписью:

«Карел Яновский, студент кафедры ядерной физики».

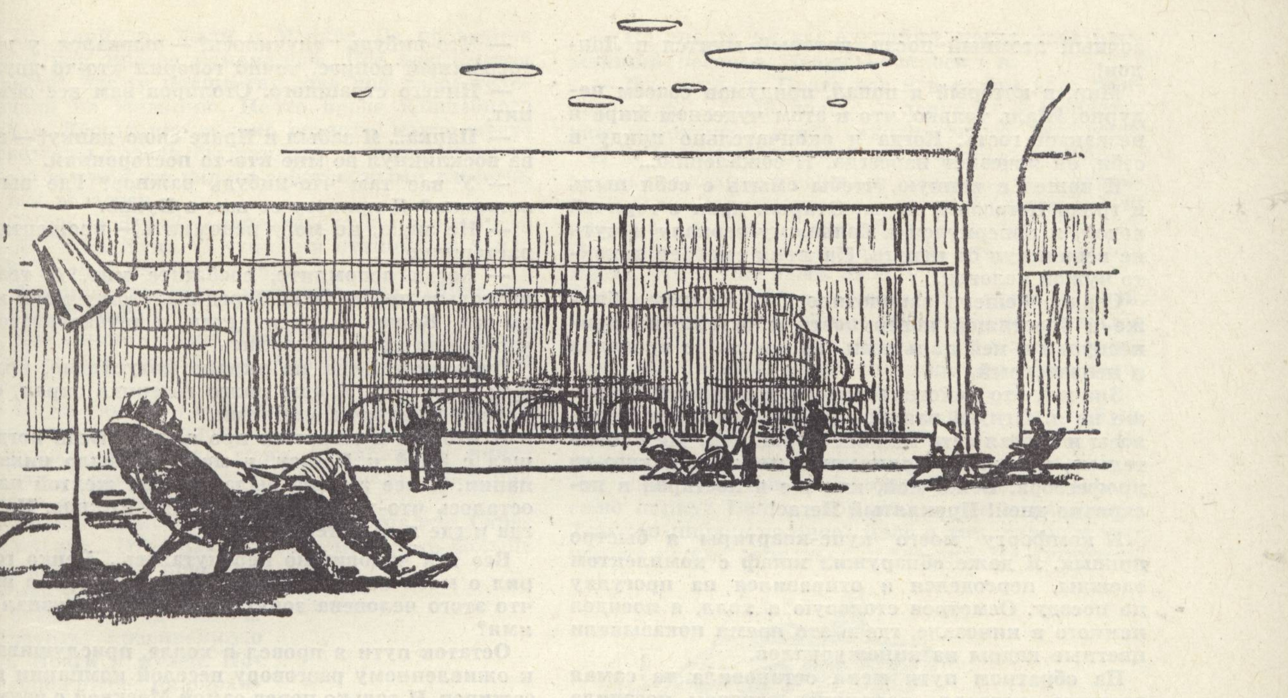
Я сердито нажал звонок, твердо решив бороть-

ГОРЯЧИЕ ДЕНЬКИ У ДЕДОВ-МОРОЗОВ

— Если отгадаешь, в какой руке,— идешь на елку в Кремль!

Продолжение репортажа на странице 36.

ся до последнего дыхания за крышу над головой. Мысленно я уже вел весьма энергичный разговор с тем, кто так бесцеремонно занял мою квартиру. Но его не оказалось дома.

Я снова выбежал на улицу.

«Конечно, это просто сон,— успокаивал я себя.— Скорее в редакцию! В газете есть ночной дежурный, там я узнаю, что же со мной случилось».

Но внизу, в городе, меня ожидало новое потрясение: ветхое здание нашей редакции исчезло. Вместо него возвышался большой, построенный в современном стиле жилой дом. Напротив него, на богато украшенном павильоне с высокой колоннадой, виднелась надпись, сообщавшая, что здесь находится международный вокзал.

Квартиры у меня нет. Без паспорта и без денег в гостиницу не пустят. Придется провести ночь на вокзале. Я просто падал от усталости.

Под колоннадой ко мне подскочил пожилой человек. Его бритое лицо расплылось в дружеской улыбке. Морщинки сошлись к самым глазам. Он схватил меня за руку.

— Поздравляю вас, коллега, с огромным успехом в Киви. Наш институт гордится вами. Когда же старт гравиплана?

— Неизвестно, еще не все в порядке,— ответил я, к собственному изумлению (очевидно, я блестяще вошел в роль профессора).

— Куда же вы направляетесь?

— В Лондон,— пошутил я.

Но «коллегу» это нисколько не озадачило. Он посмотрел на часы.

— Насколько мне помнится, ваш поезд уходит через тридцать минут. Желаю успеха. До скорого свидания!

Последние слова он крикнул уже с противоположного тротуара, двигавшегося к центру города. В ответ я дружески помахал рукой и вошел в зал ожидания.

«Лондон так Лондон»,— усмехнулся я мысленно и ступил на эскалатор с надписью «Лондон — Нью-Йорк».

Эскалатор доставил меня глубоко под землю, на красиво украшенный перрон. За высокой стеклянной стеной вырисовывался силуэт огромного атомовоза. В удобных креслах за низенькими столиками отдыхали несколько человек. Я тоже опустился в кресло и через минуту погрузился в дремоту.

Но спал я недолго. Разбудил меня поезд, прибывший на перрон.

Двухэтажные сооружения скорей походили на здания небольшого городка, чем на железнодорожные вагоны.

Люди вышли и вошли. Я один остался на перроне. Из вагона выбежала хорошенькая девушка в синей форме.

— Входите, пожалуйста, через минуту отправление,— приветливо обратилась она ко мне.

Я собрался было ответить, что у меня нет билета, но передумал и молча подчинился.

Дверь за мной автоматически захлопнулась, поезд незаметно тронулся с места.

— Разрешите проводить вас в вашу комнату? — сказала девушка.

Спустя минуту, растянувшись на тахте, я погрузился в сон.

«Куда я еду?» — пронизала меня мысль, едва я проснулся.

Я поднял шторы и с изумлением уставился на стремительно уносившуюся назад заснеженную равнину. На горизонте вставало огромное солнце.

Я попытался привести мысли в порядок.

Итак, несколько дней назад я посетил таинственного Пегаса, который погрузил меня в глубокий обморок. Очевидно, он что-то сделал с моим мозгом: когда я пришел в сознание, мир мне показался таким странным... Безлюдная Малая Стра́на... Изменившаяся до неузнаваемости Прага, профессор... Киви... Гравиплан. А теперь ска-

зочный атомный поезд, который мчится в Лондон!

Мир, в который я попал, придуман совсем недурно. Жаль только, что в этом чудесном мире я незваный гость. Когда я окончательно приду в себя, он исчезнет навсегда. К сожалению...

Я вошел в ванную, чтобы смыть с себя пыль и грязь Пегасовой норы. Открыв кран с горячей водой, я повернулся к большому зеркалу и чуть не вскрикнул от испуга. На меня смотрел какой-то чужой человек.

Сердце бешено заколотилось. Я подошел ближе к блестящей поверхности и осторожно прикоснулся к ней пальцами. То же самое проделал и неизвестный.

Значит, это действительно я в зеркале! Но это же не я! Откуда взялись у меня поседевшие волосы и густая сеть мелких морщинок? Не удивительно, что люди принимают меня за какого-то профессора. Боже мой, как же я постарел в несколько дней! Проклятый Пегас!

К комфорту моего купе-квартиры я быстро привык. Я даже обнаружил шкаф с комплектом одежды, переоделся и отправился на прогулку по поезду. Осмотрев столовую и холл, я посидел немного в кинозале, где в это время показывали цветные кадры из киножурналов.

На обратном пути меня остановила та самая девушка, которая накануне вечером посадила меня в поезд.

— Извините... вы профессор Груда?

Профессор Груда?!.

— Да, моя фамилия действительно Груда,— подтвердил я растерянно,— но только я не профессор...

— Знаю, знаю! Сейчас вы работаете над одной большой проблемой,— улыбнулась девушка.— Я искала вас по всему поезду. Вас вызывает Прага. Академия наук просит вас выйти в Москве. Там вас ожидает товарищ Столяров. У него есть для вас важное сообщение.

— Но разве этот поезд идет не в Лондон? — опешил я.

— А вам нужно было в Лондон? Но ведь вы, профессор, едете в обратном направлении! — встревожилась девушка.— Наш поезд идет по маршруту Лондон — Нью-Йорк, через Прагу, Москву, Берингов пролив.

— Это не страшно! Последний раз я был в Москве в 1955 году и теперь с удовольствием посмотрю на прославленный город первых спутников.

Девушка улыбнулась.

— Так не забудьте, профессор: в Москве вас ждет товарищ Столяров. В Москву мы прибываем через восемьдесят шесть минут. У вас еще много времени. Счастливого пути!

Я вернулся в свое купе, пододвинул кресло к окну и стал смотреть на убегающие назад снежные равнины.

Загудел видеофон. Я нажал белую кнопку, и на экране появилось чье-то знакомое лицо.

— Рад вас снова видеть, профессор,— проговорил человек на экране.— Ищу вас уже два дня. Ваша семья страшно беспокоится. Куда вы так спешите? Даже не простились с женой и детьми! Я, конечно, не собираюсь вас упрекать,— засмеялся он от всего сердца,— главное, что вы живы и здоровы. Сейчас вы очень нужны в Букаве. Жаль, что мне придется испортить ваш и без того короткий отпуск.

— Что-нибудь случилось? — вырвался у меня тревожный вопрос, точно говорил кто-то другой.

— Ничего страшного. Столяров вам все объяснит.

— Папка... Я забыл в Праге свою папку! — снова воскликнул во мне кто-то посторонний.

— У вас там что-нибудь важное? Где вы ее оставили? Я привезу ее вам в Букав.

— Не знаю, не могу вспомнить,— прошептал я растерянно.

— Когда вспомните, сообщите мне. А теперь позвольте проститься. Перед вылетом у меня масса дел. Вашей жене и детям я тотчас позвоню, чтобы они не беспокоились.

Очертание лица на экране потускнело, видеофон замолчал. Я еще долго созерцал экран, стараясь собраться с мыслями.

И что это я выдумал про папку? Ведь когда я шел с Эвой к Пегасу, у меня не было никакой папки. И все же она была! В этой желтой папке осталось что-то важное, страшно важное. Но когда и где я ее потерял?

Все так чудовищно перепуталось... Бенко говорил о моей семье. Откуда семья? Откуда я взял, что этого человека зовут Бенко? Как я узнал его имя?

Остаток пути я провел в холле, прислушиваясь к оживленному разговору веселой компании пассажиров. И только перед самой Москвой с изумлением обнаружил, что они все время говорили по-английски. А я их прекрасно понимал! Как же так? Когда же я успел выучить английский? Я казался сам себе поваром из сказки, который отведал мясо волшебной змеи и вдруг понял, о чем говорили пролетавшие мимо него мухи.

Нечто подобное повторилось и в Москве. Раньше я с грехом пополам мог читать газету на русском языке. А тут на вокзале кто-то обратился ко мне по-русски:

— Простите, вы не знаете, как мне быстрее добраться до проспекта Мира?

И я, не раздумывая, ответил тоже по-русски, что я иностранец, прошу меня извинить и советую обратиться в справочное бюро.

С волнением ожидал я встречи со Столяровым. Что я ему скажу?

Казалось, Пегас разделил меня на две личности: неопытного юнца, приходящего в изумление от всего вокруг, и седовласого, искушенного жизнью человека, который все знает и все умеет.

Столяров не появился. Но меня это нисколько не огорчило. С чувством облегчения я покинул вокзал.

Москва утопала в лучах весеннего солнца. Как же так? Окрестности под снегом, а город в цвету, как весной?

«Чудак, ведь это проще простого, ну как ты мог позабыть? — возражал во мне тот, более опытный.— Ведь целые города отепляются искусственно, при помощи атомной энергии. А этой энергии, как тебе известно, на свете хоть отбавляй».

В этот момент я проходил мимо большого здания с надписью «Мир как на ладони».

Подгоняемый любопытством, я вошел внутрь. В уютном салоне меня встретила белокурая девушка с ямочками на щеках.

— Какую передачу вы хотели бы увидеть? — спросила она.

— Я, по-видимому, попал в библиотеку, — пробормотал я неуверенно.

Девушка взглянула на меня с сожалением.

— Вы давно не были в Москве. За последние годы у нас многое изменилось. Все так быстро меняется! Этому новшеству уже два года: телепередачи по желанию. Нечто вроде волшебного зеркала. Достаточно только сказать, какое место на свете вы хотели бы увидеть, и через минуту-другую вы можете видеть собственными глазами, что там делается.

— Даже на Луне? — переспросил я с сомнением.

— Да, и на Луне. С лунными станциями у нас сейчас вполне надежная связь.

— А можно увидеть, например, что сейчас делается в Праге?

— Нет ничего проще! Злату Прагу требуют многие из наших посетителей. Что именно вы хотите увидеть?

— Интересно, как выглядит Малая Стрáна, мой самый любимый уголок.

Девушка проводила меня в кабину с киноэкраном. Едва я опустился в кресло, как она сказала кому-то невидимому:

— Коленька, пожалуйста, Прагу, Малую Стрáну. Спасибо... Этот район Праги мне тоже больше всего нравится,— повернулась она ко мне,— по-моему, очень умная мысль: превратить красивейшую часть Праги в музей. Новый город вырос на окраине Праги, а ее сердце осталось нетронутым...

На экране появились улочки Малой Стрáны, а девушка все что-то говорила. Мне казалось, что ее голос доносится откуда-то издалека.

— Значит, Малая Стрáна теперь превращена в музей...— размышлял я вслух.— Интересно, живет там кто-нибудь сейчас?

— Дома опустели, но весь без исключения район вы можете осмотреть. Даже квартиры. Они сейчас выглядят так же, как и в первой половине нашего века. Именно там я представила себе ясно, как непрактично, в каких нездоровых условиях жили тогда люди. И сколько было хлопот у хозяек! Город задыхался в тяжелых облаках дыма, золы и пыли,— продолжала девушка.— Чтобы обогреть квартиру, людям приходилось спускаться в подвалы за углем, вы подумайте!

«Странный сон,— размышлял я.— Все в нем логично и последовательно. Вот простое объяснение загадки, почему вчера Малая Стрáна казалась мертвым городом. Но что же там делал Пегас? Какое он имеет отношение к моему сну?» Меня охватило тоскливое чувство.

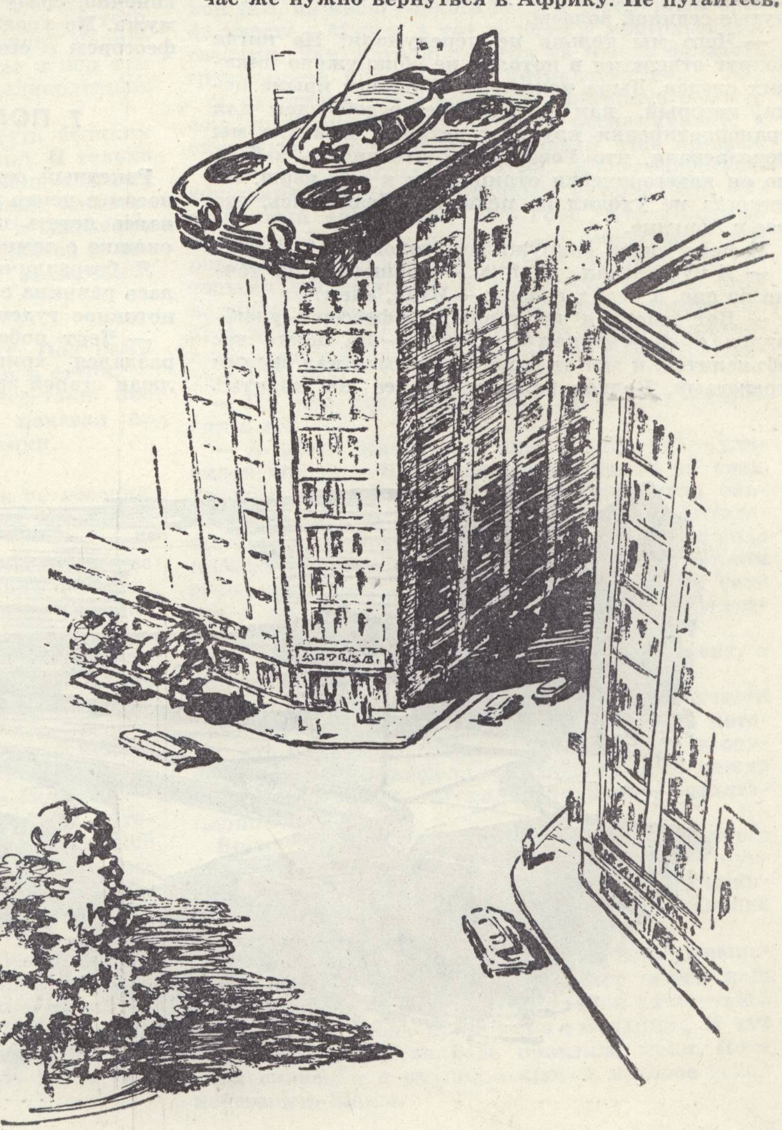
— Не знаете ли вы случайно, когда идет ближайший поезд в Прагу? — спросил я.

— Ну, я вижу, Прага вас и в самом деле приворожила, — улыбнулась девушка. — Придется вам поспешить: поезд отходит через два часа.

Я не пошел на вокзал. Охваченный желанием остаться наедине с собою, я отправился на окраину города. Задумавшись, я очутился на какой-то площади посреди ансамбля высоких зданий. Странно: мне снова показалось, что я знаю эти места, что я уже здесь был...

Внезапно что-то зашумело над моей головой. В небе парил аэромобиль. Он медленно снижался по крутой спирали и наконец опустился неподалеку. Из машины выскочил широкоплечий человек и сердечно обнял меня.

— А мы уж боялись, что с вами что-нибудь случилось. Но, самое главное, вы здесь. — Он махнул рукой, точно отгоняя тяжелые мысли. — Ну, как? Вспомнили наконец, где вы оставили свою папку? Бенко упоминал о ней в разговоре. Там что-нибудь важное? Дело в том, что нам тотчас же нужно вернуться в Африку. Не пугайтесь,

ни с кем ничего не случилось, но это-то и странно. Самое большее — это испорченный отпуск. Я, например, собирался с детьми на Гавайские острова.

— О чем вы говорите? Мне ничего не известно, — проговорил я, точно во сне.

— О чем я говорю? Кажется, произошла ошибка в расчетах. Помните воздушный гейзер, который разнес лабораторию?

Я неизвестно почему засмеялся.

— Вам нехорошо? — опешил Столяров, взглянув внимательно на меня.

— Нет-нет, продолжайте. Что же случилось в Букаве?

— Черт знает что! — рассердился Столяров. — Ночью под воскресенье в конструкторском цехе вдруг раздался адский грохот. Когда туда прибежали Манго и Ван-Гоот, в потолке зияла дыра, точно от орудийного снаряда.

— Я это предчувствовал, — воскликнул я неожиданно. У меня потемнело в глазах. Казалось, я теряю сознание.

Столяров взъерошил рукой свои светлые, тронутые сединой волосы.

— Чего мы только не передумали! Но нигде вокруг отверстия в потолке не обнаружено никаких следов. Дыра появилась в южном крыле цеха, который, как вы знаете, освобожден для транспортировки крупных деталей. Вначале мы подозревали, что Говард там что-нибудь забыл, но он категорически отрицает, и я ему верю. Он никогда не уходил из цеха, не убедившись, что все в порядке.

У меня снова закружилась голова.

— Я чувствовал... Папка...— прошептал я, точно во сне, а вслух сказал: — Итак, едем?

— Вот теперь я вас узнаю, профессор,— улыбнулся с облегчением Столяров. — На месте все объяснится, и мы от души посмеемся над своими тревогами. Волков бояться — в лес не ходить..

Он положил мне руку на плечо и повел к машине. И у меня сразу потеплело на сердце.

Мотор заревел, и летающий автомобиль взвился в небо.

— Куда мы едем? — спросил я упавшим голосом.

— Конечно, на аэродром, — удивился Столяров. — Вы же сами так решили?

Озаренный солнцем город исчез за горизонтом. Под нами проплывала заснеженная равнина.

Мы молчали. Столяров полностью переключился на управление машиной, а я отдался своим беспокойным мыслям. И зачем я придумал какую-то папку? До чего нелепо!

Я задремал и проснулся уже на аэродроме посреди гигантских реактивных самолетов.

— Может, вы хотите сделать остановку в Праге, чтобы повидаться с семьей? Или полетим прямо? — спросил Столяров.

— Лучше прямо, — торопливо сказал я.

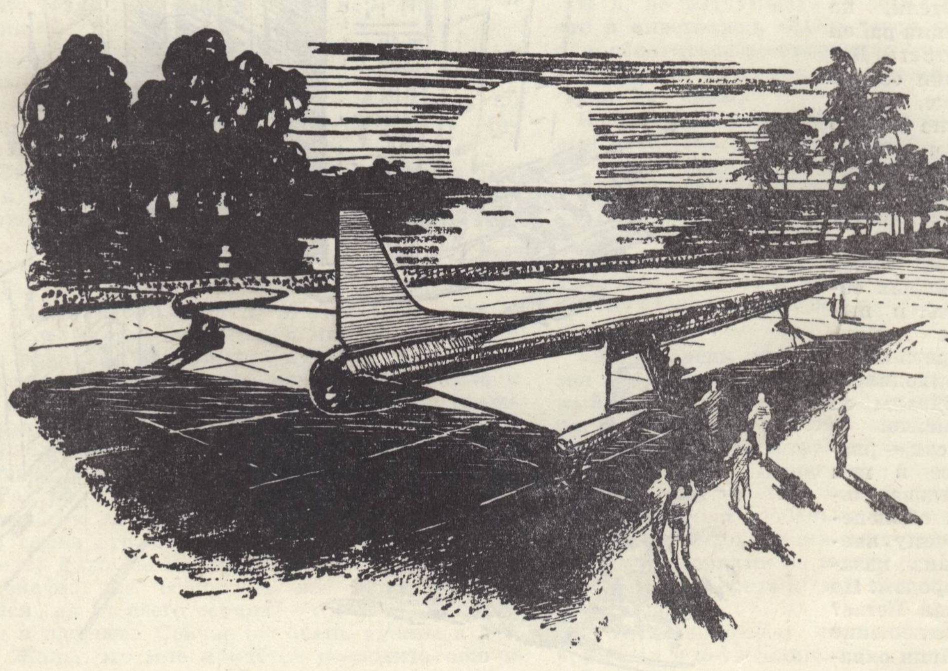
У меня молниеносно возникла перед глазами мучительная сцена: встреча с женой и детьми, которых у меня, собственно, нет. Жена ученого, конечно, сразу узнает, что я только двойник ее мужа. Не хватает еще встретиться с самим профессором в его собственной квартире...

7. ПОЛЕТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ракетный самолет устремился своим длинным носом в центр раскаленного диска, точно намереваясь лететь прямо к Солнцу. В противоположное окошко с темного неба хмурился бледный месяц.

Я безразлично созерцал горизонт, где кончалась равнина слегка волнистой цепи облаков. Монотонное гудение самолета усыпляло.

— Черт побери, до чего прекрасна жизнь! — раздался хрипловатый голос Столярова.— Мы люди старой закалки, профессор, и многое испы-

тали на своем веку. А молодежь даже не понимает, какую жизнь мы для них подготовили. Для них все само собой разумеется. Вы даже не знаете, как меня злит, когда я вижу, что мои дети не знают этому цены.

— А не ваша ли в этом вина? — спросил я ворчливо. — Детей нельзя баловать. Я знаю несколько семей, где детям готовы достать луну с неба, где все им сходит с рук. Если вы не приучаете детей собственным трудом что-либо создавать, то вряд ли они научатся ценить и уважать вещи, и нередко, даже став взрослыми, они ничего порядочного не сделают. Впрочем, не принимайте всерьез моих рассуждений, я не педагог, и у меня мало опыта по части воспитания детей.

— А как же Петри и Михаил? — от всего сердца рассмеялся Столяров. — Вы отлично воспитали их! Через несколько лет они нас с вами за пояс заткнут.

Петри и Михаил? Эти имена я долго повторял про себя.

— Смотрите, профессор. По этому маршруту мы летим уже не первый раз, правда? — повернул разговор на другое Столяров. — И все-таки каждый раз я снова прихожу в восторг от того, что вижу внизу. Туннель, соединяющий Черное и Каспийское моря, плотины на Ниле и вон там цветущая Сахара. Разве это не великолепные творения человека?

Восторженная ода Столярова в честь великих творений человека взволновала и меня. И только теперь я полностью осознал, что наш самолет плывет над Африкой, над землей моих мальчишеских грез. Сколько раз в детстве я мысленно устремлялся сюда, сколько раз над книгой я переживал чудесные приключения в этом таинственном краю!

...Самолет резко пошел на посадку. Под нами замелькали непроходимые леса, поля и степи.

— Мы приехали нежданно, и все-таки нас встречают. — Удивленный Столяров показал на людей, стоявших у приставной лесенки.

Мы вышли из самолета. Спускаясь по лесенке, я был ни жив, ни мертв. Узнают или нет, что я не профессор?

На предпоследней ступеньке меня схватил за плечи могучий негр, похожий на Поля Робсона; он поднял меня, как перышко, и легко поставил на бетонную дорожку.

— А я уже боялся, что вы потерялись, профессор, — сверкнул он белоснежными зубами. — Я бы тогда переворошил всю Европу и нашел вас даже на вершине Мон-Блана.

— Это на вас похоже, Манго! — рассмеялся Столяров.— И откуда вы узнали, что мы прилетаем сегодня? Утром я сам этого не знал.

Мы сели в открытый комфортабельный автобус. Через секунду он мчал нас по экзотической местности куда-то в неизвестность. Мы беседовали об обычных, малозначащих вещах. Впрочем, я уклонялся от разговора, сосредоточенно изучая своих спутников.

Результатом моих наблюдений снова была жестокая борьба между двумя «я». Знаю я этих людей или нет? Кажется, знаю; даже их имена не кажутся чужими моему слуху. Я, например, каким-то образом знаю, что с одним из них, Чаном, мы на «ты». Но где и когда мы с ним встречались? Да и с остальными?

8. ПОИСКИ СОБСТВЕННОГО «Я»

Когда мы въехали в пальмовую рощу, меня снова охватило напряжение. Я чувствовал, непонятно почему, что где-то за этой рощей находится цель нашей поездки.

Над автобусом промелькнули последние пальмовые кроны, и мы въехали через широкие ворота во двор, охваченный с трех сторон обширным зданием в форме подковы.

При виде здания, на крыше которого застыло несколько вертолетов, у меня снова закружилась голова.

«Но ведь ты и в самом деле тот профессор, роль которого разыгрываешь и за которого тебя здесь все принимают, — сказало мне вдруг второе, умудренное опытом «я». — А это научно-исследовательский институт гравитации и антивещества, который мы создали общими усилиями. Ну, вспомни же хорошенько! Эти огромные окна посреди «подковы» дают свет монтажному цеху, где ты недавно вместе со своими коллегами закончил строительство гравиплана. А ты живешь вон там, на краю глухого леса, в деревянном срубе вместе с Манго. А тот человек с монгольскими глазами, Чан, натолкнул тебя на мысль овладеть гравитацией при помощи антивещества».

Я чувствовал, как события, связанные с Пегасом, превращаются в смутное воспоминание, в скверный, тяжелый сон, который уже прошел.

Мне все вдруг стало ясно. Жизнерадостный африканец Манго, заботливый китаец Чан, настойчивый австралиец Ван-Гоот, воинственный исландец Гретти и практичный американец Борелли — это же все мои старые товарищи, с которыми мы выиграли и проиграли немало битв на поле науки. Да, я действительно профессор! Мне знаком и этот высокий человек, встретивший меня у входа в институт. Это мой друг академик Орлов!

— Ну, что поделывает наш злой дух? — спросил я его.

— А разве Манго вам еще не сказал? — удивился Орлов. — Вчера ночью он напал на след. Загадка дыры в потолке монтажного цеха объясняется просто. На одной из батарей с антивеществом, помещавшейся в углу цеха, отошла планка из новодюраля. Находясь в наведенном гравитационном поле, она сразу потеряла свой вес и под влиянием центробежной силы устремилась в пространство.

— Но почему она полетела не прямо вверх, а наискось, через весь цех?

На это мне ответил Чан: это случилось отчасти под действием вращения Земли, а отчасти потому, что планка, точно так же как снаряд в орудийном стволе, выбрала простейший путь между двумя полями — антигравитационным и гравитационным.

Вполне логично! И все же меня эти объяснения почему-то не успокоили. Какое-то странное чувство мне подсказывало, что оторвавшаяся планка — сигнал о неведомой опасности, угрожающей нашему грандиозному опыту.

Но почему? Ведь безупречная во всех отношениях модель гравиплана выполняет любой наш приказ, и выполняет с изумительной точностью...

Мне вдруг снова пришла на ум папка... И тут же резкая головная боль пронзила меня. Ноги подкосились, и я рухнул в кресло, которое успел подставить Манго.

Дрожащими руками я тер виски.

— Что с вами? — встревоженно допытывался Орлов.

Манго прикоснулся к моему вспотевшему лбу.

— Лихорадка. Ему надо немедленно лечь, — определил он.

Не успели меня уложить в постель, как я тотчас же перестал быть профессором.

«Я же редактор! Редактор научно-популярного журнала, а все остальное — химера,— рассуждал я. — Ведь всего три-четыре дня назад я встретился на Карловом мосту с Эвой и отправился к Пегасу. В подземной лаборатории он чем-то оглушил меня, а когда я очнулся, то нашел его мертвым. А еще часом позже он исчез. С безлюдной Малой Стрáны я неожиданно попал в фантастическую Прагу будущего, потом в Москву и, наконец, сюда, в тропическую Африку. Но, с другой стороны, еще минуту назад я чувствовал себя профессором, мне было абсолютно понятно и близко все, что делается в институте».

Утром меня разбудило солнце, пробившееся сквозь шторы.

— Доброе утро, профессор! Как спалось? — приветствовал меня вошедший в комнату Манго.

Я с трудом собирал мысли.

— Что со мной случилось? — спросил я.

— Вчера в лаборатории вам стало плохо, началась лихорадка, и вы, по-видимому, бредили. Сначала вы уверяли, что меня не знаете. Я принял это за шутку, но когда вы с самым серьезным видом стали доказывать, что вы редактор, а не профессор и что сейчас 1957 год, я понял, что вам действительно скверно. Врач подтвердил мои опасения. Вы совсем не думаете о себе, профессор! Не щадите своего здоровья. Вот и случай в лаборатории вы приняли слишком близко к сердцу. Досадно, что вас вызвали из отпуска! Теперь вам надо вернуться домой. Так распорядился Орлов.

— Но мне не нужен отпуск, — решительно запротестовал я при мысли о встрече с неведомой семьей.

В комнату вошел Бенко, человек с экрана в атомном поезде. Он заговорил со мной по-словацки.

— Орлов прав: перед полетом вам следует набраться новых сил. Испытания от вас не убегут. Да, чуть не забыл! Я привез вам папку, о которой мы говорили. Вы ее и не теряли, она лежала у вас дома на письменном столе.

Я поспешно открыл папку и вытряхнул на одеяло ее содержимое. Несколько фотографий, сложенный план пражской Малой Стрáны... Я еще и еще раз безнадежно проверял все отделения, но ничего больше не обнаружил. Тогда я внимательно просмотрел фотографии. Это были большей частью кадры, изображающие двух мальчиков.

— У вас чудесные ребятишки, — заметил Бенко. — Сами снимали?

Я кивнул головой. Зачем усложнять ситуацию!

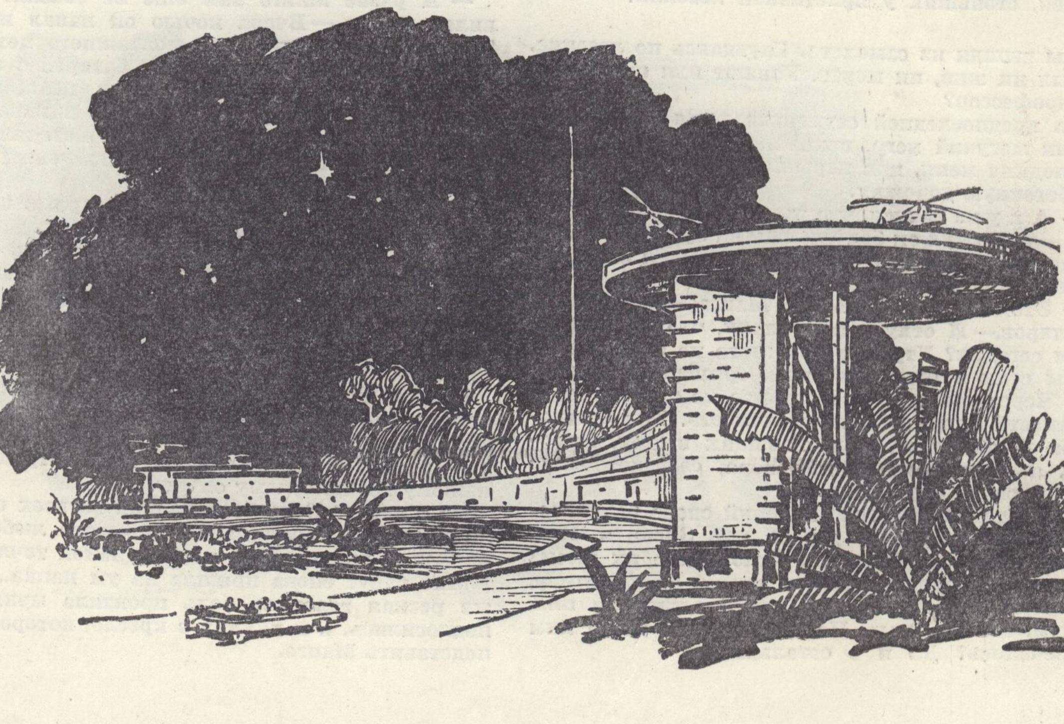
— Но ведь это действительно твои дети! — нашептывало мне второе «я».— Или ты позабыл, как они выглядели десять лет назад?

Мало-помалу я снова вошел в роль профессора. Разумеется, Манго в течение нескольких дней не допускал меня в лабораторию. Он всеми силами старался отвлечь мои мысли от работы, и мы совершали небольшие прогулки в тропических зарослях.

В один из таких дней Манго по приказу академика Орлова посадил меня в ракетный самолет, и не успел я опомниться, как очутился в Праге.

— Дома вас сегодня не ждут. Я нарочно им сказал, что мы прилетим только завтра,— широко улыбался Манго.

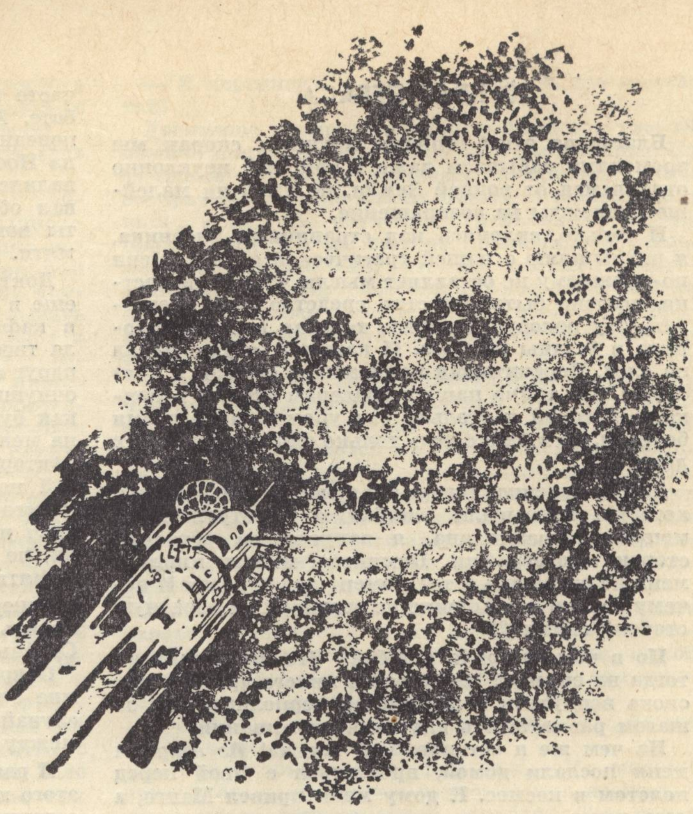
Сердце у меня разрывалось от противоречивых чувств. Страх и ожидание сменялись в ритме метронома.

— Вы спрячетесь, а я позвоню,— предложил Манго тоном заговорщика, когда мы очутились у входа в квартиру.

Он нажал на кнопку. Дверь отворилась. Передо мной стояла... Эва. Эва, которая уже столько времени тщетно ожидала меня в кафе «У художников»! Мы бросились друг другу в объятия. Манго что-то проворчал и мгновенно скрылся.

— Ты даже не представляешь, как я тревожилась,— заговорила наконец Эва. Она была все так же красива, но теперь это была уже не юная девушка, с которой я встретился на Карловом мосту. В ее черных волосах поблескивали серебряные нити.

9. МАСКА СМЕРТИ

Уже больше месяца я не прикасался к дневнику. В те дни, когда я с пером в руках восстанавливал в памяти минувшее, перед нашим гравипланом появилась ужасная маска смерти, окутанная радужной мерцающей пеленой. Она вырисовалась внезапно на фоне колоссальной темной туманности в созвездии Стрельца. А может быть, она была видна давно и ускользала от нашего внимания?

Первым ее увидел Манго и пришел в такое волнение, что я стал опасаться повторения припадка. Но, взглянув на странную форму туманности, я сам невольно вздрогнул. Мрачное фиолетово-красное облако с зеленоватыми краями до странности напоминало очертания человеческого черепа. В темных глазницах сверкали оранжевые и голубые звезды.

Наблюдения показывали, что плотность облака невелика. Но мы были уверены, что при нашей колоссальной скорости, врезавшись в него, мы сгорим, как метеор сгорает в земной атмосфере.

Пока у человека почва под ногами, пусть это пол в каюте космического корабля — незаметной пылинки, отчаянно несущейся сквозь величественный космос, — до тех пор он чувствует себя в безопасности. Мы ни минуты не думали о смерти. Все время, а его у нас оставалось с избытком, мы посвятили научным наблюдениям, измерениям, анализу.

— Исключительный случай заглянуть прямо в зубы туманности! — ликовал Вася. — Жаль, что никому не пригодятся наши открытия.

За восторженными словами молодого ученого, как эхо, звучала печаль. Но мы ее не слышали, не хотели слышать. Манго настойчиво передавал в направлении Земли результаты наших наблюдений, хотя мы давно уже потеряли надежду, что до кого-нибудь дойдет наш голос.

Критический месяц подходил к концу. За сверкающей туманностью пространство постепенно багровело, потом вдруг полыхнуло синим, и мы оказались в кольце мерцающей мглы, разорванной на клочки, точно облака в бурю.

Именно здесь, в недрах «черепа», мы наблюдали колоссальную вспышку неведомой звезды. Катастрофа разразилась уже тогда, когда мы оставили эту звезду позади на расстоянии нескольких земных орбит.

Звезда взорвалась. Раскаленная масса сброшенной оболочки медленно отдалялась от огненного горнила, но мы знали, что скорость ее равна нескольким сотням километров в секунду.

— Когда свет ее долетит до Земли, астрономы зарегистрируют появление еще одной Новой, — произнес задумчиво Вася. — Если бы они знали, что мы находились так близко от этого чуда!..

— Да, нам чертовски повезло, — согласился я исключительно для того, чтобы рассеять тоскливое чувство, которое охватило всех при упоминании о Земле.

— Нам повезло вдвойне, — бросил после долгого молчания Манго. Он выдавил из себя улыбку. — Подумайте, что бы случилось с нами, если бы звезда устроила свой фейерверк немного раньше! Куда удобнее изучать огонь при помощи спектроскопа, чем соваться туда самому...

Мы попытались объяснить катастрофу звезды. Несколько дней мы до хрипоты спорили, пока наконец не приняли гипотезу Васи: космос пульсирует. Огромные раскаленные солнца извергают свою материю в пространство. Из этого вещества рождаются новые планеты и другие космические тела. Спустя определенное время, повинуясь неизученному закону Вселенной, выброшенная материя возвращается вновь на породившие ее солнца. И снова взрыв — начало новой пульсации.

— А может быть, тот же самый процесс происходит и в более обширных масштабах? — неожиданно задал вопрос Манго. — Может, подобным же образом пульсирует вся звездная система Млечного Пути? Может быть, все окружающие нас звезды опять возвратятся в раскаленное сердце Галактики и в результате ее взрыва образуются новые миры? И так снова и снова? Короче — пульс бесконечности!

10. КРАХ ПЕГАСА

Благодаря этим горячим научным спорам мы временами забывали даже о том, что неуклонно отдаляемся от родной Земли, не имея ни малейшей надежды на возвращение.

И только, склонясь над страницами дневника, я размышляю о нашей трагической судьбе. Меня по-прежнему не оставляет мысль, что мне известно, должно быть известно средство, как преодолеть эту роковую ошибку, которая нас вышвырнула в бездны космоса. И кажется, я уже напал на след. Перечитывая написанные строки, я чувствую, что тайна нашего спасения скрыта в папке, о которой я столько раз упоминал во время болезни, но в папке ведь только фотографии моих детей...

Да-да, конечно, теперь все ясно! Новые расчеты, которые вскрывали ошибку в конструкции и мощности гравиплана, я записал на обратной стороне фотографии. Помнится, ничего иного у меня не оказалось в тот момент под руками. И почему только я в Африке не взглянул на обратную сторону снимка?!

Но в чем состояла ошибка? Что же я записал тогда на снимке? Не остается ничего другого, как снова вернуться в прошлое и терпеливо, шаг за шагом разматывать клубок воспоминаний.

На чем же я остановился? Ах, да! Из Африки меня послали домой, проститься с Эвой перед полетом в космос. К дому меня привел Манго, а сам исчез.

Я смотрел на Эву, и мне казалось, будто сквозь непроницаемую пелену тумана пробивается солнце.

— Скажи, кто же я: редактор или профессор?

— Я словно предчувствовала это, словно знала,— торопливо заговорила Эва.— И что тебе вздумалось вернуться к этому несчастному дому «У двух горлиц»? Уж, конечно, это все Петри, негодный сорванец!

— Петри ни при чем,— оправдывал я сына.— Вернуться мне туда было необходимо. Я бессознательно шел к Пегасу за тем, чего он меня лишил: за памятью. Разумеется, я не предполагал, что, вернув прошлое, потеряю настоящее.

— А я этого и боялась. Ты даже не можешь себе представить, что со мной было, когда перепуганные насмерть ребята примчались домой и сознались, что, несмотря на мой запрет, они привели тебя к дому «У двух горлиц» и каким-то образом потеряли. Я винила во всем только себя. Ведь я часто рассказывала нашим ребятам о своей работе. А недавно наши сотрудники из музея-заповедника сообщили, что в доме Дитценхофера на Ностицовой улице погреб в одном месте провалился в неизвестную подземную галерею. Провал обнаружили в том самом доме, в который ты вошел здоровым, а вышел, лишившись памяти.

Доктора Кржижека, или Пегаса, я заподозрила еще в тот раз, в 1957 году, когда он привел тебя в кафе «У художников», где я два часа ждала твоего возвращения. По словам Пегаса, ты вдруг во время беседы потерял сознание, а потом, очнувшись, не мог понять, где ты и что ты. Это как будто походило на правду, потому что ты и на меня смотрел как на незнакомую и все время повторял: «Кто я такой, что вы со мной сделали?»

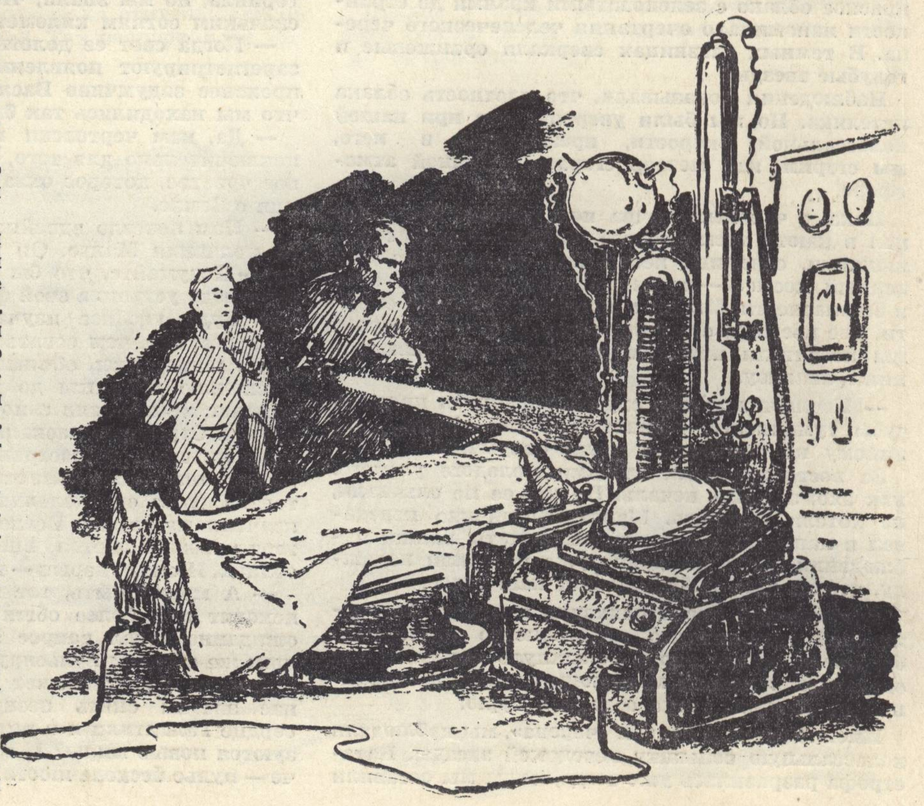
Я настояла на расследовании. Расследование ничего не дало, и Пегаса оставили в покое. Даже врач не сумел установить причину твоей болезни, но из санатория ты приехал здоровым, хотя память о прошлом к тебе так и не вернулась.

Теперь ты понимаешь, почему мне не хотелось ходить с тобой на прогулки в заповедник Малой Стра́ны, хотя после того случая прошли годы.

Открытие тайной галереи в доме Дитценхофера мне снова напомнило Пегаса и подозрительный случай в его доме. Нет ли какой-нибудь связи между тайником и событиями 1957 года?

Я распорядилась подготовиться к обследованию этого места и за день до начала работ рассказала о таинственной галерее нашим ребятам. О событиях, связанных с Пегасом, я им не говорила.

А теперь представь себе, что я пережила, когда ребята стали мне рассказывать, как они отправились с тобой на свой страх и риск изучать га-

лерею, как по веревочной лестнице спустились в таинственное подземелье, проникли в какую-то лабораторию и нашли там мертвого человека!

Во время рассказа Эвы я не мог оторвать глаз от нее.

— Да-да, теперь вспоминаю, теперь мне действительно все ясно! — воскликнул я внезапно.— Мертвый человек в подземелье нас страшно напугал. Когда я хотел выяснить, дышит он или нет, то обнаружил запечатанное письмо. На конверте было написано: «Внимание! Не открывать до 1975 года!» Я осторожно разорвал конверт и быстро прочитал письмо. Вначале человек сообщал, что после многих разочарований и многолетних тщетных опытов он решился на последний смелый эксперимент. Он искусственным образом устроил себе клиническую смерть, смерть в особой защитной среде. Специальный часовой механизм должен был в 1975 году вернуть его к жизни... Дальше я не читал. Срок прошел, механизм сработал, но, может быть, еще не поздно?..

— Я останусь здесь на случай, если этот человек очнется,— сказал я мальчикам.— Сбегайте в ближайший дом и вызовите «Скорую помощь».

Мальчишки убежали, а я стал осматривать странную лабораторию. И вдруг все мне показалось здесь знакомым, я ощутил легкую боль в голове и потерял сознание. Благодаря этому нервному шоку ко мне вернулась потерянная некогда память. Все счастливые годы, прожитые с тобой, подернулись непроницаемой пеленой. Зато я тотчас же понял, что именно тут Пегас при помощи электрического разряда погрузил меня в глубокий обморок. Мне даже показалось, что это случилось всего минуту назад. В спящем человеке я узнал Пегаса. И, сам того не сознавая, во второй раз отреагировал точно так же, как и в первый раз, когда нашел его, не узнавая, с ребятами. Я попытался привести его в чувство. Теперь мне понятно также, почему, когда я спустя час вернулся в подземелье, Пегас исчез. Пока я тщетно разыскивал врача, Пегаса увезла «Скорая помощь», вызванная Петриком.

— А ребята бросились домой — сообщить, что вы нашли в подземелье, — добавила Эва. — Я тотчас же поспешила на Ностицову улицу, но слишком поздно! Тайник Пегаса был пуст. Сначала я предположила, что ты уехал вместе со «Скорой помощью» в больницу. Оттуда мне ответили, что тебя не видели, но что я должна как можно скорее явиться в больницу, так как у них есть для меня важное известие.

Я страшно перепугалась, не случилось ли чего с тобой.

Меня привели в операционный зал, где над лежащим на столе телом склонились люди в белых халатах.

— Узнаете этого человека? — спросил меня главный врач.

Да, я узнала.

— Это доктор Кржижек, по прозванию Пегас, — проговорила я уверенно.

— Значит, письмо подлинное,— сказал главный врач. — А вам известно, что этот человек некогда нанес тяжелое повреждение здоровью вашего мужа?

— Я это давно подозреваю.

Главный врач молча протянул мне письмо, о котором ты только что рассказывал.

Эва встала и вынула из письменного стола блокнот.

— Я переписала завещание Пегаса, вот прочитай!

Дословное содержание письма Пегаса я уже не помню. Документ был длинный и запутанный. Но об одном он свидетельствовал совершенно ясно: все фантастические планы Пегаса потерпели полный крах. В изучении гравитации он не продвинулся ни на шаг по сравнению с современной наукой. То, что он считал таинственными лучами, способными изменить мысль людей, оказалось в конце концов необычной формой электромагнитных колебаний высокой частоты.

В своем письме Пегас отвечал и на вопрос, как и зачем он воздействовал на мой мозг. Он, конечно, боялся, что я выдам тайну его подземелья, но главное — он хотел на мне проверить, можно ли при помощи лучей лишить человека памяти. Это ему удалось, но совсем не по той причине, как он предполагал. Потеря памяти произошла под действием сильного электрического шока, который сейчас применяется для лечения некоторых болезней нервной системы.

Когда все его планы потерпели провал, Пегаса охватил панический страх перед войной. Он совсем потерял голову и прибегнул к клинической смерти, чтобы тем самым перенести во сне неизбежную, ему казалось, войну.

— Удалось его оживить? — спросил я, дочитав трагический документ.

— Нет, — покачала головой Эва. — По мнению врачей, он умер давным-давно: спустя несколько часов после искусственной «смерти». Так что и этот эксперимент ему не удался.

— Кто знает, — проговорил я задумчиво, — может быть, именно ему я обязан тем, что могу работать над величайшим открытием нашего времени.

— Только бы все хорошо окончилось! — вздохнула Эва.

Просто поразительно, как она всегда угадывала приближающуюся опасность...

11. «БУМЕРАНГ» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Близкие нам люди, которых мы на время потеряли, а потом снова обрели, дороги нам вдвойне. Сколько прекрасных и незабываемых минут мы пережили во время отпуска с Эвой и двумя неисправимыми озорниками — Петром и Михаилом!

Только теперь я увидел, как похорошела за последние годы Прага. И как изменилась жизнь человека на Земле. И лишь два последних дня не были безоблачными. Их омрачала грусть расставания.

В Африке я застал всех моих друзей. Столяров, Гретти, Джефферс и Чан тщательно контролировали все приборы, проверяли батареи с антивеществом.

— На сколько рассчитаны наши запасы?

Орлов, поняв мои опасения, ответил серьезно:

— На полных пятьдесят земных лет. Нам так или иначе необходим солидный балласт. А энергии у нас более чем достаточно.

— Не собираетесь же вы путешествовать полстолетия? — улыбнулся Чан.— Пройдет всего десять дней, и вы вернетесь домой.

За день до старта мы снова осмотрели и испытали все наши приборы. Оставалась последняя.

торжественная церемония: «крестины» гравиплана. Эта почетная задача была возложена на Эву.

— Пусть ваш корабль отныне носит имя «Бумеранг», потому что бумеранг всегда возвращается назад, — сказала дрожащим голосом Эва, когда бутылка пенистого вина разбилась о гладкую поверхность гравиплана. Ее губы улыбались, но в глазах пряталась глубокая печаль.

Старт был таким простым, точно мы отправлялись с вокзала международным поездом. Только репортеров собралось больше, чем обычно в таких случаях. И ничего удивительного! Ведь речь шла о генеральном испытании космического корабля нового типа.

Экипаж занял свои места, и корабль легко, точно пушинка, взлетел в небо; взлетел без шума и грохота, сопровождающих старты ракет.

Испытания планировались на десять дней: посещение летающей вокруг Земли обсерватории, остановка на центральном аэродроме Луны и наблюдения за планетой Эросом, которая в это время должна была максимально приблизиться к Земле.

На обсерваторию-спутник мы попали в расчетный срок. И рейс к Луне начался благополучно. Но на расстоянии двухсот тысяч километров Манго обнаружил незначительное ускорение и отклонение от намеченного курса. Скорость возрастала. Мы вновь проверили прибор — все было в порядке.

Почему же «Бумеранг» вышел из повиновения?

Скорость настолько возросла, что нам пришлось лечь в кресла, чтобы легче переносить перегрузки.

Через неполных двадцать четыре часа мы пролетели мимо Луны.

Как же так? Ведь мы несколько раз проверяли наши расчеты, да и автоматическая модель гравиплана, управляемая с Земли и отличающаяся от «Бумеранга» лишь меньшим размером, вернулась из лунного рейса благополучно, в соответствии с программой.

С Земли и с Луны к нам на помощь летели по радио сигналы телеуправления. Все напрасно. Наша скорость продолжала возрастать.

Мы с безнадежностью смотрели на исчезающую вдали родную планету, на Солнце, которое понемногу с безжалостной неуклонностью уменьшалось, пока в конце концов не превратилось в тусклую звездочку. И в довершение всего мы потеряли связь с людьми.

Нас охватил невыразимый ужас. И я снова вспомнил папку. Я бил себя в ярости кулаками по лбу, приказывая работать ленивому мозгу, работать и вспомнить, что я положил в проклятую папку. Тогда было решено, чтобы я вел дневник, восстанавливая в памяти события.

* * *

Сегодня утром (для порядка мы все еще живем по земному времени) Манго разбудил нас на два часа раньше. Он едва говорил от волнения.

— Друзья, вы только посмотрите! — тащил он нас к экрану астротелевизора.

В огромной щели посреди багровой туманности появился сияющий центр нашей Галактики. Сердце Млечного Пути, которое веками было скрыто от взора людей Земли. Пылающее сердце, вокруг которого обращаются миллиарды звезд и наша звезда — дарящее жизнь Солнце...

Цветные снимки центра Галактики мы послали на Землю, но достигнут ли они ее? И сумеют ли принять их наши ученые? Мы уже так давно не слышали голоса Земли!..

* * *

Будь во веки веков прославлено сердце Галактики! При взгляде на него меня словно молнией озарило. Я нашел ошибку. Я вспомнил запись в желтой папке. Излишняя концентрация антивещества в одной из точек вызвала к жизни неизвестные до тех пор силы, которые подчинены влиянию гравитации центра Галактики. В этом и заключалась наша беда. Мы бросились уничтожать лишние батареи с антивеществом. Остальные равномерно распределили в гравиплане вне критической точки взаимного действия и тем самым устранили умножение энергии. Собственно, никакой ошибки мы не сделали. Просто в условиях Земли мы не могли обнаружить новый фактор, оказавшийся для нас роковым.

Мы замедляем скорость, чтобы изменить направление. «Бумеранг» возвращается домой! Там человечество, живые люди, без которых космос — мертвая красота.

Пусть космос пульсирует и дышит!
Здравствуйте, поющие туманности!
«Бумеранг» возвращается домой!
«Бумеранг» возвращается...

Сокращенный перевод с чешского Л. Голембы.

ГОРЯЧИЕ ДЕНЬКИ У ДЕДОВ-МОРОЗОВ

— Нет, ты скажи, где мне горн достать? Как же я к пионерам явлюсь? Они ведь целый год мечтают о горне!

Продолжение репортажа на странице 48.

ЛЕСНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Эдуард ШИМ
Рисунки В. Трофимова.

СНЕГ И КИСЛИЧКА

I

Осенью рано ударили морозцы, застудили землю, запечатали крепким зеленым ледком озера и реки. А снегу все не было, не было, и его ждали повсюду с нетерпением и вспоминали о нем каждый день.

— Ах, до чего же скучно без снега! — говорили Люди.— С погодой творится что-то невероятное!

На голых полях и лугах плакали под ветром Травы:

— Стынем, сты-ынем!..

Высокие Деревья сердито скрипели в лесу:

— Босые ноги мерз-нут! З-зябко!

Недовольно бормотали Тетерева:

— Спать негде, спать негде!

И, кряхтя, бродил-шатался по лесу злющий Медведь, которому не хотелось ложиться в берлогу, не укрытую снегом.

II

Наконец выпал на землю Снег — такой чистый, такой белый, что кругом посветлело и сделалось как будто просторней.

Заблестели-заискрились ровные луга, в лесу сразу стало нарядно — каждое Дерево и каждый Куст украсились кружевными хлопьями. Даже старые Пни как будто помолодели, надев на головы снежные шапки.

Люди развеселились: они щурились от яркого света, улыбались, а мальчишки играли в снежки и катались на лыжах. И если кто-нибудь из них летел кувырком с горы и снег забивался в рукава, попадал за воротник, обиды никакой не было, а, наоборот, все хохотали и радовались.

На полях перестали зябнуть Озимые Хлеба: теперь им было тепло и покойно под снежным покровом.

— Спасибо тебе, Снег! — говорили Одуванчики, росшие на лугах, Манжетки с лесных полян, бродяги Подорожники, Земляника, Маргаритка. У них у всех зеленые листья отогрелись под снегом и уже больше не дрожали от ветра и холода.

Вечером с высоких берез Тетерева начали нырять в снег. Они пробегали несколько шагов, делали коридорчик, потом поворачивались, обминали вокруг себя местечко — и выходила уютная подснежная спаленка. Сверху ее нельзя было заметить, а внутри было славно, тепло, и Тетерева бормотали сонно:

— Хорошо-то как!.. Хорошо-то как!

Над медвежьей берлогой тоже наросла белая крыша. Медведь продышал в ней круглую дырку, чтоб вольготней спалось, и над берлогой теперь курился тоненький парок, словно дым от топящейся печки.

— Экая благодать!.. — причмокивал Медведь, засыпая.

III

Все были рады Снегу, все благодарили его, а он молчал. И не потому, что он не умел говорить, и не потому, что сказать было нечего, — совсем по другой причине.

Снег родился высоко-высоко над землей, в сверкающей пустоте, где свищут одни лишь Ветры-невидимки да плывут растрепанные, седые Тучи. Он долго летел к земле, и Ветры кружили его и несли неизвестно куда над полями и лесами.

— Отпустите меня на землю! — попросил Снег. — Там, наверно, меня ждут...

— Молчи-и-и!.. — засвистели Ветры. — Запомни, тебе нельзя разговаривать! На земле ты должен лежать и молчать, как мертвый!

— Но зачем же мне молчать, как мертвому?

— Затем, чтобы дольше прожить! — ответили Ветры. — В словах, которые раздаются там, на земле, заключены страшные болезни. Слова могут заразить тебя жалостью и добротой, нежностью и любовью... Опасайся этого, как огня! Кто много чувствует, тот быстро гибнет. А чтоб прожить долго, надо ничего не чувствовать, ни о чем не думать, ничего не говорить, ничего не слушать и совсем не двигаться, словно ты мертвый!

— А если я все-таки заговорю? — спросил Снег.

— Ты погибнешь! — сказали Ветры. — Стоит тебе заговорить в первый раз — и от тебя не останется и половины. Стоит заговорить второй раз — от тебя не останется и восьмушки. А когда заговоришь в третий раз — от тебя ничего не останется!

И Снег запомнил предостережение Ветров. Иногда ему хотелось ответить кому-нибудь, поболтать от скуки, но он вовремя спохватывался и продолжал молчать.

IV

За долгую зиму Снег привык к Травам и Деревьям, к Зверям и Птицам и, хоть не разговаривал с ними, все равно узнал про них много интересного.

В полудреме Травы вспоминали минувшее лето, и Снег услышал о том, как Манжетка собирает на своих листьях росу, а потом дает напиться Птицам; о том, как Подорожник лечит людей; о том, как Одуванчики закрывают перед дождем золотые корзинки, а Земляника ходит на своих длинных усах.

Немало историй услышал Снег от лесных Птиц — и про веселого Клеста, который строит гнездо в лютые морозы и выводит птенцов зимой, и про водяного воробья Оляпку, который купается в прорубях, и про крошечного Королька, который не боится никого в лесу и звенит целый день, как бубенчик.

Лунными ночами Снег слышал волчий вой и видел, как беззвучно убегают через кусты дикие Козы. Снег узнал, что Зайцы спят с откры-

тыми глазами, а Лоси очень любят рябиновые ветки и умеют сгибать рябину до земли, надвигаясь на стволик своей широкой грудью... И чем больше знакомился Снег с лесными жителями, тем сильней хотелось ему подружиться с ними.

V

Трудно жилось зимою Зверям и Птицам, многие голодали, мерзли; в феврале даже Деревья не выдерживали — трещали от морозов. И Снег старался получше укутать древесные корни, поплотней укрыть луга и поля, спрятать под своей шубой Птиц и Зверей.

И когда Снег теперь думал о них, он чувствовал, что теплеет и делается мягче.

Однажды вечером пролетел над лесом студеный северный Ветер, дотронулся до Снега невидимой рукой и закричал:

— Берегись! Ты начинаешь оттаивать!..

И Ветер угнал с неба растрепанные тучи; выкатилась Луна с ушами, и ночью подморозило так, что Снег покрылся твердой ледяной корочкой.

Утром Снег почувствовал, как что-то живое бьется у него под шубой. «Это же Тетерева! — испугался Снег. — Как всегда, они забрались в свои спаленки, а теперь не могут вылезти и колотятся о ледяную корку...» И ему стало жаль бедных Тетеревов, которые так смешно бормотали, укладываясь спать, и благодарили его, и рассказывали занятные истории.

Потом он услышал чьи-то жалобные стоны и заметил, как через поляну, хромая, бредут дикие Козы. Ледяная корка резала им ноги, и следы позади Коз были обрызганы чем-то красным. И когда такая красная капля падала на Снег, то прожигала его почти насквозь, и ему тоже делалось больно.

Над лесом показалось Солнце. Снег закряхтел, захрустел, собираясь крикнуть. Но от долгого молчания голос у него пропал. Снег сумел только зашипеть хрипло:

— Солнышко, помоги!..

И тогда Солнце поднялось выше, разогрело ледяную корку, растопило — побежали с пригорков ручьи.

А Снег... Он и опомниться не успел, как наполовину исчез. Только в густом бору, низинах да оврагах осталась лежать дырявая снежная шуба.

VI

Стоило Солнцу подняться выше и пригреть землю, как все кругом изменилось.

На полях зазеленели Хлеба, над черным прошлогодним листом под-

нялись желтые Первоцветы, розовые Хохлатки; рядом со Снегом распустились голубые Подснежники; запылила Ольха, ветки Ивы покрылись жаркими золотыми шарами.

Тетерева поутру слетались на поляны, чертили по земле крыльями, приплясывая, и затевали шумные потасовки. Весь день звенели в лесу Синицы, распевали Чижи, Корольки, и даже старый Ворон кувыркался в небе, каркая во все горло.

И Снегу тоже стало радостно, что все Звери и Птицы уже забыли про злую зиму, что расцветают первые Цветы, что зеленеют Травы, а на Деревьях лопаются почки.

Снег осмотрелся кругом и невольно сказал:

— Какие вы все красивые!.. И как хорошо, что вы живы-здоровы!

И, сказав это, он почувствовал, что плачет. Плакал он не от горя, а от радости и счастья, и потому не удерживал слез — и опять забулькали ручейки, и Снег не заметил, как почти весь растаял.

Уцелел только маленький горбатый сугробик под низкими лапами Елки, растущей на краю обрыва.

VII

Теперь Снег решил, что уж больше-то не скажет ни слова. Кому захочется умирать по своей воле, да еще весной, когда повсюду на земле праздник? А кроме того, Снегу было жаль расставаться со своими друзьями. Он ведь так старался, помогая им зимой, он так беспокоился за них! И теперь он хотел увидеть, как Птицы совьют гнезда и выкормят птенцов, как Деревья оденутся листвой, а Травы отцветут и принесут семена.

Под еловыми лапами было прохладно, сумрачно, ни один солнечный луч не мог пробиться сквозь них, и Снег, съежившись сугробиком, тихо лежал тут, невидимый для посторонних глаз.

Как-то ночью он услышал возле себя шорох. На земле шелестели сухие еловые хвоинки, будто кто-то осторожно разгребал их. А на другой день Снег заметил, что из земли проклюнулись какие-то слабенькие, тонкие росточки.

Росточки долго отдыхали: они измучились, раздвигая хвою у себя над головой. Затем они распрямились и начали медленно-медленно развертываться.

Это рядом со Снегом выросла маленькая Кисличка — наверно, самая скромная и незаметная травка во всем лесу.

У нее было всего по три листика на каждом стебельке, а сами стебельки были почти незаметны, как паутинки. Но Кисличка старательно приподнималась, растопыривала листочки и даже открыла первый цветок. Он тоже был крошечный, неприметный, словно одинокая снежинка, случайно упавшая в траву.

Кого мог привлечь этот цветок, кого остановить, кому приглянуться? Кисличка словно не думала об этом; весь день она весело кивала цветком, а к ночи бережно прятала его, наклоняя вниз и смыкая лепестки. Ей, как и всем жителям леса — и громадным Деревьям, и Кустарникам, и густым пахучим Травам, — тоже хотелось радоваться весне, расти, цвести, а потом разбросать вокруг себя семена, чтобы на будущий год выглянули на свет новые молоденькие Кислички...

И Снегу очень понравилась эта маленькая травка — хоть и слабенькая, а упрямая, хоть и бедная, но все-таки веселая. Снег нетерпеливо ждал, когда у Кислички раскроются другие цветы и вокруг них затолкутся, запляшут суетливые Мухи и лакомки Жуки.

Но ему не пришлось этого увидеть.

VIII

Однажды Кисличка попросила еле слышным голоском:

— Пить... Пить...

И Снег увидел, что листочки у нее опущены к земле, стебель гнется, а цветок вот-вот уронит лепестки. Земля под елкой была слишком сухая: сюда не попадали капли дождя, а болтливые ручьи бежали далеко внизу, по дну оврага. И Кисличка стала чахнуть от жажды.

Снег хотел было окликнуть ее, ободрить, но тотчас вспомнил, что если заговорит, то умрет. Ему стало страшно, и он похолодел и перестал смотреть на Кисличку. А она по-прежнему еле слышно просила:

— Пить... Пить...

Снегу очень не хотелось умирать. И он попробовал не слышать голоса Кислички, не думать о ней. «Надо лежать так, словно я мертвый...» — убеждал себя Снег.

— Пить... Пить... — просила Кисличка.

«Надо лежать, как мертвому...» — твердил Снег. И вдруг ему пришла другая, новая мысль: «Но зачем тогда жить на свете, если я буду совсем как мертвый?» И он подумал о своих друзьях в лесу: вот дикая Коза беспокоится о козлятах, вот серенькая Тетерка бросается под ноги охотнику, отвлекая его от птенцов, вот даже крохотная Кисличка, расцветая в тени под елкой, заботится о семенах. И Деревья, и Травы, и Птицы со Зверями — все живут, как живые: любя и тревожась, огорчаясь и радуясь...

«И я тоже полюбил Кисличку, — думал Снег, — и я волнуюсь за нее, тревожусь, и если Кисличка погибнет, то разве нужна мне будет моя долгая бесполезная жизнь? Для чего я один во всем лесу буду жить, как мертвый?» И ему стало легче от этих мыслей, и он больше не боялся за себя. «Нет, — думал он, — я так не хочу. Пусть лучше моя смерть обернется жизнью!»

— Не плачь, Кисличка! — сказал Снег звонко. — Я тебя выручу. Жаль только, что я не увижу прекрасные твои цветы и твоих де...

Снег собирался сказать «твоих деток», но поперхнулся, булькнул и умолк. Много ли надо времени, чтобы растаял небольшой сугробик?

На том месте, где лежал Снег, разлилась чистая вода, напоила сухую землю, и Кисличка скоро подняла листья и опять закивала цветком.

IX

Так, значит, Снег умер?

Может быть, да, а может быть, нет.

Снег растаял, превратился в воду. Вода напоила травы и деревья, ушла под землю, прошумела ручьями, по речным руслам утекла в моря.

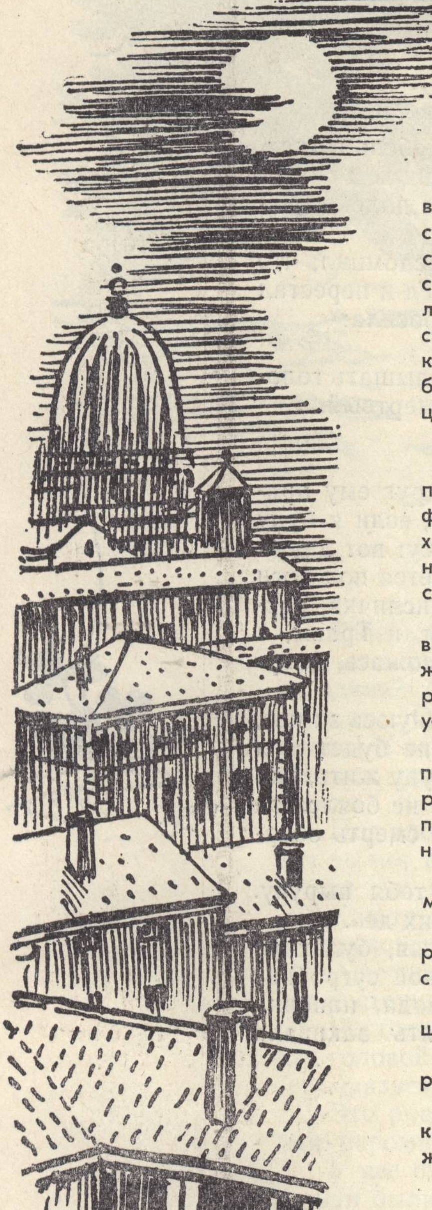
А потом летучим туманом она поднялась в воздух, собралась в белые облака и седые тучи. И высоко-высоко вверху, в холодной сверкающей пустоте, вновь родился из воды снег, чтобы в свое время выпасть на землю и укрыть ее от морозов.

И опять случится с ним такая же история и повторится вновь, бесчисленное множество раз, потому что всегда будут на земле доброта, красота и любовь, а раз они есть, никто не ответит, где кончается смерть и начинается жизнь.

В мире снов

Джанни РОДАРИ

СКАЗКА

Однажды мне удалось заглянуть в мир снов. Случилось это так: совсем уж было собираясь заснуть, я вдруг обнаружил под собственной подушкой странного человечка, ростом с мышь, но совсем взаправдашнего — от башмаков до шляпы. На нем был двубортный костюм серо-стального цвета, зеленый галстук и очки.

— Вы что здесь делаете?

— Минуточку терпения, я исполняю свой долг. Я служащий фирмы «Сны и сыновья». Я прихожу сюда каждый вечер выполнять план. Это я подсказываю вам сны, пока вы спите.

— Ах, так, отлично! Значит это вы прошлой ночью мучили меня жутким сном — с пауками, которые забирались мне на лицо и устраивали качели на моем носу.

— Я не виноват... Я выполняю приказы фирмы. Вот, посмотрите реестр. Этой ночью вам должна присниться коробка из-под обуви, наполненная зубными щетками.

— Но почему же мне? И почему именно щетки?

— Что вы хотите, таковы распоряжения! Не могу ж я ослушаться, меня моментально уволят.

Я взял его за ухо, твердо решив, что не дам ему удрать.

— Отведите меня к вашему директору, я хочу написать жалобу.

— Ради бога, вы хотите накликать беду на мою голову! Нельзя же так!

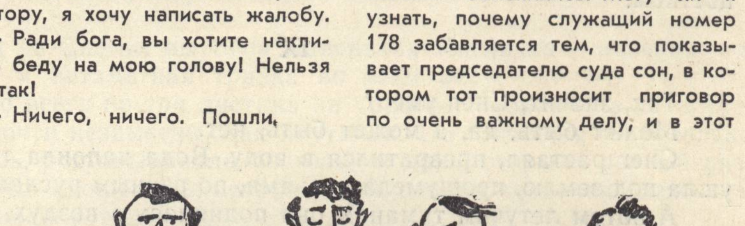
— Ничего, ничего. Пошли.

И вот мы оказались в помещении, похожем на чердак, где около сотни таких же человечков ожидали, сидя на игрушечных креслицах, прихода директора.

— Еще один протестующий? — спросил у моего провожатого какой-то человечек.

В эту минуту вошел директор, всем человечкам человечек: в темном костюме, с этакими длиннющими усами, которые подпрыгивали у его рта, как бабочки. Едва войдя, директор тут же набросился на одного из человечков, потом на другого, третьего...

— Вы, да-да, я к вам обращаюсь! Вы знаете, что устроили хорошенькую путаницу? Вы должны были показать во сне синьоре Казалини, что у нее все три номера выигрывают в лотерее; вместо этого вы показываете ее выигрыш доктору Де Бернарди, который в лотерее из принципа не участвует. А синьору Казалини вы заставили увидеть во сне подводное ружье!.. Ну вы представляете себе, что она, бедная женщина, должна была с ним делать, она, которая в жизни и мизинца-то в море не опустила?!. Дорогие синьоры, так дальше продолжаться не может. Непорядок страшнейший. Вы уж совсем обленились. Могу ли я узнать, почему служащий номер 178 забавляется тем, что показывает председателю суда сон, в котором тот произносит приговор по очень важному делу, и в этот

Рисунки Ю. Кискачи.

самый момент замечает, что он в одной пижаме? А чиновник номер 3457 мог бы сказать мне хотя бы на ухо, почему прошлой ночью министру иностранных дел приснилось, что он индюк, распускающий хвост?

Дорогие мои синьоры, с этими шутками пора покончить. Предупреждаю вас в последний раз: или вы будете уважать приказы, или я буду вынужден принять строжайшие меры.

Нужно было видеть, как эти человечки пожимали плечами, прятали головы в воротники своих

двубортных костюмов, натягивали галстуки на глаза — лишь бы исчезнуть. Мне казалось, что я попал в третий класс начальной школы, когда сердитый учитель распекает учеников.

Мой человечек вскарабкался мне на плечо и зашептал на ухо:

— Прошу вас, не подавайте жалобы, иначе мне срежут зарплату. Выручите меня, скажите, что вы здесь на экскурсии.

И вот, когда генеральный директор фирмы заметил меня, я приложил руку к сердцу и сказал:

— Я попросил сделать для меня исключение и разрешить мне присутствовать на этом собрании, чтобы поблагодарить дирекцию за изумительные сны, которыми она снабжает меня последнее время. Я вполне удовлетворен моим поставщиком. Я сказал бы даже, что он заслуживает повышения по службе.

— Мы сделаем его районным инспектором, — удовлетворенно сказал генеральный директор, щекоча в носу кончиком уса. Но тут же он снова сделался суровым и раздражительным.

— Дорогие синьоры, дела идут отвратительно. Мы как ни в чем не бывало продолжаем показывать людям сны на древний манер. Нужно отдавать себе отчет, что времена меняются: люди запускают искусственные спутники Земли, отправляются на Луну, готовят звездолеты для путешествия во Вселенную. Мы отстали, мы еще снабжаем наших клиентов снами прошлого века, старьем, подпорченным и обесцененным товаром: какими-то лотерейными номерами, которые никто не вытягивает, и разными тому подобными штуками... Мы должны стать вровень с веком, иначе люди перестанут смотреть сны, и мы вылетим в трубу...

По дороге домой человечек спросил у меня:

— Может, вы предпочитаете какие-нибудь особенные сны? Могу ли я сделать вам приятное?

— Послушайте,—сказал я ему,— заставьте меня видеть во сне, будто я всегда бодрствую. Спать— это потерянное время в нашу бурную эпоху, когда столько нужно увидеть и столько сделать!

В этот момент я снова оказался в своей кровати. Поднял подушку — там не было ничего, кроме платка. Никаких человечков, пустота. Кто его знает, в самом деле я видел того человечка или он мне только приснился?

Перевел с итальянского
Илья Левин.

Для обеспечения устойчивых, высоких, неуклонно увеличивающихся урожаев, освобождения сельского хозяйства от вредных воздействий стихийных сил природы, в особенности от засухи... во всех колхозах и совхозах внедрить научно обоснованную систему мероприятий по земледелию.

Из Программы КПСС

ЧУДЕСНАЯ ЛАМПА И ЗАВТРАШНИЙ УРОЖАЙ

Г. ШАНГИН-БЕРЕЗОВСКИЙ

Рисунки Е. Мигунова.

САД НА ОКНЕ

Возвращаясь из дальних стран — с Кавказа, из Сибири, из Заполярья, я как добрую память привожу с собой какой-нибудь черенок, луковицу или листочек растения из тех мест.

Несколько лет назад, видя, как я достаю из влажной тряпицы очередное растеньице, мои домашние ворчали:

— Ну вот, нового уродца привез!

И каждый раз мне приходилось доказывать, что это замечательные цветы и что не привезти их я не мог.

— Смотрите, — говорил я им, — вот Гойя, восковой плющ. Его можно уважать уже за одно имя. Это имя великого художника, большого, честного и мужественного человека. Он прожил трудную жизнь, но не согнулся и не склонил головы перед царедворцами, которые ненавидели и преследовали его, простого человека из народа. И моему Гойе тоже пришлось нелегко. Я нашел его в пыльной степи за Волгой, в покинутом старом доме. Он затвердел от засухи, и листья его избороздились морщинами. Но он обязательно выживет, потому что он Гойя.

А эта малышка. Посмотрите, как она цветет! Раньше вы говорили, что она похожа на крапиву. А теперь? Она похожа на прекрасную девушку в лиловом плаще, с зеленой короной на голове. Родом она из тропиков, и зовут ее Ахименес. Но нашел я ее за Полярным кругом, в Хибинах. Там заморозки кончаются только в июне, а уже в конце июля снова возвращаются.

Ахименес, конечно, — неженка, и встретился я с ней в теплице. Зато эта вот лилия пробилась буквально из-под снега. Я нашел ее крепкую луковку на горном склоне Кавказского хребта. Мне по душе пришелся мужественный характер этой горянки.

Теперь у меня на окнах прямо ботанический сад. Когда ко мне приходят гости, я совершаю с ними прогулку по окнам и знакомлю с моими добрыми зелеными друзьями. Товарищи восхищаются цветами, но вздыхают.

— Сколько хлопот!.. — говорят они.

— Совсем немного! — отвечаю я. — Минут десять в день, если взяться умеючи.

«ПЕТУШИНОЕ СЛОВО»

Если взяться умеючи... Нехитрое, кажется, дело — разводить на окнах цветы. Посадил черенок, накрыл стаканом, а укоренится, поливай помаленьку — и вся забота. Но вот приходит ко мне соседский мальчишка и говорит:

— А мама сказала, что ты «петушиное слово» знаешь!

— Это еще что?—удивляюсь я.

— А вот цветы у тебя цветут, а у нас просто и не растут даже.

— Ну,— говорю я,— дело серьезное.

Пришел я к ним, вижу, цветы все хорошие: розы, амариллисы, кактусы. Переставил я одни на светлое окно, другие — со светлого на теневое. Одни велел пересадить в вазоны поменьше, другим немного подсыпать извести.

— Кактусы, —говорю,— зимой не поливайте, глоксиниям воду на листья не лейте, лучше в блюдечки. И вообще не пересушивайте и не заливайте. Вот вам и все «петушиные слова».

Другой раз зашел — некоторые уже цветут.

Пригласила меня соседка к столу, угощает чаем, а сама все ахает:

— И как же это все у вас получается! И как ведь просто все!

— Здесь, — говорю, — на подоконнике, просто. А вообще-то это—искусство. Знаете, как знаменитый художник Брюллов говорил про искусство? Искусство—это «чуть-чуть». Чуть-чуть не так—и уже не искусство. Вот кактус у вас: он же из пустыни! Ему, чтобы весной цвести, зимняя засуха нужна. Чтобы ничего в это время на рост не расходовать, чтобы все на построение цветочных почек пошло. Но без питания ведь тоже нельзя: цветки ведь из ничего не получишь! Значит, летом надо и удобрения чуть-чуть дать и поливать понемногу. И все это в меру. А мера у каждого растения разная. Глоксинию надо чуть-чуть притенять, гортензии, чтобы цвела голубыми цветами, надо чуть-чуть добавить солей железа...

Но если на подоконнике легко применить наше «чуть-чуть», то в поле совсем другое дело. Солнце и дождь—источники жизни. Но они не ведают меры. И не повинуются нам. То придет засуха, то неделями льют дожди. В поле приходится воевать и с сорняками и с вредителями растений. Пока у пшеницы созреет колос, пока свекла даст корнеплод, а капуста совьет кочан, эти растения платят своим врагам и невзгодам огромную дань. Но даже в тех случаях, когда получается хороший урожай, можно почти всегда сказать, что он меньше, чем мог быть на самом деле.

Стопудовый урожай пшеницы. О нем поется в частушках и песнях. Но это же всего шестнадцать центнеров с гектара! На полях опытных станций и в образцовых хозяйствах получают, как правило, до тридцати и даже до пятидесяти центнеров зерна с гектара. А вот наши ученые говорят, что высокая культура земледелия приведет к урожаям больше двухсот центнеров зерна с гектара.

Это даже трудно представить. Для этого нужна, вероятно, особенная пшеница — с тысячью колосьев в кусте и с сотнями зерен в колосе. Однако вспомним: сахарная свекла всего за двести лет превращена человеком из растения с тоненьким, чуть сладковатым корешком в растение с корнеплодом более двух килограммов весом и с полукилограммом сахара в нем. После этого не так трудно представить и редиску величиной со свеклу и «римский огурец», как в басне Крылова, размером прямо с дом.

Так ли фантастичны эти мечты? И так ли далеко время, когда урожаи в десятки раз больше, чем теперь, будут обычным делом?

ЛАМПА АЛАДИНА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Мы все знаем сказку о волшебной лампе Аладина. В ней сидел могущественный дух, который мог творить чудеса. Однако сам он был пленником лампы и должен был служить ее хозяину. В конце концов лампа попала в руки хорошего человека и принесла счастье многим людям.

В этой старой сказке внимательные глаза увидят глубокую и мудрую мысль. Силы природы, послушные доброй воле человека, могут совершать чудеса, делать жизнь счастливой. В этой сказке, как и во многих других, живет давняя мечта людей о власти над силами природы. И так уж устроен человек, что все, о чем он мечтает, он непременно сделает явью. Вот, например, пришло время — и воплотилась сказка о ковре-самолете в реактивном «ТУ-104».

Ну, а лампа? Что стало с лампой Аладина?

Прежде всего она перестала быть сказочной, хотя и осталась чудесной. В каждом доме из-под абажура льется ее яркий свет, и это никого не удивляет. А между тем в лампочке совершается чудо: энергия могучих рек, ставшая энергией электрического тока, ночную тьму превращает в день.

Загляните в радиоприемник, в телевизор — там вы тоже найдете лампу, да к тому же и не одну. Эти лампы совершают другое чудо: с их помощью можно увидеть и услышать новости из любого уголка земного шара. А недавно я узнал, как с помощью лампы открывают дорогу к сказочным урожаям будущего.

Урожаи такие, оказывается, уже существуют сегодня. Правда, еще не на тысячах гектаров, а на сотнях квадратных метров огорода, который находится... в доме и, что самое странное, в подвале без окон.

Чтобы не томиться вам загадками, давайте совершим путешествие в Ленинградский агрофизический институт. Там под руководством доктора биологических наук Бориса Сергеевича Мошкова работает дружный коллектив исследователей.

Этих ученых волнуют разные вопросы, но все они сводятся к одному: как заставить растение дать наивысший урожай, какой в его силах?

...Под ослепительным светом ламп растут томаты. Они стоят сплошной стеной — сверху это плотный зеленый коврик. Растения коренасты и приземисты, но если заглянуть сбоку, видно очень много плодов. Мы спрашиваем, каков урожай на этом... мы затрудняемся подобрать название. Парник? Стеллаж? Теплица? Грядка? В ответ нам сообщают цифры, которые с трудом укладываются в голове.

Два месяца, чтобы получить из семян кусты со спелыми помидорами...

Шесть урожаев в год...

Около двадцати тонн помидоров со ста квадратных метров. В пересчете на гектар это почти два миллиона килограммов.

Первое слово, которое приходит на ум, — «волшебно»! Но Борис Сергеевич Мошков меньше всего похож на волшебника. И все же он напомнил мне доктора Гаспара Арнери из книжки Юрия Олеши «Три толстяка». Про доктора Гаспара Олеша сказал: «В самом деле, этот доктор делал такие удивительные вещи, что они действительно походили на чудеса...»

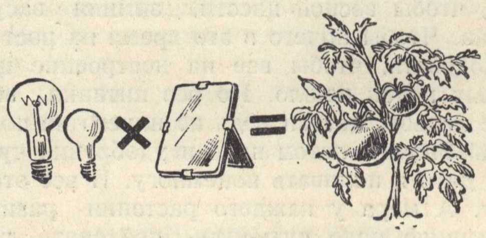
То же можно сказать о нашем несказочном докторе.

Вот он показывает фотографии томатных кустов, выращенных в разных условиях. Одни растения высокие, но какие-то худосочные. Другие, напротив, небольшие и коренастые, но уже плодоносят. Оказывается, и те и другие выросли в теплице, но первые получали слабый, рассеянный свет, а вторые — яркий и сильный. Доктор Мошков показывает другие растения. Одно из них хорошо развито и плодоносит, а другое просто заморыш.

— Вот вам пример вредного действия тепла, — говорит доктор Мошков. — Летом в теплицах трудно избежать перегрева. Растения вынуждены усиленно дышать; при этом они расходуют массу накопленных веществ, слабеют и отстают в развитии. Такие растения — благодатная среда для болезней и вредителей. Перегрейте хорошенько теплицу — и можете прощаться с надеждами на большой урожай.

Так мы узнаем, что теплолюбивые помидоры вовсе не теплолюбивы. Им нужен свет, а тепла — «чуть-чуть».

«УМНОЖЕНИЕ» СВЕТА

Теперь становится понятным, почему доктор Мошков развел свой огород не в поле и не в теплице, а в подвале. Здесь во все времена года легче поддерживать нужную, относительно невысокую температуру. Вместо теплиц он использует

«темницы». Но яркие лампы накаливания превращают их в настоящие «светлицы». Чтобы мощные лампы не перегревали поверхность растений, их, эти лампы, опустили в сосуды с проточной водой и прозрачным дном. Вода омывает лампы и уносит большую часть тепловых инфракрасных лучей. Сквозь прозрачное дно сосуда на растения льется яркий, но не горячий свет. Для того, чтобы использовать этот свет как можно полнее, доктор Мошков ловит его зеркалами. Зеркала в этой лаборатории окружают растения со всех сторон. Лампы посылают свет только вниз на растения, но, пройдя через листья, свет рассеивается в разные стороны и попадает на зеркала. От этих зеркал он опять отражается к листьям — и так до бесконечности. «Подземное солнце» светит томатам со всех сторон. Лист берет от луча всю энергию, которую тот может отдать, а сам лист использовать. Поэтому растению нет необходимости тянуться за светом в высоту, и поэтому на квадратном метре площади под этими лампами можно разместить вместо девяти тридцать шесть растений.

Так человек сумел обойтись без солнца, без источника жизни. Это удивительно и необычно. Быть может, через много лет, когда энергия ламп будет широко использоваться в сельском хозяйстве, историки отметят работу доктора Мошкова как начало агрономии будущего.

ГРЯДКИ... БЕЗ ЗЕМЛИ

Доктор Мошков обходится не только без солнца, но и без почвы. В его «светлицах» не обычная земля, а пористый материал, также полученный искусственным путем, — керамзит. Готовят его очень просто и остроумно. Глина, смешанная с опилками, обжигается в керамической печи. Вода, испаряющаяся из сырой глины, и дым сгорающих в ней опилок пронизывают глину множеством пузырьков. Из печи выходит материал, похожий на мелкопористую пемзу. Теперь достаточно раздробить керамзит на мелкие комочки, и он готов для опытов в «светлицах».

В керамзите не задерживается излишек воды, в порах воды ровно столько, сколько нужно растениям. Комочки хорошо впитывают в себя растворы минеральных удобрений. Пространства между комочками и частью пор всегда наполнены воздухом. На та-

кой «почве» не могут развиваться плесени и микробы, возбудители болезней растений.

А томаты чувствуют себя на керамзите превосходно. Их корешки пронизывают и оплетают комочки так, что растения можно пересаживать или, вернее, переставлять с места на место без всякого для них вреда. Томаты вынимаются из грядки прямо с комком «почвы»; если нужно провести в «светлице» какую-то работу (например, ремонт осветительной установки), растения складывают где-нибудь в углу «светлицы», как веники, а потом ставят на место. Каждое растение через шестьдесят дней дает около килограмма спелых плодов. Плоды эти вдвое крупнее обычных, нарядно и ярко окрашены. А витаминов и питательных веществ их мякоть тоже содержит вдвое больше.

В лаборатории доктора Мошкова можно увидеть и другие культуры, в том числе редис размером со свеклу. Но, может быть, удивительнее всего то, что из семян растений, выросших под лампами и зеркалами, получается потомство, которое дает еще более высокие урожаи.

ТАК БУДЕТ!

Жизнь возникла и развилась на земле благодаря энергии солнца. Она и сейчас существует благодаря энергии солнца, потому что с помощью солнечного луча зеленый лист создает те вещества, которые служат пищей всего живого. Но вот человек силой своего разума заставил растение жить и без обычной почвы и без солнца. Силой своего разума он дал ему все нужное для жизни.

Разум человека, говоря образно, может светить ярче солнца. Сейчас, для того чтобы прокормиться, люди обрабатывают около шести процентов земной суши. Но в будущем не придется распахивать и засевать все больше и больше полей для получения необходимого урожая.

Когда на земле не будет угнетателей и

угнетенных, когда человечество будет жить единой, дружной семьей, не шести сотых, а всего двух сотых доли суши хватит, чтобы любых продуктов вырастить вдосталь.

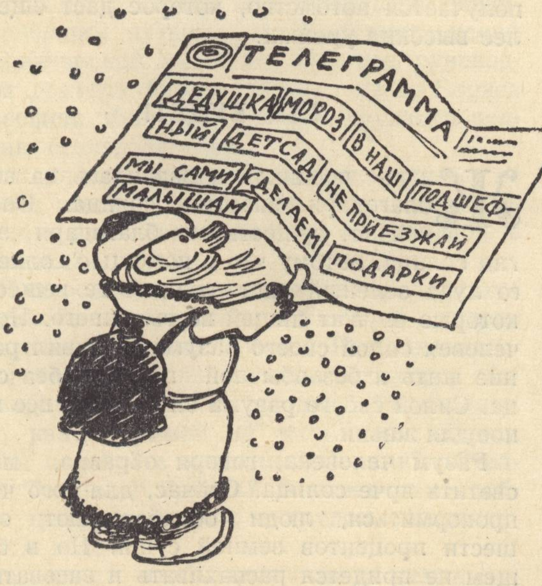
А у нас в Советской стране это время настанет еще раньше. У нас наука и техника уже сейчас служат для блага трудовых людей. В сельском хозяйстве находят применение все новые и новые способы повышения урожая и облегчения труда. И так же, как в свое время трактор и комбайн, на поля, огороды и в сады пришла дождевальная установка. А вслед за дождевальной придет осветительная.

Яркая лампочка над зеленым листом растения станет обычной в сельском хозяйстве. Когда-нибудь ее слава затмит сказочную славу волшебной лампы Аладина. Искусственное солнце, послушное воле человека, со временем вызовет к жизни новые формы полезных растений, о которых пока можно только мечтать.

Уже сейчас многие хозяйства и предприятия интересуются работой ленинградских ученых и хотят применить у себя их опыт. В теле плотин Иркутской и Братской ГЭС, например, скоро будут сооружены «светлицы» для выращивания зелени и овощей. Население Иркутска и Братска будет получать их круглый год.

Так труд доктора Мошкова и его коллег становится достоянием народа.

ГОРЯЧИЕ ДЕНЬКИ У ДЕДОВ-МОРОЗОВ

— Вот спасибо, ребята, а то мне восемнадцать садиков за день обслужить надо.

— Каждый год новые города строят!.. Им-то легко, а каково мне столько новых адресов осваивать!

Продолжение репортажа на странице 78.

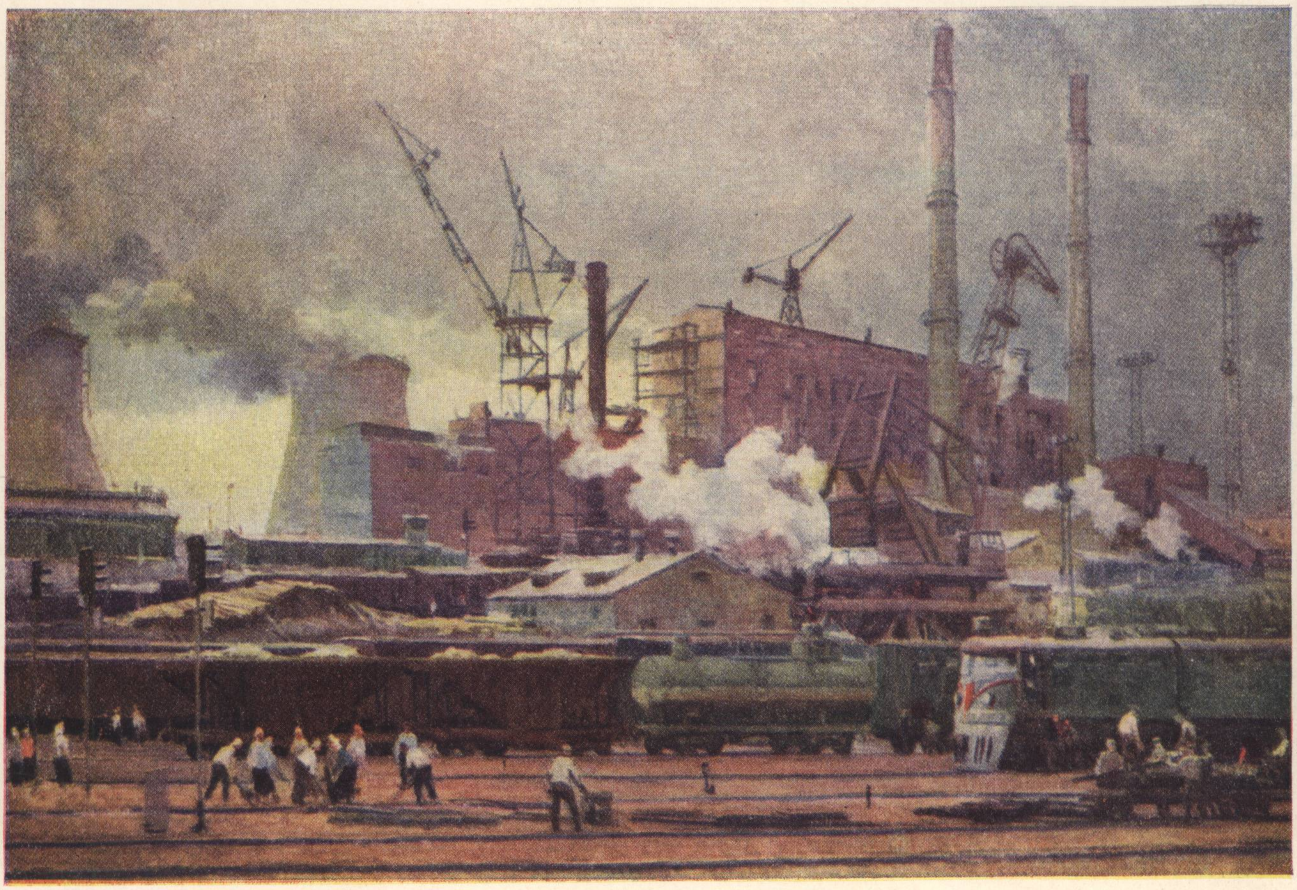
СНЕЖНАЯ ЗИМА — В. Басов

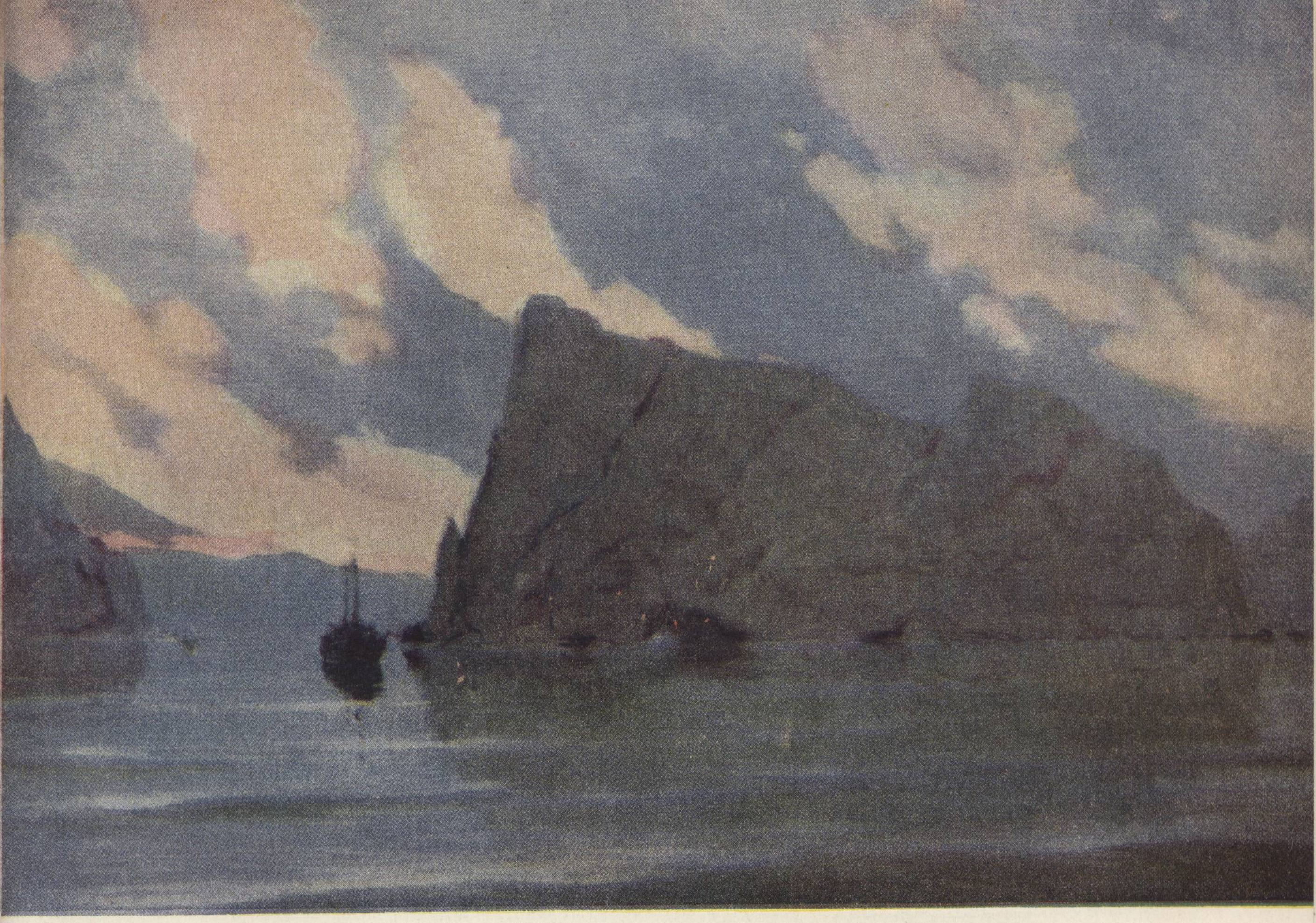
ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ — И. Шевандронова

НА НОВОЙ ВОЛГЕ — М. Суздальцев

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ — Н. Осенев

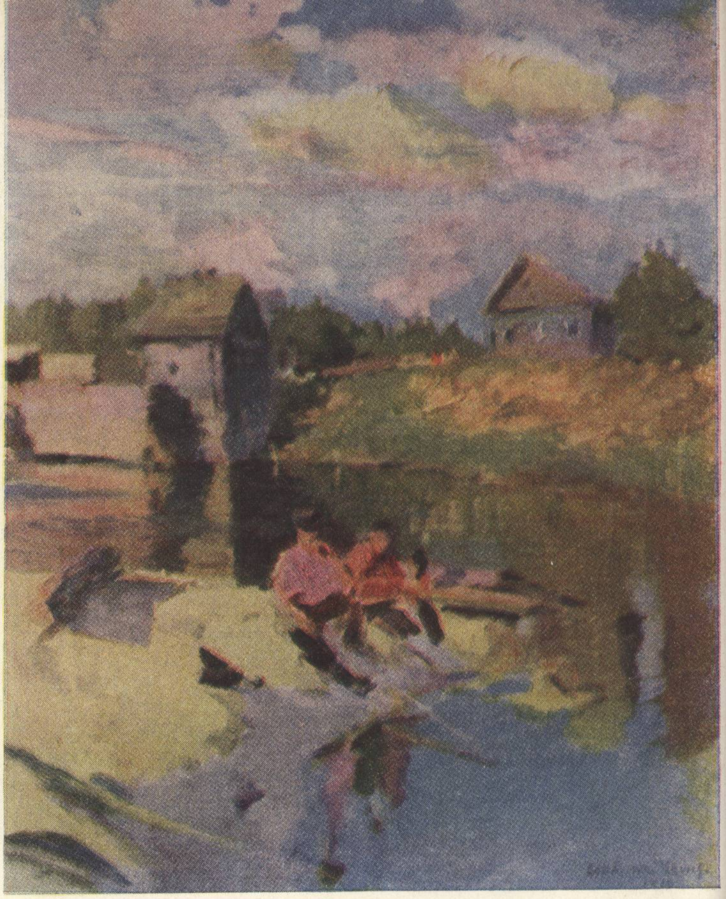
ФИОРДЫ — Е. Скитальцев

ПОСЛЕДНИЙ КАРАВАН — В. Витомский

К. Коровин

К столетию со дня рождения

УДЯТ РЫБУ

ЗИМА. ЛУННАЯ НОЧЬ.

МАСТЕР РАДОСТИ

— Какой день в своей жизни вы считаете самым лучшим? — спросили художника Константина Алексеевича Коровина.

— Сегодня, — ответил художник.

В то время он был уже стариком.

Своим ответом он хотел сказать, что дороже всего — живая красота и радость, которые окружают нас каждый день. Сам он служил красоте и радости всю свою жизнь, а жизнь эта была долгой. Ученик художников-передвижников Перова, Саврасова, Поленова, — Константин Коровин родился ровно век назад, в 1861 году, умер же он уже в нашу эпоху — в 1936-м.

«Талант есть то, что дает жизнь и радость». Эти слова Константина Коровина прежде всего относятся к нему самому. Его талант до сих пор дает людям радость... Но что такое радость в искусстве?..

Перед вами на вкладке репродукции двух картин Константина Коровина... Золотистый летний вечер. Два рыболова — взрослый и маленький — сидят с удочкой на берегу где-то, должно быть, на окраине большого села. Чудесная тишина окружает их. Река неподвижна, все вокруг насыщено теплыми красками заката. Возможно, и вам случалось не раз сидеть вот так же, с удочкой у тихой заводи. И — помните? — вы радовались тогда не только клеву, но еще чему-то... Пожалуй, вы и не догадывались тогда, почему вам так хорошо и радостно!

А вот совсем другая тишина — зимняя, ночная, холодная... Пышный, мягкий снег лежит вокруг лесного домика. Со всех сторон обступил человеческое жилье заснеженный лес. Величавы, но суровы деревья. А в домике тепло и светло, там — люди. Крестьянская лошадка у крыльца терпеливо дожидается хозяина, наверное, забредшего на огонек... Все здесь обычно, буднично, но в то же время эта картина, написанная в серо-голубых тонах, дышит какой-то особой чарующей и все же праздничной прелестью.

«Однако при чем тут радость? — спросите вы. — ...Радость — это же смех, веселье... А обе картины — скорее задумчивые».

Нет, радость далеко не всегда бывает шумной. Иной раз она согревает человека тихо, как солнечный луч. И эта радость особенно нужна человеческому сердцу. Она будит в нем любовь к жизни, к красоте, к родной природе.

Такую радость способно пробуждать только большое искусство, ее-то и дает нам живопись Константина Коровина. Есть у него картины несколько иные, чем те, что вы видите здесь, — картины более «громкие», мажорные. Мы намеренно говорим о них сейчас как о музыкальных произведениях: живопись Константина Коровина похожа на музыку, картины его — точно красочные симфонии. Что бы ни изображал художник — игру «сполохов», северного сияния, букет на столе, ночную улицу большого города, переливающуюся огнями, как драгоценный камень, — где бы он ни был — в родной Москве или же на далеком севере, — всюду находит он гармоническую радость и красоту. Смотря на его портреты, мы видим, как прекрасно человеческое лицо и как счастлив может быть человек. Настоящий праздник для глаз — театральные декорации Коровина, принесшие ему широкую славу.

Глядя на работы Константина Коровина, мы ощущаем волшебную прелесть цвета. Великолепны излюбленные им красные пятна: красное платье, рубаха или же красный зонтик так и горят на полотне. Это самый звучный аккорд всей страстной красочной симфонии!.. Константин Коровин — великий мастер цвета, колорита... Но, как бы ни упивался он красотой красочных сочетаний, не это главное в его картинах. Его портреты и пейзажи пронизаны живым человеческим чувством. Недаром этот художник считал, что «пейзаж должен быть не только красив, в нем должна быть история души».

Поэтому нас и волнуют его картины. Ведь мы с вами не раз видели и реку на закате, и снежный лес, и цветы на столе, видели, но не замечали, как часто не замечают привычное. Но вот это изобразил художник — и мы поняли, как красиво, как дорого нам и, главное, как радостно то, что нас окружает. Это открыл нам художник Константин Коровин. Спасибо ему за это!

Ю. Новикова

КОТЯТ ТОПЯТ СЛЕПЫМИ

ИЗ КНИГИ «ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»

Юрий НАГИБИН

Рисунки Е. Расторгуева.

Мы жили тогда в поселке под Шатурой, отец строил там железнодорожную ветку. У нас была черная кошка Акулина, она каждые три месяца приносила по шесть-семь котят. На котят в молодом поселке был большой спрос, мы уступали их с разбором, в хорошие руки; потом стали раздавать кому попало, лишь бы взяли. Наконец желающих не оказалось, поселок был с излишком насыщен потомством Акулины. Тогда-то и прозвучало впервые в нашем доме страшное слово «утопить». Не помню, кто первый произнес это слово, кажется, Симочка.

— А если оставить их?..— неуверенно сказала мама.

Отец взял карандаш. О, неумолимый язык цифр! За год к наличным семи котятам прибавятся еще двадцать восемь. А через год и три месяца — кошки начинают плодиться с года — у Акулины будет тридцать пять детей и сорок девять внуков. Даже я понимал, что восемьдесят пять кошек в доме — это слишком много!..

Выхода не было: придется котят утопить. Но у кого поднимется на такое дело рука? Отец не мог убить и клопа, мать могла убить клопа, Симочка жарила живьем карасей в сметане, приговаривая себе в утешение: «Карась любит, чтоб его жарили в сметане». По сравнению с ними я был кровопийцей. Я обрывал хвосты ящерицам, стрелял из рогатки по воробьям, мог запустить камнем в лягушку, высунувшую из воды зеленую треугольную морду. Но все мои злодеяния были скрадены охотничьим азартом, хладнокровно утопить котят я, конечно, не мог.

Словом, дни проходили, а котята по-прежнему оставались на дне глубокого картонного ящика, устланного ватой и войлоком. Они громоздились там, сосали Акулину, тонко, пронзительно пищали, все более требовательно заявляя о своем гибельном для нас существовании. Выручила нас молочница.

— Экая беда!..— сказала она в ответ на Симочкины жалобы.— Кликните солдата, он за пол-литра не то что котят — сам утопится!..

И как только нам не пришло в голову обратиться к солдату!

Этот солдат был достопримечательностью поселка. Всегда пьяноватый, заросший пегой — соль с перцем — щетиной, растерзанный и неумытый, с Георгием на засаленной куртке, он ютился в хибаре за лесопилкой, в свободное от пьянства время пробавляясь всякой случайной работой. Наколоть дров, собрать шишки для самовара, опростать помойку, выбить пыль из половиков — он брался за все с угрюмой охотой. Но его рвения хватало ненадолго, он быстро уставал и тогда начинал курить, надрывно, смертно кашляя, канючить стопку и безбожно хвастаться былыми подвигами.

«Солдатом» прозвали его в шутку, никто не верил его россказням о боях под Мукденом в японскую войну, его прямой, будто деревянной ноге, негнущейся от застрявшей в колене пули, его тускло-серебряному Георгию на темной, замусоленной ленточке, его умению выкрикивать отрывистым, сиплым голосом слова военной команды. Считали, что и ногу он сломал по пьянке, и Георгия нашел в мусорной куче, и героические небылицы подслушал у других вралей. Его безудержное хвастовство да и весь размундиренный облик слишком уж не вязались с представлением о боевой славе.

Лишь один человек в поселке знал, что солдат говорит правду, и человеком этим был я. Однажды я попался ему под трезвую руку, что случалось редко, и солдат тихо, печально рассказал мне свою жизнь: и о солдатчине, и о том, как ходил в штыковую атаку, и как ему было страшно, и о том, как, вернувшись с войны калекой в маленькую деревушку на Каме, узнал, что жена его умерла в родах, и как затосковал он и махнул рукой на свою жизнь. Странно,

но эта узнанная правда о солдате никак не отразилась на моем отношении к нему. Вместе с другими ребятами я по-прежнему дразнил его, когда он, пьяный, ковылял к своей хибаре, кричал ему всякие глупые и обидные слова, дергал за мотню штанов, отчего он спотыкался и падал. Видимо, мое грустное уважение относилось не к нему, а к похороненному в нем доброму и несчастному русскому солдату. Да и сам он, хоть доверился мне, не делал различия между мной и другими мальчишками, когда, обороняясь, довольно метко швырял в нас камнями и комьями глины...

Тщетно наведывалась Симочка в хибару за лесопилкой. Солдат, постоянно мотавшийся по поселку, когда в нем не было нужды, сейчас куда-то запропастился. А в воскресенье мы вдруг нежданно-негаданно увидели его близ нашей калитки, да еще непривычно прибранного, с надраенным Георгием. Он был не пьян, но под хмельком, и говорил что-то громкое и весело-вызывающее нашим соседям через дорогу.

Симочка проворно сбегала за ним. Волоча свою негнущуюся ногу, солдат прошел через двор и ступил в сени, где стоял ящик с котятами.

— Здравия желаю! — гаркнул он,

При звуке его голоса Акулина выпрыгнула из ящика и потянулась, сперва выгнув горбом, а потом длинно и узко растянув свое черно-лоснящееся тело.

Солдат захотел увидеть десятку, которую ему определили за труды. Мама принесла деньги и положила их на кухонный стол.

— Это по-нашенски — деньги на бочку! — весело сказал солдат, но десятку не взял. Он заглянул в ящик, где извивались червяками разноцветные Акулинины дети.— Всех топить будем?.. На развод не оставите?.. Дело! Давай мешок!..

Симочка подала ему черный мешок из-под угля.

— И стопочку! — деловито добавил солдат.

Симочка посмотрела на маму, достала из шкафа бутылку водки, граненую стопку и кружок колбасы.

— Лишнее! — сказал солдат о колбасе. — Я сытый.

Он взял стопку двумя пальцами, посмотрел на свет и ловко опрокинул под рыжеватые с проседью усы. Утер ладошкой не губы, а усы и умиленно-радостно сказал:

— Эх, до чего ж хорошо это пшеничное винцо! — Он встряхнул мешок и поглядел на нас так радостно, светло и довольно, что мне показалось: топить котят — это нужное и веселое дело, способствующее общему радостному порядку жизни.

— Вам-то, небось, в непривычку,—заметил солдат, кивая на ящик,— а кто кровушки повидал, тому это, милые вы мои, плевое дело! Четвероногая тварь, она тварь и есть. Ино дело — человек!..— Он махнул рукой и нагнулся над ящиком.—Ишь, червяки!..— засмеялся он.— Елозят, елозят, а чего, спрашивается, елозят?.. Слепенькие. Это правильно, котят топят слепыми... А ну, дай-кось еще стопочку! — крикнул он так восторженно и доверчиво, что отказать было нельзя.

Симочка наполнила граненый стаканчик. На этот раз солдат погладил его ладонями, долго разглядывал на свет, ловя гранями блики, и уже не опрокинул в рот, а осушил маленькими глотками.

— Спасибо за угощение!..

Затем он как-то расправился и шагнул к ящику.

Все обмерло во мне. Но солдат опять рассмеялся и показал на Акулину, которая тревожно прохаживалась возле ящика, порой, изгибаясь, терлась о ноги солдата и тихонько, самой глубиной нутра, поурчивала.

— Ишь, дрянь, ведь чует!.. И как это животная может знать, чего над ней человек загадал, если она слов не понимает!..— Он сделал строгое лицо и, ткнув пальцем на Акулину, веско произнес: — Потому — тоже мать!

Было похоже, что солдату не очень-то по душе взятое им на себя поручение, и меня не удивило, когда мать сама наполнила ему стопку.

— Благодарствую! — все так же строго, без улыбки сказал солдат, быстро выпил водку, мотнул головой и отщепил кусочек колбасы.

— Да... А с другой стороны, коли их не топить, что же получится?.. Вся планета кошками заселится, а человек?..

Акулина прыгнула в ящик, легла на бок, и тут все семь червячков сразу нашли ее и присосались к полным молока соскам. Только и слышался слабый чмок маленьких жадных ртов.

— Пусть попьют напоследок из матери,— добрым голосом сказал солдат.— И мы выпьем.— Он сам потянулся за бутылкой и перелил в стаканчик оставшуюся водку.— Живешь только раз, можно и погулять!..— Он

еще что-то говорил о жизни и смерти, но путано, глухо, в себя, и я ничего не понял.

Затем он выпил и, неловко откинув ногу, присел над ящиком.

Насытившиеся котята отвалились от материнского брюшка, и кошка лежала расслабшая, умиротворенная, сонно щуря зеленые глаза с узкими, ножевого надреза зрачками.

Солдат резко и шатко поднялся и опрокинул в рот остаток водки.

— Будет!..— сказал он и трясущейся рукой полез в карман брюк, кисть его ходуном ходила, будто он играл на балалайке.— Достав смятые рубли, он шмякнул их на стол.— Трояка не хватает... Ладно, за мной не пропадет, отработаю... А котят сами топите, душа из вас вон!..— и, покачиваясь, тяжело волоча негнущуюся ногу, пошел со двора.

Юван ШЕСТАЛОВ

КУКУШКА

Кукушка закуковала,
У кукушки голос оттаял.
Голубая весна настала —
Кукушка закуковала.

МЕДВЕДЬ

Это не серебряная колода валяется,
Это в сухом валежнике
Маленький,
Ясноглазый
Медведь
Собирает подснежники...

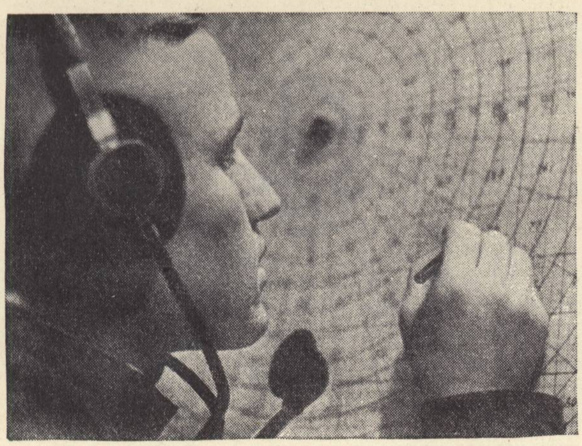
ОЛЕНЬ

Молодой олень,
Молодой олень,
Тебе не лень
Бегать целый день.
По колючим мхам,
По сырой траве,
Носишь ты дерево
На своей голове.
Но придет зима,
Холода придут —
Люди в сани
Тебя запрягут...

ГАГАРА

Словно маленький самолет — гагара!
Бежит по плесу гагара.
Останется след
На светлой волне,
Когда пробежит гагара.

Перевел с мансийского С. Козлов.

БОГАТЫРСКИМ ДОЗОРОМ

А. САЛУЦКИЙ

Фото И. Гричера.

Пронзительно завыла сирена. Тревога! В казарме загрохотали сапоги, захлопали двери. В воздухе закружили антенны мощных радаров. Их огромные всевидящие «глаза» впились в небо, нащупывая в нем врага.

Головной расчет занял место у ракеты.

Где-то на громадной высоте рвется в глубь страны «враг»...

— Готов! Готов! — докладывают номера расчета.

Огромная серебристая «акула», оперенная плавниками-стабилизаторами, замерла на мощной пусковой установке, подняв острый нос к небу. И хотя «враг» продолжает полет, участь его уже решена.

...На пункте управления кипит напряженная работа. Сотни рукояток тумблеров, мигающих лампочек всех цветов окружают начальника станции и его подчиненных. В десятках металлических шкафов, скрывающих электронные и счетно-решающие устройства, беспрерывно щелкают магнитные реле, дробно барабанят контакторы.

Пункт управления — это мозг ракеты. Отсюда радиолокационный луч, невидимый и неосязаемый, устремляется ввысь и шарит по небосводу. А на голубоватом экране, ярко светящемся в полумраке командного пункта, видно абсолютно все, что нащупывает луч.

И вот в верхнем правом углу экрана вспыхнул светлячок, командир подразделения облегченно вздохнул, бросил на стол карандаш. Теперь воздушному пирату не скрыться.

Разом ожила пусковая установка. Заработали выпрямительные устройства, электромоторы. Могучий сигарообразный корпус резко повернулся вправо. Ракета направлена в цель! Внимание! Пуск!

Мощный рев всколыхнул землю. Над пусковой установкой взметнулся громадный столб оранжевого пламени. Клубы пыли и дыма заволокли нижнюю часть ракеты, но все-таки видно было, как она дрогнула и медленно поползла вверх по опоре.

Еще мгновение — и грохот ракетного двигателя, казалось, заполнил весь мир. Серебряная птица молнией рванулась с опоры, круто изменила направление своего полета и огненной точкой устремилась вверх.

«Противник» обнаружен! Его движение точно отмечается на небесной карте (верхний снимок).

Братья-близнецы Иван и Петр Гончаровы служат в одном расчете. Оба они отличники боевой подготовки (снимок слева внизу).

Справа: подготовка ракеты к пуску.

На голубом экране появился еще один светлячок. Одновременно с ракетой он круто начал взбираться вверх, к месту пересечения тонких нитей, где прочно застрял первый светлячок — воздушная цель. Все попытки «нарушителя» ускользнуть от радиолокатора, раствориться в бездонном небе бесполезны.

Началась погоня в воздухе. А на земле, на территории станции, замерли воины-ракетчики, до боли в глазах всматриваясь в поднебесье. Они уверены в силе своего грозного оружия. И все же... нельзя не волноваться. Однако ни «самолет-нарушитель», ни ракету невооруженным глазом разглядеть невозможно, и только на экране видно, как по кратчайшей прямой мчится управляемая радиолокационным лучом ракета.

Второй светлячок все ближе к цели. Ракета нагоняет «врага». Вот он увидел ее, отчаянно заметался, производит один за другим обманные маневры. Все напрасно: из сплетения тонких нитей ему не вырваться.

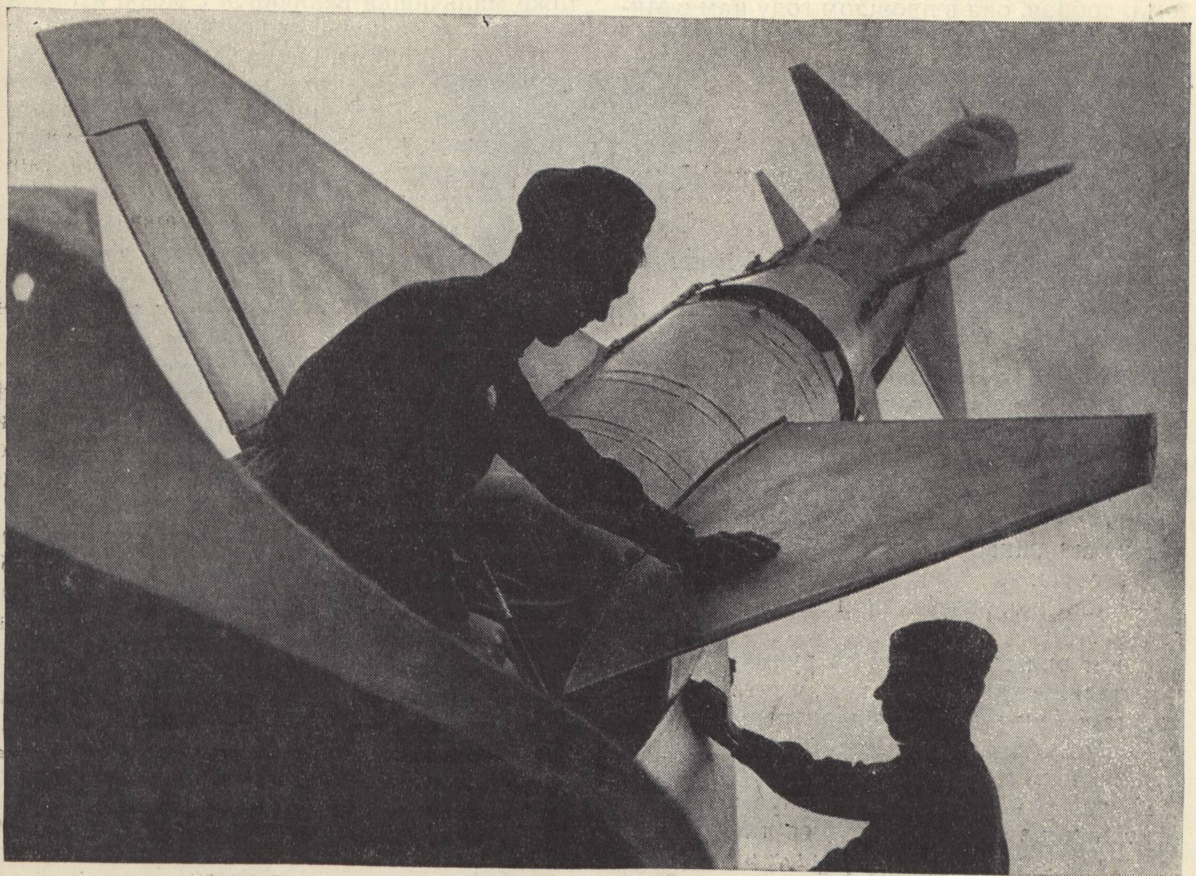
И вот светлячки слились! На экране появился лучистый всплеск, от него медленно поплыли вниз несколько мелких светлых точек, и голубой экран успокоился. В голубом небе нашей Родины снова наступила тишина.

«Ура-а!» — грянуло в пункте управления. А когда через несколько секунд откуда-то с неба долетел до земли громоподобный взрыв ракеты, «ура» загремело по всей территории станции. Ракетчики обнимались, целовались.

...Поразить воздушную цель с первого пуска — за это подразделению ставится оценка «отлично». И только командир подразделения офицер Я. М. Корсунский вышел из пункта управления, мы поспешили его поздравить.

В это время к пусковой установке по конвейеру подплыла серебристая «акула». Установка вновь в боевой готовности!

— Вот вы и увидели учебную тревогу, — говорит Корсунский. — От начала до конца, до поражения учебной цели. Эта тревога абсолютно ничем не отличается от боевой. Учтите, что 1 мая 1960 года, когда над нашей землей появился самолет американского шпиона Пауэрса, все обстояло так же, как сегодня. Пауэрс был сбит точно такой же ракетой.

В. ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

Полет с помидорами

Я теперь часто бываю в цирке. У меня там завелись знакомые и даже друзья. И меня пускают бесплатно, когда мне только вздумается. Потому что я сам теперь стал как будто цирковой артист. Из-за одного мальчишки. Это все не так давно случилось. Я шел домой из магазина — мы теперь на новой квартире живем, недалеко от цирка, там же и магазин большой, на углу. И вот я иду из магазина и несу бумажную сумочку, а в ней лежат помидоров полтора кило и триста граммов сметаны в картонном стаканчике. И вдруг навстречу идет тетя Дуся, из старого дома, добрая, она в прошлом году нам с Мишкой билет в клуб подарила. Я очень обрадовался, и она тоже.

Она говорит:

— Это ты откуда?

Я говорю:

— Из магазина. Помидоров купил! Здрасте, тетя Дуся!

И она руками всплеснула.

— Сам ходишь в магазин? Уже? Время-то как летит!

Удивляется. Человеку девятый год, а она удивляется!

Я сказал:

— Ну, до свиданья, тетя Дуся!

И пошел. А она вдогонку кричит:

— Стой! Куда пошел? Я тебя сейчас в цирк пропущу. На дневное представление. Хочешь?

Еще спрашивает! Чудная какая-то!

Я говорю:

— Конечно, хочу! Какой может быть разговор!..

И вот она взяла меня за руку, и мы взошли по широким ступенькам, и тетя Дуся подошла к контролеру и говорит:

— Вот, Мария Николаевна, привела вам мужичка, пусть посмотрит, ничего?

И та улыбнулась и пропустила меня внутрь, и я вошел, а тетя Дуся и Мария Николаевна пошли сзади. И я шел в полутьме, и опять мне очень понравился цирковой запах, он особенный какой-то, и как только я его почуял, мне сразу стало и жутко отчего-то и весело ниотчего. Где-то играла музыка, и я спешил туда, на ее звуки, и сразу, сразу вспомнил девочку на шаре, которую видел здесь так недавно, девочку с серебряным плащом и длинными руками... Она уехала далеко, и я не знаю, увижу ли я ее когда-нибудь. И странно стало у меня на душе, не знаю, как объяснить... И тут мы наконец дошли до бокового входа, и меня протолкнули вперед, и тетя Дуся шепнула:

— Садись! Вон в первом ряду свободное местечко, садись...

И я быстро уселся. Со мной рядом сидел тоже мальчишка величиной с меня, в таком же, как и я, школьном костюме, нос курносый, глаза блестят. Он на меня посмотрел довольно сердито, что я вот опоздал и теперь мешаю и все такое, но я не стал обращать на него никакого внимания. Я сразу же вцепился всеми глазами в артиста, который в это время выступал. Он стоял в огромной чалме посреди арены, и в руках у него была игла величиной с полметра. Вместо нитки в нее была вдета узкая и длинная шелковая лента. А рядом с этим артистом стояли две девушки и никого не трогали. И вдруг он ни с того ни с сего подошел к одной из них — и раз! Своей длинной иглой прошил ей живот насквозь — иголка выскочила у нее из спины! Я думал, она сейчас завизжит, как зарезанная, но нет, она стоит себе спокойно и улыбается! Прямо глазам своим не веришь! Тут артист совсем разошелся: чик, и вторую насквозь! И эта тоже не орет, а только хлопает глазами. И так они обе стоят, насквозь прошитые, между ними нитки, и они улыбаются себе как ни в чем не бывало. Ну, милые мои, вот это да!

Я говорю:

— Что же они не орут? Неужели терпят?

А мальчишка, что рядом сидит, отвечает:

— А чего им орать? Им не больно!

Я говорю:

— Тебе бы так! Воображаю, как ты завопил бы!..

А он засмеялся, как будто он старше меня намного, потом говорит:

— А я сперва подумал, что ты цирковой. Тебя ведь тетя Маша посадила... А ты, оказывается, не цирковой... не наш...

Я говорю:

— Это все равно, какой я — цирковой или не цирковой. Я государственный, понял? А что такое цирковой? Не такой, что ли?

Он сказал, улыбаясь:

— Да нет, цирковые, они особенные...

Я рассердился:

— У них что, три ноги, что ли?

А он:

— Три не три, но все-таки они и половчее других— куда вам!— и посильнее, и посмекалистее.

Я совсем разозлился и сказал:

— Давай не задавайся! Тут не хуже тебя! Ты, что ли, цирковой?

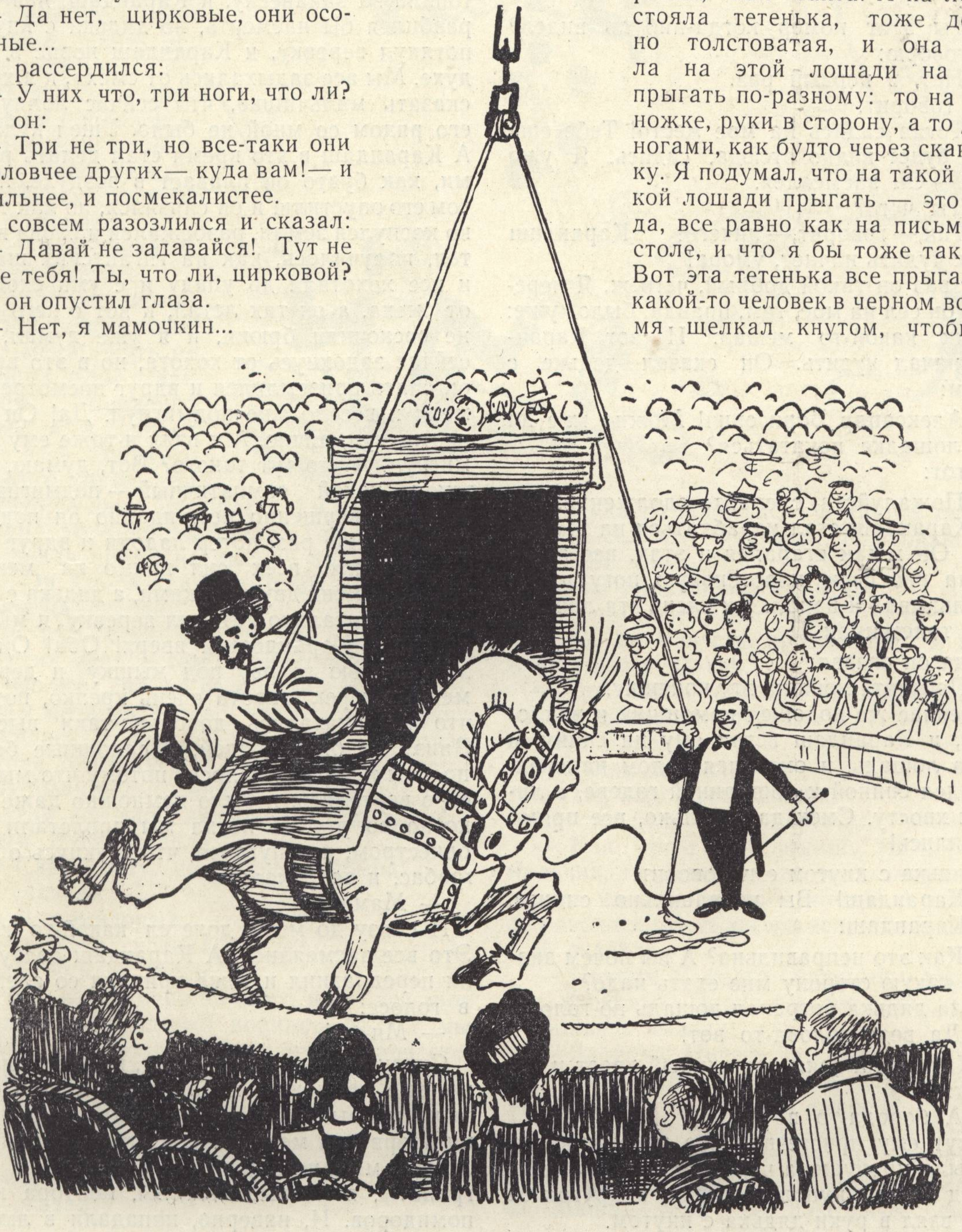
А он опустил глаза.

— Нет, я мамочкин...

И улыбнулся самым краешком рта, хитро-прехитро. Но я этого не понял, это я теперь понимаю, что он хитрил, а тогда я громко над ним рассмеялся, и он глянул на меня быстрым своим глазом.

— Смотри представление-то! Наездница! Смотри!..

И правда, музыка заиграла быстро и громко, и на арену выскочила белая лошадь, такая толстая и широкая, как тахта. А на лошади стояла тетенька, тоже довольно толстоватая, и она начала на этой лошади на ходу прыгать по-разному: то на одной ножке, руки в сторону, а то двумя ногами, как будто через скакалочку. Я подумал, что на такой широкой лошади прыгать — это ерунда, все равно как на письменном столе, и что я бы тоже так смог. Вот эта тетенька все прыгала, и какой-то человек в черном все время щелкал кнутом, чтобы ло-

шадь немножко попроворней двигалась, а то она трюхала, как сонная муха. И он кричал на нее и все время щелкал, но она просто ноль внимания. Тоска какая-то... Но тетенька наконец напрыгалась досыта и убежала за занавеску, а лошадь стала ходить по кругу.

И тут вышел Карандаш. Мальчишка, что сидел рядом, опять быстро глянул на меня, потом отвел глаза и равнодушно так говорит:

— Ты этот номер когда-нибудь видел?

Я говорю:

— Нет, в первый раз.

Он говорит:

— Тогда садись на мое место! Тебе еще лучше будет видно отсюда, садись. Я уже видел.— Он засмеялся.

— Ты чего?

— Так,— говорит,— ничего! Карандаш сейчас чудить начнет, умора!

Ну, раз он такой добрый, чего ж. Я пересел. А он сел на мое, там, правда, было хуже: столбик какой-то мешал. И вот Карандаш начал чудить. Он сказал дядьке с кнутом:

— Александр Борисович! Можно мне на этой лошадке покататься?

А тот:

— Пожалуйста, сделайте одолжение!

И Карандаш стал карабкаться на эту лошадь. Он и так старался и этак, все задирал на нее свою коротенькую ногу и все соскальзывал и падал: уж очень эта лошадь была толстенная.

Тогда он сказал:

— Посадите меня на эту коняшку.

И сейчас же подошел помощник и наклонился, и Карандаш встал ему на спину, и сел на лошадь, и оказался задом наперед. Он сидел спиной к лошадиной голове, а лицом к хвосту. Смех да и только, все прямо покатились!

А дядька с кнутом ему говорит:

— Карандаш! Вы неправильно сидите.

А Карандаш:

— Как это неправильно? А вы почем знаете, в какую сторону мне ехать надо?

Тогда дядька потрепал лошадь по голове:

— Да ведь голова-то вот!

А Карандаш взял лошадиный хвост и отвечает:

— А борода-то вот!

И тут ему пристегнули за пояс веревку, она была пропущена через какое-то колесико под самым куполом цирка, а другой ее конец взял в руки дядька с кнутом.

Он закричал:

— Маэстро, галоп! Алле!

Оркестр грянул, и лошадь поскакала. А Карандаш на ней затрясся, как курица на заборе, и стал сползать то в одну, то в другую сторону, и вдруг лошадь стала из-под него выезжать, и он завопил на весь цирк:

— Ай, батюшки, лошадь кончается!

И она, верно, из-под него выехала и протопала за занавеску, и Карандаш, наверно, разбился бы насмерть, но дядька с кнутом потянул веревку, и Карандаш повис в воздухе. Мы все задыхались от смеха, и я хотел сказать мальчишке, что сейчас лопну, но его рядом со мной не было. Ушел куда-то. А Карандаш в это время стал делать руками, как будто он плавает в воздухе, а потом его опустили, и он снизился, но как только коснулся земли, разбежался и снова взлетел, получилось, как на гигантских шагах, и все хохотали до упаду и с ума сходили от смеха, а он так летал, и вот с него чуть не соскочили брюки, и я уже думал, что сейчас задохнусь от хохота, но в это время он опять приземлился и вдруг посмотрел на меня и весело мне подмигнул. Да! Он мне подмигнул, лично. А я взял и тоже ему подмигнул. А что тут такого? Вот, думаю, чертенок, какой симпатичный — подмигивает! И тут совершенно неожиданно он подмигнул мне еще раз, потер ладони и вдруг разбежался изо всех сил прямо на меня и обхватил меня двумя руками, а дядька с кнутом моментально натянул веревку, и мы полетели с Карандашом вверх! Оба! Он захватил мою голову под мышку и держал меня поперек живота очень крепко, потому что мы оказались довольно-таки высоко! Внизу не было людей, а сплошные белые полосы и черные полосы, потому что мы быстро вертелись, и было немножко даже щекотно во рту. И когда мы пролетали над оркестром, я испугался, что стукнусь о контрабас, и закричал:

— Мама!

И снизу до меня долетел какой-то гром. Это все засмеялись. А Карандаш сразу меня передразнил и тоже крикнул со слезами в голосе:

— Мя-мя!

Снизу послышался грохот, и мы так плавно еще немножко полетали, и я уже стал было привыкать, но тут неожиданно у меня прорвался мой пакет, и оттуда стали вылетать мои помидоры, они вылетали, как гранаты, в разные стороны, полтора кило помидоров. И, наверно, попадали в людей,

потому что снизу несся такой шум, что передать нельзя. А я все время думал, что теперь не хватало только, чтобы вылетела еще и сметана — триста граммов. Вот тогда-то мне влетит от мамы, будь здоров! А Карандаш вдруг завертелся волчком, и я вместе с ним, и вот этого как раз не нужно было делать, потому что я опять испугался и стал брыкаться и царапаться, и Карандаш тихонько, но строго сказал:

— Толька, ты что?

А я заорал:

— Я не Толька! Я Денис! Пустите!..

И стал вырываться. Но он еще крепче сжал меня, чуть не задушил, и мы стали совсем медленно плыть, и я увидел уже весь цирк и дядьку с кнутом, он смотрел на нас и улыбался. И в этот момент сметана все-таки вылетела. Так я и знал. Она упала прямо на лысину дядьке с кнутом. Он что-то крикнул, и мы немедленно пошли на посадку...

Как только мы опустились и Карандаш выпустил меня, я сам не знаю почему побежал изо всех сил, но не туда,— я не знал куда, и я метался, потому что голова немного кружилась, и, наконец, я увидел в боковом проходе тетю Дусю и Марию Николаевну. У них были белые лица, и я побежал к ним, а кругом все хлопали, как сумасшедшие.

Тетя Дуся сказала:

— Слава богу, цел. Пошли домой!

Я сказал:

— А помидоры?

Тетя Дуся сказала:

— Я куплю. Идем.

И она взяла меня за руку, и мы все трое вышли в полутемный коридор. И тут мы увидели, что возле настенного фонаря стоит мальчик. Это был тот самый мальчик, что сидел рядом со мной. Мария Николаевна сказала:

— Толька, где ты был?

Мальчик не отвечал.

Я сказал:

— Куда ты подевался? Я как на твое место пересел, что тут было!.. Карандаш меня под небо уволок!

Мария Николаевна сказала:

— А ты почему сел на его место?

— Да он мне сам предложил. Я и сел. А он ушел куда-то!..

— Все ясно,— сказала Мария Николаевна,— я доложу в дирекцию. Тебя, Толька, снимут с роли.

Мальчик сказал:

— Не надо, тетя Маша.

Но она закричала шепотом:

— Как тебе не стыдно! Ты цирковой мальчик, ты репетировал, и ты посмел подсадить на свое место чужого?! А если бы он разбился? Ведь он же неподготовленный!

Я сказал:

— Ничего! Я подготовленный... Не хуже вас, цирковых! Плохо я разве летал?

Мальчик сказал:

— Здорово! Ничего не скажешь. И хорошо с помидорами придумал, как это я-то не догадался. А ведь очень смешно!

— А артист этот ваш,— сказала тетя Дуся,— тоже хорош! Хватает кого ни попади!

— Михаил Николаевич,— вступилась тетя Маша,— был уже разгорячен, он уже

вертелся в воздухе, он тоже не железный, и он твердо знал, что на этом месте, как всегда, должен был сидеть специальный мальчик, цирковой. Это закон. А этот малый и этот — они же одинаковые, и костюм одинаковый, он не разглядел...

— Надо глядеть! — сказала тетя Дуся.— Уволок мальчонку, как ястреб мыша.

А Толька сказал:

— Слушай, приходи в то воскресенье в два часа. В гости приходи. Я буду ждать.

— Ладно,— сказал я,— ладно... Приду.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ СОВЕТСКИЕ МАРКИ

«Знаешь ли ты советские марки!» — такой конкурс объявила редакция «Пионера» в июльском номере журнала.

Ответы прислали 289 участников конкурса (отдельные ребята, группы ребят и кружки филателистов).

Победителями, отлично ответившими на все вопросы, оказались: Миша Волков (Перемышль), Миша Шапиро (Москва), Вова Иванов (Электрогорск), Лева Цитогцян (Ереван) и Светлана Иванова.

Им всем присуждены **первые премии.**

Вторые премии получили следующие участники конкурса: Георгий Подуруев (Воронеж), Игорь Попов (Москва), Комиссаржевский (Москва), В. Морозов (Алма-Ата) и группа ребят из Балтийска: Новиков, Терешин и Горячев.

Поощрительная премия (набор советских марок) присуждена кружку юных филателистов города Долны Кубин (Чехословакия).

Кроме того, жюри отмечает ребят, которые прислали **хорошие ответы** на большинство вопросов. Вот они: Саша Львовский (Ленинград), Павлик Шадрин (Челябинск), В. Молчанов (г. Горький), В. Кобозев (г. Сороки), Сережа Зыцов (Севастополь), братья Кляцкины (Рига), Олег Лазуркин (Лиепая), А. Егоров (Бодайбо).

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОНКУРСА

А. Кем и когда выпущены марки.

№ 11 — Выпущена в Армянской ССР. Год выпуска 1923.

№ 12 — Выпущена Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Год выпуска 1923.

№ 13 — Выпущена Латвийской Советской Социалистической Республикой. 1941 год.

№ 14— Марка выпущена в буржуазной Литве. Но на ней надпечатка, сделанная уже после присоединения Литвы к Союзу Советских Социалистических Республик в 1940 году.

Б. Чему посвящены остальные марки, что на них изображено и время их выпуска.

№ 1 — Посвящена борьбе за мир и разоружение. Изображена скульптура Е. Вучетича «Перекуем мечи на орала». 1960 год.

№ 2 — Посвящена первому беспосадочному перелету Москва — США через Северный полюс в 1937 году. На марке — схема перелета и портреты его участников: Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова и Белякова. Выпущена в 1938 году.

№ 3 — Посвящена третьему международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. На марке — древнеиранское блюдо с изображением охоты на львов. 1935 год.

№ 4 — Посвящена столетию со дня рождения великого русского ученого Д. И. Менделеева. На марке — памятник Менделееву в Ленинграде. 1934 год.

№ 5 — Марка из серии, посвященной героям гражданской войны. На марке — портрет Николая Щорса. Выпущена в 1944 году.

№ 6 — Посвящена международной филателистической выставке 1957 года в Москве. На марке — здание Библиотеки имени Ленина, в котором происходила выставка. 1957 год.

№ 7 — Одна из первых советских марок. Посвящена освобождению русского народа от ига капитализма. На марке—аллегорическое изображение: освобожденный пролетарий попирает поверженного дракона. Выпущена в 1921 году.

№ 8— Посвящена национальной достопримечательности Азербайджана — древнему храму огнепоклонников. Кроме того, на марке изображены нефтяные вышки. Выпущена в 1920 году.

№ 9 — Одна из марок серии «Города-герои». Посвящена Севастополю. На марке изображены памятник Ленину в Севастополе и медаль «За оборону Севастополя». Выпущена в 1944 году.

№ 10 — Посвящена 130-летию открытия Антарктиды русской экспедицией на шлюпах «Восток» и «Мирный». На марке — земной шар с маршрутом экспедиции и портреты русских мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева. Выпущена в 1950 году.

По поручению жюри конкурса
К. Садиленко

Э. МОШКОВСКАЯ

Дед-Мороз не на ёлке

Новогоднее представление

(По теме И. Дуэля)

Рисунки В. Константинова.

На сцену выходит Дед-Мороз. Это мальчик. В одной руке у него длинная седая борода, в другой — палка с набалдашником. За плечами рюкзак.

ДЕД-МОРОЗ **(торжественным голосом, потрясая бородой).**

Дед-Мороз я настоящий,
Из глухой дремучей чащи,
Где стоят в сугробах ели,
Где бураны,
где метели,
Где леса дремучие
Да снега сыпучие...

Не верите? Вот моя борода **(проводит рукой по лицу).** Ох, простите! Я, кажется, забыл надеть бороду. Это я от старости все забываю. **(Быстро надевает.)** Ну вот, теперь совсем другое дело! Как же, как же, любой уважающий себя Дед-Мороз носит бороду!

Вы думаете, я пришел дарить подарки? Ну нет, подождите! Каждый год я дарю детям подарки, уже сто пятьдесят лет дарю. Вожу хороводы, показываю Снегурочек, пляшу и веселюсь... Хватит, надоело! И потом у меня сегодня плохое настроение. Отвратительное. Зачем только я приехал за целую неделю до Нового года? Но ничего, зато я вам расскажу, что видит Дед-Мороз, когда он не на елке. **(В сторону, громко.)** Эй, кто там заведует светом? Выключить! **(Свет гаснет.)**

Это было со мною вчера...
Я по школе ходил до утра.
Я по классам пустынным ходил,
Я сонные парты будил.
И
рассказали
они
Про горькие,
горькие дни...

Говорили мне
парты увечные:

Освещается угол сцены. Там уже стоит искалеченная парта.

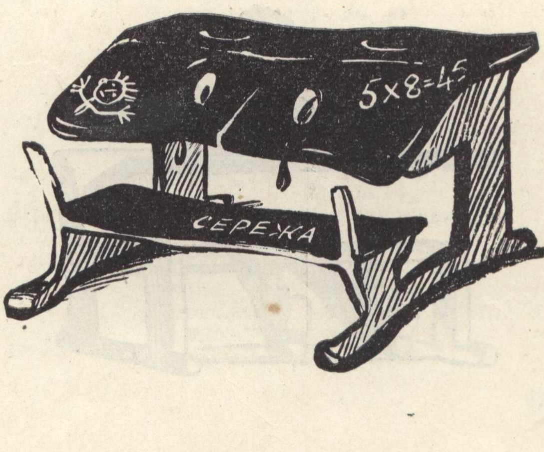
ПАРТА **(глухим голосом, хорошо бы через микрофон).**

Школьники есть
бессердечные!
Безжалостные люди,
Бессовестные люди,
Верхом на парте едут,
Как будто
на верблюде!

(Плачущим голосом.)

О моя спина,
Новая спина!
Где теперь она,
Где теперь она?!

Ногами по мне
ходили и
Вырезали на мне
фамилии.

Видны
на мне
имена
И какая-то рожа
видна.

Парта исчезает. Дед-Мороз один.

ДЕД-МОРОЗ.

Так мне она говорила,
Проливая чернила...

Всхлипывал стул без ноги,
Просил меня стул:
— Помоги!
И решил я в ту страшную ночь
Помочь!

Полный свет.

Всех ломающих,
Разбивающих,
Разрезающих,
Разрушающих —

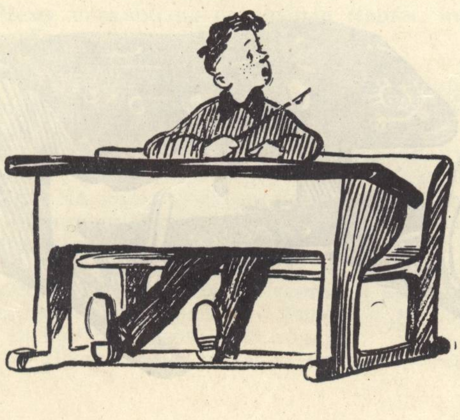
Всяких
Таких,
Всяких
Таких

Чинить
заставлю
самих!
Тот, кто парту
сам чинил,
Кто скамейку
сам чинил,
Тот,

Тот ее убережет
От ножей
И от чернил —
Вот!

А днем? Вы думаете, я днем не побывал в школе? Просто вы меня не видели... Понимаете, я недавно купил себе очень красивую шапку-невидимку. Жаль, что не могу вам ее показать. **(Доверительно.)** Я и сам-то не очень хорошо ее вижу... Захотелось мне проверить, действует эта шапка или не действует, и я пошел в школу. Взял и пошел. Днем. И никто меня не видел! Это было здорово. Я пошел прямо в пятый «Б». Гляжу:

В классе
идет
урок.

В классе
сидит
педагог.
В классе
сидит
педагог —
Вася
глядит
в потолок...

А на этом потолке
Ходит муха налегке,
Отчаянная муха
По потолку гуляет,
И как она не падает,
Васю удивляет.

Чудеса!
Загадка!
Муха-
Акробатка!

Вся учеба — мимо уха.
Но зато
какая муха!
...Задача у Васи
Никак не выходит,
А муха над Васей
Все ходит и ходит.

На сцене появляется Дверь. Это большой картонный щит, разрисованный под дверь. За ним исполнитель роли. У Двери отверстия для глаз, рта и рук. Исполнитель стучит рукой в Дверь, как обычно стучатся, когда хотят войти.

ДВЕРЬ. Можно?
ДЕД-МОРОЗ. Войдите!

Дверь подходит.

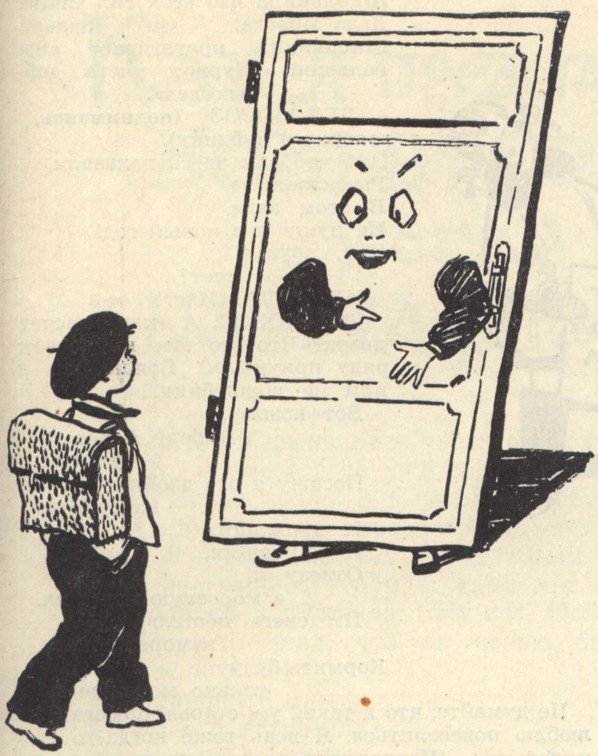
ДЕД-МОРОЗ. А, здравствуй! Ты откуда?
ДВЕРЬ **(скрипучим голосом).** Из пятого «Б».
ДЕД-МОРОЗ. Сама с петель сошла?
ДВЕРЬ. Сорвали! Я ведь давно уже на одной петле висела. И за что только не любят меня в классе?

Кто в меня
Войдет —
Кулаком
Толкнет,
Кулаком
Толкнет —
Каблуком
Пихнет!

А тут еще этот Боря... Вечно врывается, когда все уже угомонились!

Ох, Боря, Боря!
Пока до школы он идет,
Он думает о том,
Сколько весит
бегемот
И что бы было,
если б вот
Подрался он с китом?..
А если б это был питон?
А сколько в нем, в питоне,
тонн?

Сколько тонн
Весит слон?
Сколько на небе
Ворон?

В это время из противоположного угла сцены выходит Боря. Пока Дверь говорит, он идет по сцене.

ДВЕРЬ (показывая на Борю).

Вышел Боря
Раньше срока,
А пришел
К концу урока.
Плохо Боре,
Боре горе!
Говорят о нем
На сборе.
Что о Боре говорят?
Что подводит он отряд,
С Борей наказание,
Горе и терзание!

БОРЯ (подойдя к Двери, хлопает себя по лбу).

Я придумал!
Ни к чему
выходить заранее!
Я не буду дома спать,
Буду в школе ночевать!
На
ученической
парте!
На гео-
графической
карте!
И приснится мне
океан,
Приплывет ко мне
Кит-великан,
И придет ко мне Слон
И огромный Питон,
И скажет он,
сколько в нем
тонн!..

Весело подпрыгнув, толкает Дверь ногой, убегает. Дверь, охая, уходит.

ДЕД-МОРОЗ.

Удивительная,
Увлекательная
Работа моя
Наблюдательная!
Может, сто пятнадцать раз
Проходил я мимо вас,—
Проходил я,
Приходил я
В изумление
От такого, например,
Поведения...

Хлопает в ладоши — четыре пионера (три мальчика и одна девочка) вносят на сцену пустой аквариум, пустую клетку, стенд с коллекцией бабочек или что-нибудь другое из обстановки живого уголка.

ПЕРВЫЙ ПИОНЕР.

В наш живой уголок
Каждый
зверя приволок.
Началися споры,
Ссоры,
Раздоры —
Кому
Кормить,
Кому
Поить,
Кому
Лечить —
Никак не решить!

Кричит Егорка:

ВТОРОЙ ПИОНЕР.

Чья уборка?

ТРЕТИЙ ПИОНЕР.

Коля, очередь твоя!

ВТОРОЙ ПИОНЕР.

Вот еще!
Не буду я!
Приносила клетку Светка,
Пусть сама и чистит
клетку!

ПИОНЕРКА.

Ничего не знаю,
Чистить не желаю,
Я вам клетку принесла,
Вот и все дела!

ПЕРВЫЙ ПИОНЕР.

Закричали все на эту
Несознательную Свету,
Высказали мнение,
Вынесли решение,
Исписали
Сто бумаг.
В результате
Вышло так:

ВСЕ ЧЕТВЕРО (вместе, разводя руками).

Кролики
Сбежали,
Ежики
Пропали,
А пока все охали,
Остальные сдохли.

ТРЕТИЙ ПИОНЕР.

Воробей
Поскорей
Улетел.
Воробей
Подыхать
Не хотел.

Уходят. Когда на сцене опять остается один Дед-Мороз, появляется Школьница. Она ставит указатель «Переход».

ШКОЛЬНИЦА.

Дедушка, а дедушка,
Дай переведу!

ДЕД-МОРОЗ.

Что ты, что ты, деточка,
Сам я перейду!
Не такой уже я немощный,
Не такой уж я беспомощный.

ШКОЛЬНИЦА.

Дедушка, а дедушка,
Меня не подводи!
Посочувствуй, дедушка,
Со мною перейди!
Чтоб за добрые дела,
За хорошие дела
Мне в тетрадочке
Отметочка была.

Школьница изо всех сил тащит Деда-Мороза. Он падает. Школьница протягивает ему большой «Журнал учета добрых дел».

ДЕД-МОРОЗ **(поднимаясь, говорит в публику).**

Все, что вам здесь показали,
Рассказали
В этом зале,
Не пущу я в новый год!
Как, друзья,
идет?

ИЗ ЗАЛА. Идет!

ДЕД-МОРОЗ. А как насчет двоек? Что это там в третьем ряду приуныли? Волшебник я или не волшебник?!

Вот возьму,
соберу я все
двойки,
Посажу я все двойки
на тройки.
И дрожащих
И кричащих,
Отвезу я
в морозную чащу их.
Им снега постелю,
замороженным.
Кормить буду
только мороженым!

Не думайте, что я такой уж старый брюзга и не люблю повеселиться. Я ведь тоже когда-то был молодым! **(Поправляет сползающую бороду.)** В школе учился! У нас на Северном полюсе весело было! А Новый год как мы справляли, эх!.. Ладно уж, не буду я больше на вас сердиться... А ну, где мои сани с подарками?

Выезжают сани с шуточными подарками (Боре — будильник и т. д.). Одновременно на сцену выходят все участники представления.

ДЕД-МОРОЗ **(обращаясь к ним).**

Что у нас сегодня?

ВСЕ **(хором).**

Праздник новогодний!

Поют.

Новый год,
Новый год,
Закружись, наш хоровод,
Кто учился,
Не ленился,
Громче всех пускай поет!

Дед-Мороз танцует вместе со всеми.

Конец

Дорогие ребята!

Мы надеемся, что вы легко сможете сыграть эту смешную пьеску у себя на новогоднем вечере.

Если участников не хватит, то можно обойтись пятью-шестью ребятами. И один из них будет следить за выходами, гасить и зажигать вовремя свет.

Дверь и парту легко сделать из картона или фанеры — что окажется под рукой. На одной стороне щита нарисуйте дверь, на другой — сломанную парту. Высота щита должна быть такой, чтобы за ним можно было прятаться. Отверстия для глаз и рта заклейте марлей.

Седую бороду сделайте так: нарежьте ножницами в длину лист бумаги — но не до конца — на тонкие полосы, оставшийся край заделайте тесемкой, а к ней пришейте резинку, чтобы борода легко надевалась.

Хорошо, чтобы подарки Деда-Мороза были каждому особые. Если вы это смешно придумаете, спектакль будет еще веселее.

Желаем всем успеха! С Новым годом!

Как я представлял себе Новый год, когда я был маленьким

В. ГОЛЯВКИН

Рисунки Е. Медведева.

Новый год в двенадцать часов приходил, а я в это время всегда уже спал. Прошло столько Новых годов! А я ни одного не видел. И мама и тетя Вера встречали его, а я спал. Я всегда засыпал перед Новым годом. А просыпался утром, и мама мне дарила подарки и говорила: «Ну вот, Новый год!» Но я-то знал, что он ночью был. А сейчас его нету.

Я спрашивал маму:

— Ты его встретила?

Мама мне говорила:

— Встретила.

— И ты его видела?

Мама смеялась.

— Конечно, видела!

— И папа видел и тетя Вера?

Так мне обидно было!

Я представлял себе Новый год в большой шапке-ушанке и в валенках. Как на новогодней открытке. В двенадцать часов он стучится в дверь. И его все встречают. Все обнимаются с ним, хлопают по плечу Новый год и говорят: «Наконец-то приехал!» А он улыбается и говорит: «Ох, и холод на улице!» Он вытаскивает из мешка подарки, все дарит, кому что надо и говорит: «Я спешу. Меня ждут в других квартирах». Все провожают его до угла, потом возвращаются и идут спать. Вот так представлял я себе Новый год.

Как старался я не заснуть в Новый год! И каждый раз засыпал где попало. А просыпался всегда в кровати. И рядом были подарки.

Мой брат раньше меня встретил Новый год. Несмотря на то, что он моложе меня. Он вот что сделал. Чтоб не заснуть, он спрятался под столом. Сначала он там, конечно, заснул, а когда все сели за стол, стало шумно. И он моментально проснулся. И вы знаете, что он сказал мне? Он мне сказал:

— Его не было.

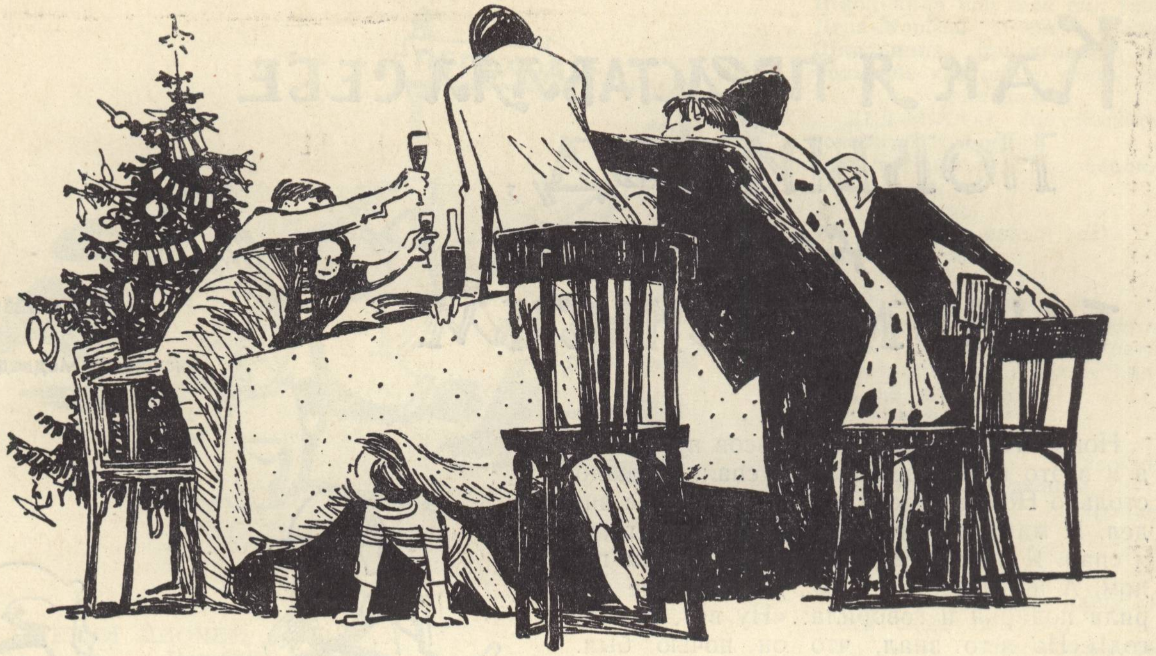
— Как так не было?! — сказал я.

— Очень просто.

— А ты там не спал под столом? — спросил я.

— Вот еще, — говорит Вовка. — Бой часов был, это верно. А Нового года не было. Как только все стали кричать: «С Новым годом!», я вылез.

— Кого же тогда вы встречали?

— Новый год,— говорит Вовка.

— Как же так вы его встречали? Разве так в жизни бывает? Если ты, например, меня встречаешь, то ты видишь, что ты меня встречаешь. А то как же ты меня встречаешь, если ты меня не встречаешь?

— Сам увидишь,— говорит Вовка.— На будущий год увидишь. Никакого там Нового года не будет. Бой часов будет. А Нового года не будет.

— Наверно, ты спал под столом,— говорю,— и сквозь сон слышал бой часов. А Нового года не видел.

— Я не спал,— говорит Вовка.

— Значит, спал,— говорю,— раз не видел.

— Ты сам спал,— говорит Вовка.

— Я-то спал,— говорю,— но ты тоже спал. Только я спал в кровати, а ты спал под столом. Лучше бы ты уж спал в кровати.

— Я не спал,— говорит Вовка.

— Почему же тогда ты его не видел?

— Его не было,— говорит Вовка.

— Ты просто спал,— говорю,— вот и все!

На этом наш спор закончился. Он обиделся и ушел.

И хотя он на меня обиделся, все равно я думал, что он там спал и не видел Нового года с подарками.

Вот так представлял я себе Новый год, когда был совсем еще маленький.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТИ ДИАФИЛЬМЫ?

Дорогие ребята, на последней странице обложки вы увидите восемь кадров из разных диафильмов. Знаете ли вы эти диафильмы? Ну-ка, проверим. Напишите нам их названия. За каждый правильный ответ мы будем насчитывать два очка.

Для тех, кто победит в этом конкурсе, установлены премии:

I премия — комплект из 20 цветных диафильмов.

II премия — комплект из 15 цветных диафильмов.

III премия — комплект из 10 цветных диафильмов.

Ответы присылайте в редакцию до 1 февраля 1962 года.

«А про меня ты подумал?»

САМЫЙ ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ

Некоторые ребята считают, что очень удобно жить, когда кто-то все решает за тебя. Например, мама. Говорит: «Учись». Учишься. Потом говорит: «Поступай в техникум». Забираешь документы и начинаешь готовиться к экзаменам. Случилась какая-то беда, поссорился с учительницей, не знаешь, как и выпутаться,— мама идет к директору и все улаживает.

Все затруднения, большие и маленькие, мама снимает легко и просто. Хорошо за маминой спиной!

Но, к сожалению, не всегда даже мама выручит. Бывает в жизни такое, что и спросил бы совета, да знаешь: бесполезно.

Некоторые ребята пишут к нам в журнал, в «Школу дружбы», описывают всякие случаи. Один пионер послал однокласснице записку с честным предложением дружить, а одноклассница возьми да передай записку директору школы... «Как мне теперь быть?» — недоумевает этот пионер. Пишет девочка: «Я дружила-дружила с Сережей, и вдруг он говорит мне: «Я с тобой ходить больше не буду, потому что у тебя брови не полумесяцем». «Как мне теперь быть?» — спрашивает эта девочка.

В том-то и дело, ребята, что это как раз такие случаи, когда все надо решать самим, когда помогают не чужие люди, а твоя совесть, прямота и честь.

И вот о чем мне хотелось бы сегодня рассказать. Это не выдуманная история. Я услышал ее в школе-интернате в маленьком поселке на Украине.

ТАЙНЫЙ УГОВОР

Сначала речь пойдет о прозаической картошке, потому что именно с нее все началось. Послали ребят на кухню чистить картошку. Небольшое, конечно, удовольствие начистить такой здоровый бак. Кажется, он прямо бездонный. Целый вечер тут просидишь. Другие ребята болтают, перекидываются шутками, и время летит быстрее. А Юра привык работать молча. Отчим приучил. Отчим всегда молчит, и Юра молчит. Да к тому же Юра не очень хорошо чувствует себя с ребятами. Юра почти на два года старше их. Ему бы уже в восьмом учиться, но вот так вышло: сидит в шестом. Год не учился, год на лесопилке работал — хотел матери помочь, когда отчим уходил из дома. Потом отчим вернулся, и Юра сам устроил себя в интернат. А когда перед началом учебного года в интернате объявили родительское собрание, он сам и пошел на него. Сидел, молчал, слушал. Не прогнали: думали, чей-то брат.

Хорошо было в интернате, но очень тоскливо. Все чужие, все съехались с разных сторон: интернат новый, открылся месяц назад. Товарищей нет. Разве эти малыши могут быть товарищами? Чудные какие-то, готовы драться из-за пустяка. Его, конечно, не трогают, побаиваются, но от этого еще более одиноко. Дома «Дойна» осталась. Хорошая радиола. Уговорил отчима в рассрочку купить. Интересно, включает ее отчим или нет?

...В кухню прислали на подмогу девчат-старшеклассниц.

Юра уступил половину старого ящика, на котором он сидел, какой-то девчонке. Даже не посмотрел на нее, не перестал скоблить начатую картофелину.

Так и работали. Юра сидел на самом краешке ящика. Девчата болтали, не обращая внимания на шестиклассников. Они сами были из восьмого. Время от времени перед Юрой мелькала рука: девочка-соседка оборачивалась, чтобы бросить картошку в бак.

Когда над водой показалась наконец горка белых картофелин и все встали и стали ножами соскребать с рук прилипшую шелуху и грязь, Юра и его соседка встретились взглядами. И Юре показалось, будто они заключили между собой какой-то тайный уговор. О чем они уговорились, он не знал, но все равно было интересно и радостно. И весь вечер, все время, пока Юра стирал под краном грязный фартук, потом что-то читал, потом укладывался спать, потом лежал в спальне шестого «Б» на спине, заложив руки под голову, он думал об этой девочке, ее звали Люда Клименко. Собственно говоря, думать ему было совсем нечего. Он просто помнил о ней, помнил про их тайный уговор. И знал, что теперь он в интернате не одинок.

ПОЛУСТАНОК

Так шли дни. В интернате много народу, шестьсот человек, и если двое учатся в разных классах, на разных этажах, то могут пройти дни, а ты ни разу не встретишь того, кто тебе нужен. Только в столовой Юра каждый раз оборачивался посмотреть на Люду и поэтому знал, что их тайный уговор не нарушен.

В субботу Юра, как всегда, собрался домой. Сложил в старенький чемоданчик кое-какие вещи, чтобы постирать дома, и отправился с ребятами-попутчиками к полустанку. Ему всегда поручали проводить до дому двух мальчишек из четвертого «Б».

Всю дорогу Юра рассказывал им, как они с отчимом собирали старые трубы, чистили их, резали, красили и сделали большую железную кровать.

А когда поднялись к путям, то Юра сразу увидел: недалеко от серой старой будки, где продают билеты, стоит Люда.

— Юрик, а как вы их сваривали, эти трубы? — спросил один из мальчишек.

Но Юра не ответил. Он неловко поставил чемоданчик у кассы, неловко достал деньги, неловко взял билеты: ему казалось, что кругом все замерло и стихло, и тысяча человек пристально следит за каждым его движением. Юра оглянулся. Люда действительно смотрела прямо на него. Юра отвернулся, он стоял, стараясь держаться так же прямо и спокойно, как Люда. Мальчишки, видно, почувствовали, что происходит что-то значительное, потому что они тоже старались молчать.

Когда было уже почти восемь сорок пять, точно по расписанию сразу с двух сторон показались поезда.

На полустанке стало шумно и многолюдно. Мальчишки забрались в вагон и звали оттуда Юру. Проводница отгоняла их от прохода. Юра стоял внизу и старался угадать, в какой вагон сядет Люда. Поезд с противоположной стороны тронулся, и вагоны поползли мимо. Юра поднялся на ступеньки: так было виднее. Поезд все набирал скорость, вагоны уходили, а Люды не было. Юре казалось, что если он не увидит ее, то произойдет что-то непоправимое. Но в последнем вагоне, в последнем окне рама была опущена и там стояла Люда. Она тоже увидела Юру и выглядывавших из-за его спины ребят и помахала им рукой.

БЕДА

В следующую субботу Юра с мальчишками-попутчиками подождал Люду у ворот интерната, и они пошли на полустанок вместе и вместе ждали, когда придут поезда. В одной руке Юра держал свой чемоданчик, в другой — Людин портфель. Когда поезда разъезжались, ребята успели помахать друг другу, а Люда даже что-то кричала, только не слышно что.

И вскоре весь шестой «Б», где учился Юра, и весь восьмой «А», где училась Люда, а потом все шестые классы и все восьмые обсуждали важную новость: Юра и Люда влюблены. В интернате, где шестьсот человек, скрыть ничего нельзя, но неправильно понять двух человек можно.

Было всякое. Мальчишки пытались подшучивать. Но вскоре оказалось, что это совсем не интересно. На остроты Юра не обращал внимания, а когда видел Люду, то подходил к ней на глазах у всего интерната. А тут еще устроили собрание, и Юру неожиданно для него выбрали председателем учкома: кажется, сыграла роль ставшая известной история с родительским собранием; о Юре говорили как о человеке необычайно самостоятельном.

Сразу появилось много дел, особенно в восьмом «А»: то деревья вместе сажали в голом интернатском дворе, то, нарядившись в только что выданные пионерские формы, ходили на ТЭЦ договариваться об экскурсии. Оказывается, совсем не одиноко в интернате. Пожалуй, среди шестисот человек даже легче найти друзей.

Мальчишки из шестого «Б» больше не подшучивали над Юрой. А девочки даже немного гордились, что у них в классе такой необыкновенный человек и что он дружит с самой красивой, по их мнению, восьмиклассницей.

Беда пришла совсем с другой стороны.

ЮРА ИСЧЕЗ

До интерната Юра целых два года не учился. Раньше он вообще собирался бросить школу и устроиться на работу. Потом когда-нибудь доучится. Но хотя на лесопилке все о нем заботились и старались дать работу полегче, хотя очень приятно было получать свои деньги и покупать гостинцы матери и сестренке хотя он мог, например, как рабочий человек настоять на покупке «Дойны», все равно захотелось учиться. Поэтому он так радовался, когда удалось поступить в интернат.

Но все оказалось гораздо сложнее, чем он думал. Двухлетний перерыв не шутка. Не давался русский, не давалась математика; засидится над задачкой — не выучит географию, и тут двойка. А двойки получать было стыдно: самый здоровый в классе и еще председатель учкома. Когда выбирали, завуч Лидия Константиновна сказала:

— Ну, мы на тебя надеемся, тебе теперь плохо учиться нельзя.

Юра и сам надеялся. Что он, тупица, что ли? И все равно двойки.

Получалась какая-то странная жизнь. Утром, до уроков, он был человеком, ходил по интернату с санкомиссией, старался быть строгим, все его уважали. Звенел звонок — и начиналась пытка. Сидит, большой, неловкий, стараясь вжаться в парту, стать незаметным, чтобы только не вызвали. Сам себе казался жалким и противным. Не по нему была такая трусливая жизнь. Надо уходить отсюда. Не вышло с учебой. И Люда, конечно, втайне презирает его.

Юра не знал, что Люда даже плакала не раз, а как помочь, не могла придумать.

Однажды на предпоследнем уроке, ругая Юру за очередную двойку, историк сказал:

— Усы уже растут, жених!

Может, он ничего не имел в виду плохого, а может, намекал на Люду...

На последний урок Юра не пришел. На ужин — тоже. Ребята из класса никому ничего не сказали: боялись, что воспитатель будет ругать Юру, когда тот вернется. Только Люда все время оглядывалась, смотрела на пустой Юрин стул, расспрашивала ребят. Потом не выдержала, подошла к воспитателю.

— Василий Григорьевич, почему нет Юры Петренко? Надо его найти,— сказала она тревожно и тихо.

Василий Григорьевич посмотрел на нее удивленно и велел сесть на место.

— Если все шестьсот человек начнут вскакивать и ходить по столовой, то что же тогда получится? — строго спросил он.

Ужин кончился. Юры не было. Нетронутая порция одиноко стояла на убранном столе. Люда опять подошла к воспитателю. Он разговаривал с завучем.

— Простите, пожалуйста, надо послать за Петренко, найти его. Может, чтонибудь случилось?

— Не мешай, когда взрослые разговаривают. Найдется твой Юра,— ответил Василий Григорьевич.

Он был еще только из института и думал, что главное — это привить детям хорошие манеры.

Люда отошла, но за спиной она услышала встревоженный голос завуча Лидии Константиновны.

Люда обегала весь интернат — Юры не было, и никто его не видел. Значит...

«Ужин был в семь,— посчитала Люда,— сейчас, наверно, уже восемь. Если бегом, можно успеть».

В интернате был жесткий закон: с территории без спросу никуда. Спрашивать было некогда, да никто и не отпустил бы Люду так поздно.

Бегом бросилась девочка за ворота по сырой и скользкой тропинке. А когда, запыхавшись, поднялась в горку перед полустанком, то увидела красные огоньки расходившихся поездов. Юра стоял с чемоданчиком в руках у старой маленькой будки, где продают билеты. Люда медленно подошла к нему.

— А про меня ты не подумал? — тихо спросила она.

— Подумал. Видишь, не уехал. Мы с тобой выкарабкаемся, правда?

— Конечно,— сказала Люда.

Вот и вся история про Люду и Юру, которыми гордились все шестые и все восьмые классы интерната.

Вожатый Сима Соловьев

Не смей, Сережка!

Рейд юнкоров «Пионера»

Мы узнали, что в одном московском доме живут ребята, которые мучают животных.

Мы решили поехать туда.

Троллейбус подвез нас к подъезду высокого серого дома.

Во дворе бегали и играли ребятишки. Мы собрали их и спрашиваем:

— Кто здесь у вас издевается над животными?

— Кириллин! Сережка Кириллин! — закричали все хором.

По дороге к Кириллину мы встретили пожилую женщину. У нее живет маленький котенок со сломанной лапкой и перебитым хвостиком. Она отняла его у Сережки.

— С приятелем развлекался. Поверите ли, засунули котенка между спиц велосипеда!..

«Ну и злодей этот Сережка! — подумали мы. — И наверно, такой сильный, что все его здесь боятся...»

Дверь нам открыл мальчик.

— Сережа Кириллин дома?

— Это... я.

Мы с удивлением смотрим на мальчика. Сереже, оказывается, всего десять лет, он в третьем классе. Да ведь с ним и справиться-то нетрудно любому мальчишке!

— Зачем ты мучаешь животных? — спрашиваем его.

— А я и не мучаю совсем...

— А котенка?

— Это не я... Это какой-то мальчик ехал на велосипеде, и там между спиц был котенок...

— Это правда?

— Да, — отвечает Сережа.

Но оказалось, что он врал. Настоящую правду нам рассказали ребята, когда мы с Сережей спустились во двор. Они окружили нас и, перебивая друг друга, стали говорить:

— У нас его живодером прозвали...

— Он убивает голубей, душит кошек... Он сам мучает животных, а сваливает на других.

Только Сережина мама взяла его под защиту.

— Все неправда! Вам делать нечего, вот и ходите, сплетни сводите. Можете писать! Я вам такое напишу!!!

И мы написали.

Представьте себе, что вы идете по дворам, заходите во все квартиры, но нигде не встречаете домашних животных. Не раздается собачьего лая, не слышно мяуканья кошек, чириканья воробьев, а на широкие площади не слетаются голуби...

Это было бы очень грустно. Ведь животные — близкие друзья человека.

И если какого-то мальчишку развлекает жестокое обращение с животными, то другие ребята должны остановить его в этом злом, нечеловечьем деле.

Когда мы пришли во двор, все ребята осуждали Сережу. Но почему они сделали это только сейчас? Вряд ли Сережка позволил бы себе так дико развлекаться, если бы против него были во дворе все ребята. Тут все должны быть против одного. Все должны сказать ему раз и навсегда:

— Не смей, Сережка!

Юнкоры:

Люся Болтина,
Коля Булгаков,
Наташа Дмитриева,
Галя Кухтенкова,
Коля Селезнев.

Фото В. Липницкого.

У дверей квартиры, где живет Сережа (верхний снимок на предыдущей странице). Ариадна Дмитриевна Бакланова со спасенным котенком (нижний снимок).

Участники рейда беседуют с жителями дома. Саша Куликов с возмущением говорит о поступках Сергея (верхний снимок). Рассказывают ребята (снимок в середине). Рассказывает дворник этого дома (снимок внизу).

К ЗВЕЗДАМ

...В полутемной камере Петропавловской крепости, низко склонившись над тюремным столиком, сидел заключенный. При тусклом свете догорающей свечи он рисовал на клочке бумаги непонятный чертеж: какие-то овальные фигуры, трубки, пламя, столбцы цифр.

Это был Николай Кибальчич — мужественный русский революционер, приговоренный к смертной казни за участие в покушении на царя Александра II.

Молодому Кибальчичу только что исполнилось тогда двадцать семь лет. Он был талантливым инженером, изобретателем. И накануне казни, готовясь расстаться с жизнью, он торопился оставить людям самую заветную, самую горячую свою мечту — проект изобретенного им летательного аппарата, ракетного корабля, на котором человек мог бы подняться к звездам.

Но смелый проект революционера на десятки лет остался неизвестным, погребенным в тайниках царского суда.

Прошло восемьдесят лет. И вот другой, тоже двадцатисемилетний молодой человек таким же весенним вечером стоял на Красной площади перед Кремлем и мечтал о том же — о полете к звездам.

Он был в форме военного летчика и думал уже не о проекте первого космического корабля, а о самом корабле. Чудесный корабль «Восток», плод творчества советских ученых, инженеров, рабочих был уже построен. Его серебристый корпус, вознесенный над землей, укрепленный на теле гигантской ракеты, ждал назначенной минуты, когда забушует пламя выхлопов, раздастся оглушительный рев двигателей и первый в истории человечества космический рейс начнется.

Этот молодой человек был Юрий Гагарин. Первый в мире летчик-космонавт, человек, имя которого знают теперь в любой стране.

И как интересно прочесть все об этом человеке! Как прошло его детство, где он учился, как овладел мастерством летчика, как готовился к своему историческому полету, о чем думал, что чувствовал, оторвавшись от земли.

Обо всем этом подробно и интересно рассказано в новой книге **Евгения Рябчикова «Пилот звездного корабля»,** напечатанной Государственным издательством детской литературы.

Из этой увлекательной книги можно узнать не только о том, как Юрий Гагарин стал летчиком и как протекал его первый полет в космическое пространство. На ее страницах рассказано еще и о многом другом — о том, как давно мечтали люди летать к звездам, как сложен и труден был путь к созданию первого космического корабля, как устроен «Восток», как тренировался перед полетом первый его пилот, что он видел, проносясь высоко над землей.

Есть в этой книге и много интересных снимков. Вот Юрий Гагарин маленьким мальчиком со своими братьями. Вот он уже в форме летчика. Вот он спускается по трапу самолета «ТУ-104» на Внуковском аэродроме. А вот и кабина знаменитого корабля «Восток».

Как замечательно, что так быстро появилась эта книжка, рассказывающая ребятам о вещах, которые сейчас больше всего интересуют каждого.

А. Дорохов

Он живой и светится...

Разные бывают книги. Иную читаешь потому, что в школе велели. В другой понравится один какой-нибудь рассказ или стихотворение, а остальное — так себе. Из третьей только и запомнишь, как герой бегал по лужам босиком.

Но бывает, попадется тебе такая книга, которую прочитываешь залпом, как говорят, проглатываешь. И пока читаешь, забываешь обо всем, что кругом творится. А закрыл книгу — бежишь рассказать о ней товарищу. Только все равно так здорово не расскажешь, как написано. Пусть товарищ сам быстрей читает.

Именно таким радостным событием оказалась для меня книга рассказов писателя **Виктора Драгунского «Он живой и светится...»**.

Это талантливая книга. Но что же за штука — писательский талант? Наверное, талант — это редкостная, счастливая способность посредством написанного передавать свое волнение другим людям. Все талантливые книги таят в себе замечательный секрет: когда автору или его героям весело, и читателю тоже весело. Или смешно, или грустно — смотря по тому, что хотелось писателю.

Так и в книге «Он живой и светится...». Герой рассказа «Сражение у Чистой речки» мальчик Дениска вместе со своими товарищами не может усидеть на месте, когда в кино, на экране, отступают красногвардейцы. И мне, читателю, тоже хочется сорваться с места, и кричать, и помогать нашим. Как и у Дениски, от лица которого написаны все рассказы, у меня захватывает дух при виде крошечного светлячка, и я так же, как герой рассказа, готов отдать что угодно, лишь бы не расставаться с этим живым светло-зеленым огоньком («Он живой и светится...»).

И еще книга эта по-настоящему веселая. Трудно не расхохотаться, когда читаешь про урок пения («Слава Ивана Козловского»), или про ребят, которые никак не могли правильно выговорить простое слово «шишки» («Заколдованная буква»), или про рассеянного участника школьного спектакля («Смерть шпиона Гадюкина»).

Рисунки в книге, сделанные художником В. Горяевым, такие веселые и яркие, как и сами рассказы.

...Я закрыл книгу рассказов Виктора Драгунского и с благодарностью провел ладонью по обложке. Сейчас вечер, и кажется, будто в теплых сумерках все еще горит чистая звездочка-светлячок, зажженная для меня и для всех вас добрым, веселым писателем.

Я. Аким

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ РОБИНЗОН

Вы, наверное, знаете, что в книге «Робинзон Крузо» Даниэль Дефо описал приключения моряка Селкирка, который жил на острове Хуан Фернандес. Этот остров лежит в Тихом океане, недалеко от берегов Чили.

За последние десятки лет Хуан Фернандес превратился в настоящую пустыню. Люди вырубили здесь все леса. Кролики и козы, завезенные с американского материка, уничтожили почти всю другую растительность. Остров изборожден глубокими рытвинами, а прибрежная часть в нескольких местах обрушилась в океан. Огромные волны вгрызаются в берег. Возможно, будущее поколение уже не найдет в море знаменитого Робинзонова острова.

ПО МАРШРУТУ ФИЛЕАСА ФОГГА

«Вокруг света в 80 дней». Кто из вас, ребята, не восхищался мужеством и решительностью Филеаса Фогга — героя этого романа!.. Ему удалось совершить кругосветное путешествие за восемьдесят дней.

Многие считают, что тогда, во времена Жюль Верна, такое путешествие было совершенно невозможно. Но, оказывается, Жюль Верн очень точно рассчитал время путешествия своего героя.

В 1889 году, еще при жизни писателя, в путешествие по маршруту Фогга отправилась двадцатидвухлетняя журналистка Элизабет Котрейн. Путешественница побила рекорд героя книги. Вокруг света она объехала за 72 дня 6 часов 10 минут 11 секунд. Жюль Верн горячо приветствовал отважную путешественницу.

В тайных уголках земли

Иной раз вечером слышишь в лагерной палатке горький вздох:

— Эх, поздно мы родились! Все уже открыто, все исследовано. На земле уже ничего неизвестного не осталось. Пора, видно, лететь на другие планеты.

Так ли это?

Конечно, нет! И на нашей старушке земле существует еще немало уголков, где никогда не ступала нога человека. Такие места есть не только в окрестностях Северного или Южного полюса. В Центральной Африке, в Южной Америке в бассейне реки Амазонки, в пустынях Средней Азии, в глубине Австралии — словом, на всех континентах, кроме, пожалуй, Европы, сохранилось много «белых пятен» — районов, куда не проникали исследователи и путешественники.

Но еще удивительнее то, что до сих пор живут на земле крупные животные, о которых местные жители передают таинственные рассказы, но которых нет ни в одном зоологическом саду мира и которых не видел ни один ученый. Но они все же существуют. И даже в Европе, где нет «белых пятен». Так, например, в Альпах живет неведомое ученым животное татцельвурм.

Лишь очень редко удача позволяет охотнику натолкнуться на такое неизвестное животное и застрелить или даже поймать его живым. И тогда к миллиону описанных зоологами животных прибавляется еще одно.

Вот о таких-то редчайших находках и написал бельгийский зоолог *Бернар Эйвельманс* свою интересную книгу «*По следам неизвестных животных*», вышедшую недавно на русском языке в издательстве «Детский мир».

Из этой книжки можно узнать о водяном слоне ростом не больше лошади и о гигантской змее анаконде длиной в сорок метров и весом в тонну. О кроликах ростом с носорога и о бегемотах величиной с поросенка. О птицах, сохранившихся с доисторических времен, и об обезьянах, живущих в снежной пустыне.

Эту книжку читаешь, как фантастический роман. А на самом деле в ней рассказано только о действительных событиях, случившихся в тех тайных уголках земли, о которых мы еще почти ничего не знаем.

Когда доктор Бернар Эйвельманс услышал, что его книгу перевели на русский язык, он прислал письмо советским ребятам.

«Возможно,— пишет он,— что в час, когда вы прочтете эти строчки, ваши старшие товарищи уже ступят на Луну. Успехи советской науки следуют друг за другом так быстро, что писатели едва успевают о них рассказывать. За вашими ракетами не угнаться!

Но притяжение, которое мы сегодня испытываем к далеким мирам, не должно приводить к забвению нашей чудесной земли. Ведь планету свою мы изучили еще не полностью. Не раскрыто много ее тайн.

Но во многих странах природу слепо разрушают, и при этом погибают живые существа. А есть животные, которых мы еще не открыли. Неизвестных зверей надо спасти от уничтожения».

И писатель призывает советских ребят, принадлежащих, по его словам, к народу, у которого особенно развито уважение и любовь к природе, продолжать исследование потайных уголков земного шара, чтобы спасти от уничтожения тех животных, которые либо сохранились в небольшом количестве, либо совсем неизвестны. А такие тайные уголки есть еще и на необъятных просторах нашей Родины.

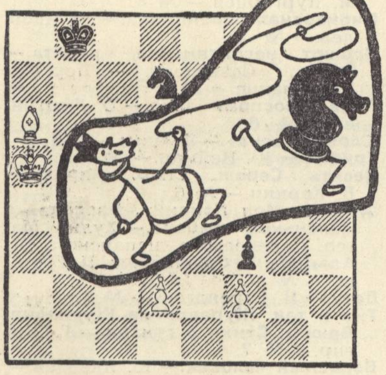
Д. Алексеев

ИНТЕРЕСНЫЕ ПОЗИЦИИ

Хочу потолковать я с вами, друзья, о нескольких интересных позициях. Разговор на этот раз мы начнем с этюда, который прислал **Игорь Киселев** из города **Жданова (Донецкая область).**

Хотя у белых лишняя пешка, но выиграть им нелегко. Ведь конь черных собирается пробраться на g4 и уничтожить пешку f2. А уж тогда черные смогут отдать коня за последнюю белую пешку и спасутся от поражения.

Игорь решает свой этюд так: 1. Св5 — d3 Кd7 — е5 2. Сd3 — f5, Ке5 — с4 + 3. Кра5 — в4 Кс4 — :d2 (черным удалось забрать пешку d2, но теперь конь попадает в капкан) 4. Сf5 — d3, и от хода королем на с3 у черных нет защиты.

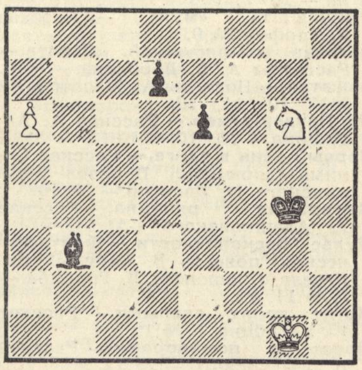
Неплохо задумано! И технических погрешностей в этюде нет. Только одним остался я недоволен. Тем, что сам Игорь в восторге от собственного этюда. Вот что он пишет:

«Этому этюду, на мой взгляд, могут позавидовать лучшие шахматные композиторы. Чтобы решить этюд, надо над ним посидеть не один день».

Эх, Игорь, Игорь! Никто не будет тебе завидовать, и не только потому, что этюд твой очень обычный, каких уже были десятки. Запомни, что если и удастся тебе составить на редкость красивый и трудный этюд, люди будут только радоваться твоему успеху, а не завидовать.

И еще запомни, что самолюбование — самый опасный враг в творческой работе. Тот, кто считает, что он уже все сделал,— тот еще очень мало сделал. Способности у тебя есть, значит, надо еще больше трудиться, быть требовательнее к себе. Вот тогда-то дело пойдет.

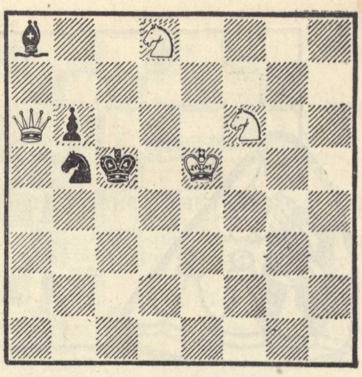
В этюде И. Киселева слон перехитрил коня. А теперь посмотрите превосходный этюд мастера Л. Куббеля, в котором конь показывает чудеса храбрости.

Ясно, что если белые сыграют 1. а6—а7 , то после 1... св3—d5 черные смогут избежать поражения, даже если им придется отдать слона за пешку. Белые стремятся не допустить слона на диагональ n1—а8. Они играют 1. Кg6—е7. Теперь у черных две возможности, они могут перевести слона на с2 или d1. Но это их не спасает. Найдите, как белые добиваются победы.

А теперь посмотрим задачу **Вали Варина** (г. Березники, Пермская область).

Решается задача так. 1. Фа6—а4 и если 1... Са8—с6, то 2. Кd8—е6. Мат. Все правильно, мат в два хода достигается, а задача получилась неважная. Валя допустил ошибку, которую допускают и

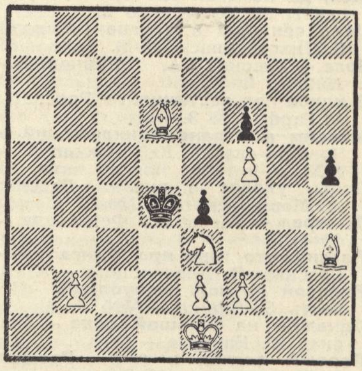

многие другие ребята в своих задачах.

Посмотрите еще раз на позицию диаграммы. Первым ходом решения белые сразу отняли у черного короля два свободных поля. Трудно ли найти такой ход? Конечно, нет. Маневр ферзем на а4 сразу бросается в глаза, делает задачу очень простой.

Мой совет всем ребятам, интересующимся шахматной композицией, добиваться того, чтобы в их задачах решение было скрытым, неожиданным. Это особенно относится к первому ходу.

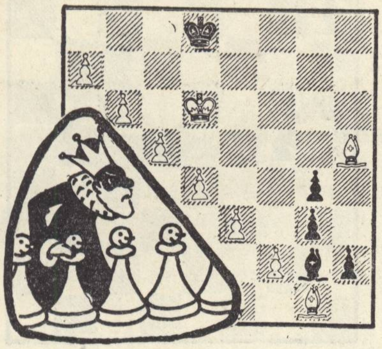
Вот посмотрите задачу мастера И. Бетиньша, в которой совсем не просто найти решение.

Черный король окружен со всех сторон, но как нанести решающий удар? Задача эта решается в четыре хода, и мы включаем ее в наше заочное соревнование.

Ребята, которые правильно решат все задания этого номера, будут награждены грамотой «ферзя и ладьи».

И еще одно задание включается в этот конкурс. Это задача необычная, она вызывает добрую улыбку. Смешно и необычно ее решение.

Найдите, как белые дают мат в семь ходов черному королю.

ПОБЕДИТЕЛИ МОЕГО КОНКУРСА

За успехи в конкурсе, объявленном в журнале № 9, награждаю грамотой «ферзя и ладьи»: Леню МЕЛЬНИЧЕНКО (с. Репки, Черниговская обл.), Шуру УЛУПОВА (г. Собинка, Владимирская обл.), Станислава ЗАХЛЕВНОГО (с. Ржевка, Белгородская обл.), Булата БОГДАНОВА (с. Кусота, Бурятской АССР).

Витя ЧАЙКО (зерносовхоз «Димский», Амурская обл.) правильно решил несколько моих задач. Хорошо делает Витя, что учит ребят у себя в совхозе играть в шахматы.

«Раньше,— пишет Витя,— Гена Лакизин, Коля Беликов, Вова Трофимов, Коля Курносов, Толя Чайкин не умели играть в шахматы. Они приходили ко мне, и я им показывал ходы фигур, мы вместе потом стали разбирать задачи из журнала «Пионер».

Награждаю и Витю ЧАЙКО грамотой «ферзя и ладьи».

Содержание журнала за 1961 год

ПЕСНИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ

МОЯ СТРАНА

ОКНО В МИР

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

ЛЕСУ — ПИОНЕРСКАЯ ЗАЩИТА

ПИОНЕРИЯ ШАГАЕТ ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

ШКОЛА ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖБЫ

(Беседы вожатого Симы Соловьева).

ПИШЕМ ПИОНЕРСКУЮ ЛЕТОПИСЬ

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ.— №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 10, 11.

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Сквозь воздушную преграду.— И. Новодворский; **На боярский манер.**— И. Канавец.— № 10.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

Горячий лед.— Б. Мерков; **Обходчики под облаками; Первые перчатки; Радиопередатчик в яйце.**— Б. Бойко; **Крокодилья ферма.**— Л. Големба; **Школа в лесу; Поддельный череп.**— Л. Клейн.— № 2.

Трактор-памятник; Гусеницы погибли от желтухи.— В. Лозинский; **Родственник ракеты.**— В. Рич, М. Черненко; **Чайки и радио; «Аэродром» на крыше; Кислая река; Змеиные очки; Монтеры в воздухе.**— № 4.

Репка и гибереллы.— А. Шамшурин; **Электростанция на тракторе.**— З. Коваленко; **Ископаемые корабли.**— К. Сороко-Россинский; **Древний канал.**— Л. Големба; **Часы с радиоприемником.**— Т. Гнедина; **Космический термометр.**— Б. Мерков.— № 6.

Тысячеглазые; Лекарство из картофеля; Самые точные часы.— И. Канавец; **Чудесный клей.**— В. Парини; **Свидетели прошлого земли; На вертолетах в школу; Увидели сквозь землю.**— Л. Клейн.— № 7.

На воздушных улицах.— Ю. Клинков. **Первая буква.**— Л. Александрова; **Железные «усы».**— Д. Самолвин; **Остров бездомных; Бананововозы.**— Ю. Андреев; **Молочное дерево.**— С. Пищальников; **Вулкан в пустыне.**— Г. Ильина.— № 11.

ИСКУССТВО

Чем помогают нам артисты.— С. В. Гиацинтова. Записала Ю. Новикова.— № 1.

Бунт тринадцати.— Р. Кандела-ки.— № 2.

Кинорежиссеры — ребятам.— Н. Зеленко.— № 3.

Что говорит нам музыка.— М. В. Иорданский. Записала Ю. Новикова.— № 4.

Лесные скульптуры.— М. Морозова.— № 7.

Мастер радости.— Ю. Новикова.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Великий Кобзарь (К столетию со дня смерти Т. Г. Шевченко).— Е. Рубцова.— № 3.

Поэт и мудрец (К столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора).— К. Петров.— № 5.

Писатель начинает новую книгу (К пятидесятилетию со дня рождения А. Мусатова).— Н. Макарова.— № 6.

Рассказанное и нерассказанное (К 70-летию со дня рождения А. Волкова).— Вл. Глоцер.— № 8.

Солдат революции (К двадцатилетию со дня смерти А. Гайдара).— В. Смирнова.— № 10.

Жизнь-подвиг (К 250-летию со дня рождения М. Ломоносова).— Ю. Новикова.— № 11.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ

Новая книга о В. И. Ленине (О книге С. Антонова «Дорогие черты»).— В. Орджоникидзе; **Хорошим людям — доброе утро** (О книге В. Железникова «Разноцветная история»).— М. Коршунов; **По дорогим местам** (О серии книг «По дорогим местам»).— В. Кудряшова; **Столетний друг** (К столетию журнала «Вокруг света»).— Е. Рубцова.— № 1.

Пожалуйста, напечатайте! (О библиотечке пионера).— С. Семенов; **Начало пути** (О повести Л. Нейман «Пятница»).— Е. Немирова; **«Серебряный бегун»** (О книге А. Дорохова «Серебряный бегун»).— Н. Александрова. **А у вас был такой сбор?** (О книгах, помогающих быть здоровыми).— В. Николаев.— № 2.

Валерка — председатель совета отряда (О книге В. Козлова «Валерка председатель»).— Ю. Новикова; **Откуда пошли чудеса** (О книге Н. А. Рубакина «Среди тайн и чудес»).— Арсентий Книгочеев. **Читатели пишут о книгах.**— № 3.

Крош и его товарищи (О книге А. Рыбакова «Приключения Кроша»).— А. Дорохов.— № 4.

Рассказы не для маленьких (О книге Р. Погодина «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде»).— С. Соловейчик.— № 5.

Тайна Великого Клада (О книге В. Рича и М. Черненко «Третий полюс»).— Арсентий Книгочеев; **Знакомьтесь с художниками** (О книге Е. Каменевой «Мы знакомимся с художниками»).— Ю. Новикова; **Охотники за крылатыми словами** (О книге Эд. Вартаньяна «Из жизни слов»).— С. Семенов; **Книжки-советчицы.**— № 6.

Повести доброго волшебника и героического человека (О книге Я. Корчака «Когда я снова стану маленьким»).— Ю. Нейман; **Ответ читателям.**— А. Мошковский; **Сады и парки** (О книге Н. Верзилина «По садам и паркам мира»).— Б. Дворсон; **Смешная книжка** (О книге А. Минчковского «Десять дней одни втроем»).— А. Дорохов.— № 7.

Подвиг останется бессмертным (О книге Л. Волынского «Семь дней»).— Арсентий Книгочеев; **Письма пишут разные...** — А. Маркуша.— № 8.

Верит народ: время придет — и героем станет пионер! (О книге «Дети-герои»).— Вл. Глоцер; **Люди в красных галстуках** (О книгах Н. Богданова «Один из первых» и Ф. Каманина «Двое знаменитых»).— Ю. Новикова.— № 9.

О хороших людях (О книге М. Ефетова «Валдайские колокольцы»).— А. Дорохов. **Почемучке о завтрашнем дне** (О книге И. Дубровицкого и В. Орлова «33 ответа на 33 вопроса»).— Е. Рубцова.— № 11.

К звездам (О книге Е. Рябчикова «Пилот звездного корабля»).— А. Дорохов; **В тайных уголках земли** (О книге Б. Эйвельманса «По следам неизвестных животных»).— Д. Алексеев; **Он живой и светится** (О книге В. Драгунского «Он живой и светится»).— Я. Аким.— № 12.

Любимая папка профессора Коллекциани-Собирайлова.

Есть такая книга. Сказочник и девочка.— № 2.

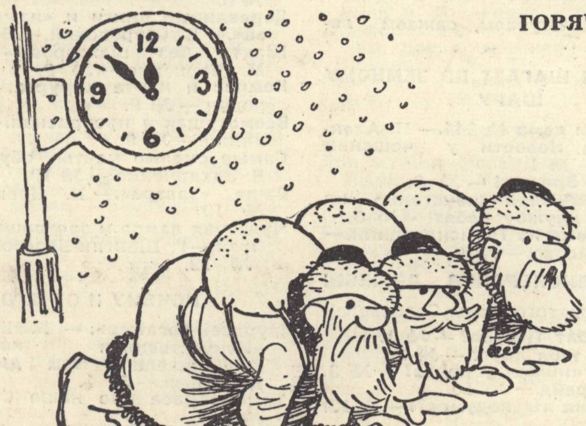
Старший брат Буратино.— № 9.

Там, где жил Робинзон. По маршруту Филеаса Фогга.— № 12.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ — №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12.

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА — №№ 1, 7, 12.

ГОРЯЧИЕ ДЕНЬКИ У ДЕДОВ-МОРОЗОВ

— На старт... Внимание... Марш!

В ЧАСЫ ДОСУГА

ГОСТИ-НЕВИДИМКИ

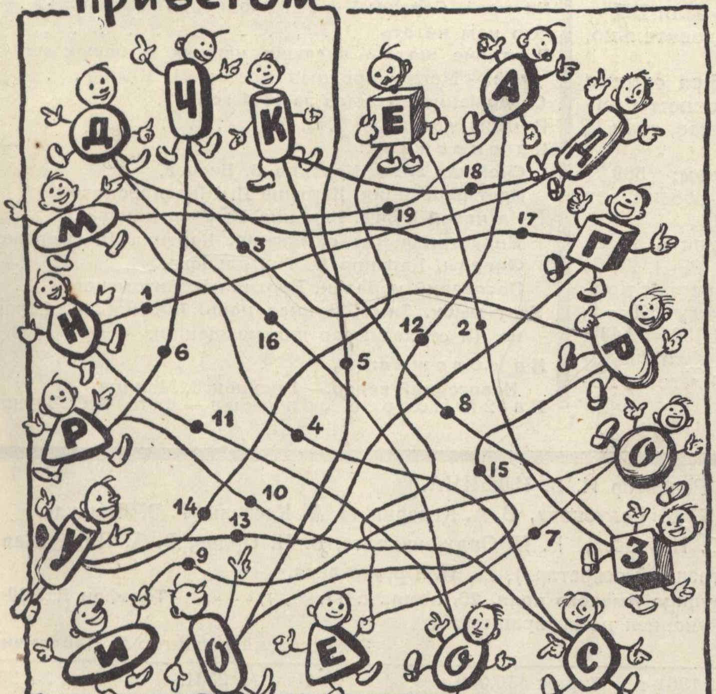
Новогодняя головоломка

Веселый школьный праздник в разгаре. Собравшись у новогодней елки, ребята играют, танцуют и поют...

Неожиданно появляется почтальон с большим конвертом в руках.

— С наступающим Новым годом, друзья! Вам срочное письмо. Распишитесь и получите.

А ВЕДЬ ВЫ И НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО МЫ ДАВНО У ВАС В ГОСТЯХ! ПОИЩИТЕ-КА, РЕБЯТА, ГДЕ МЫ СПРЯТАЛИСЬ? С НОВОГОДНИМ ПРИВЕТОМ

Согласитесь, что письмо не совсем обычное: вместо подписей — головоломка! Кто же эти таинственные гости-невидимки? Ведь пока они неизвестны, не знаешь, кого искать.

Как всегда в таких затруднительных случаях, мы призываем на подмогу наших читателей. Может быть, кому-нибудь из них и удалось уже расшифровать загадочные подписи. Кстати, скажем по секрету, сделать это совсем не трудно, если принять во внимание, что веселых пляшущих человечков с написанными на них буквами ровно столько же, сколько и порядковых номеров, поставленных около черных кружочков на всех отрезках путеводной маршрутной линии.

Кто разгадал подписи, тому останется лишь приступить к поискам авторов загадочного письма. Ищите их на верхнем рисунке среди участников новогоднего праздника.

Н. Васильев

Кукурузное поле

Коли спросишь меня: «А много ли земли отвел колхоз под кукурузу?», я отвечу тебе так: «Девяносто гектаров той земли уже вспахали наши трактористы, а это как раз две трети от трети того, что им надо вспахать». Прикинь теперь: велико ль в колхозе кукурузное поле?

ОТВЕТЫ *на задачи*, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 11

О ЧЕМ МЕЧТАЕТ ЭТОТ МАЛЬЧИК?

Пронумеруйте буквы алфавита порядковыми номерами, но в обратной последовательности — от Я до А, и вы получите ключ к решению задачи (не забудьте, что в русском алфавите 33 буквы). Такой способ решения головоломки подсказывается порядком букв, которые, как показано на рисунке, мальчик выписывает на доске в обратной последовательности. Заменив числа шифрограммы соответствующими им буквами, вы легко прочитаете текст загадочного послания:

«Хочу быть космонавтом. А вы, ребята?»

Судя по письмам ребят, присылающих свои решения этой задачи, мечту мальчика из головоломки разделяют многие наши читатели.

КОЛОБОК-ЗАТЕЙНИК

Ключ к решению головоломки — в задаче, которую колобок задал зайцу. В ней пример на умножение. В этом примере цифрами написано только множимое; множитель и произведение зашифрованы буквами, каждая из которых обозначает определенную цифру. Но достаточно расшифровать множитель, чтобы, перемножив числа, узнать по произведению, какие цифры скрываются за буквами З, А, Я и Ц.

569
× ВЦ
ЗАЯЦ

А найти множитель ВЦ — дело несложное.

Прежде всего нетрудно установить, что ВЦ — двузначное число менее 20. Если бы оно равнялось 20 или было больше, то в произведении получилось бы пятизначное число. Но если ВЦ — двузначное число менее 20, то, следовательно, буква В обозначает цифру 1.

Цифра единиц во множителе и цифра единиц в произведении одинаковы. В приведенном примере это может быть только в том случае, если Ц равно нулю.

Таким образом, ВЦ = 10. Умножаем: 569 × 10 = 5 690. Следовательно, буква З обозначает цифру 5, А — цифру 6 и Я — цифру 9.

В следующем примере, заменив буквы З, А, Я, Ц числом 5 690, узнаем, что буквами В, О, Л, К обозначено число 1 327. Точно так же, решая пример, заданный лисе, устанавливаем: Л = 2, И = 4, С = 8, А = 6, так как 1 327 + 1 159 = 2 486.

Остается сложить три найденных числа (задача, которую колобок не успел решить), чтобы получить искомую сумму — 9 503.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. **Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00393. Подписано к печати 14/XII 1961 г. Тираж 556.000 экз. Изд. № 2331. Зак. № 2833.
Форм. бум. 84×108/1$_{16}$. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

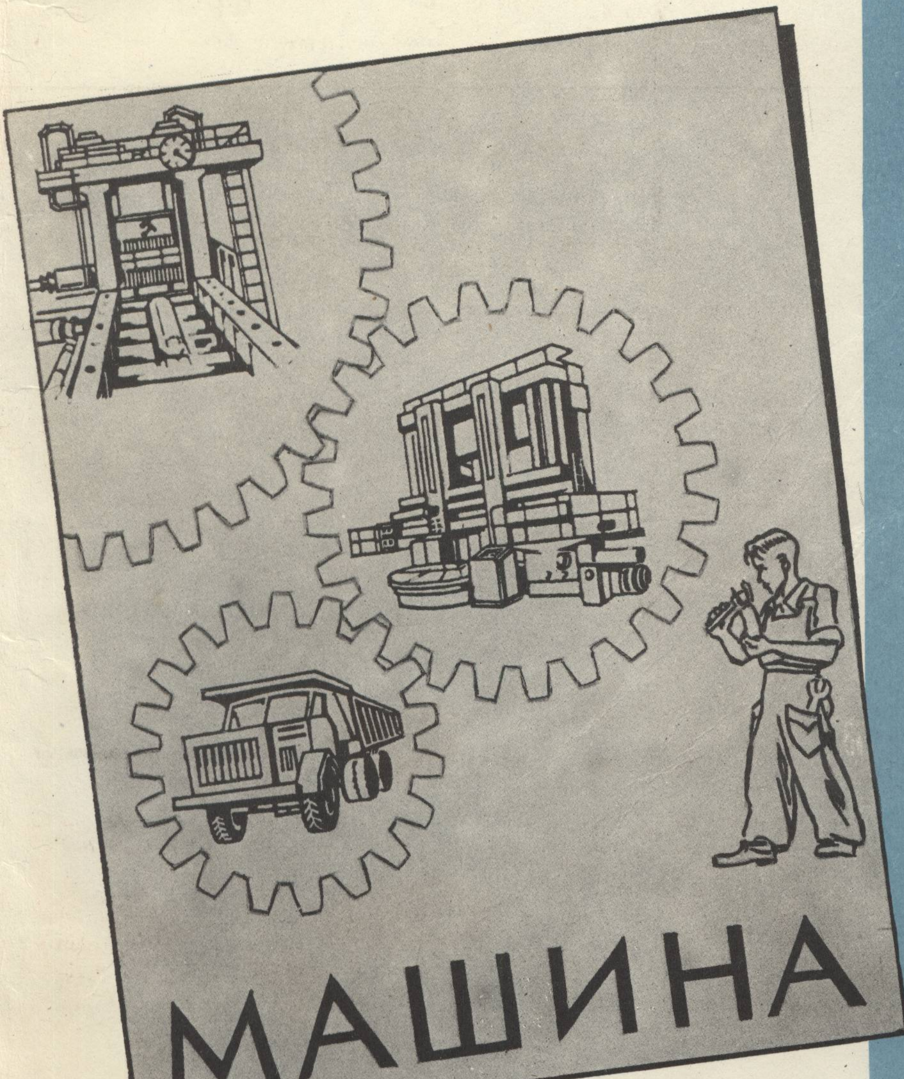
Если вы хотите узнать все о машине, прочтите эту книгу.

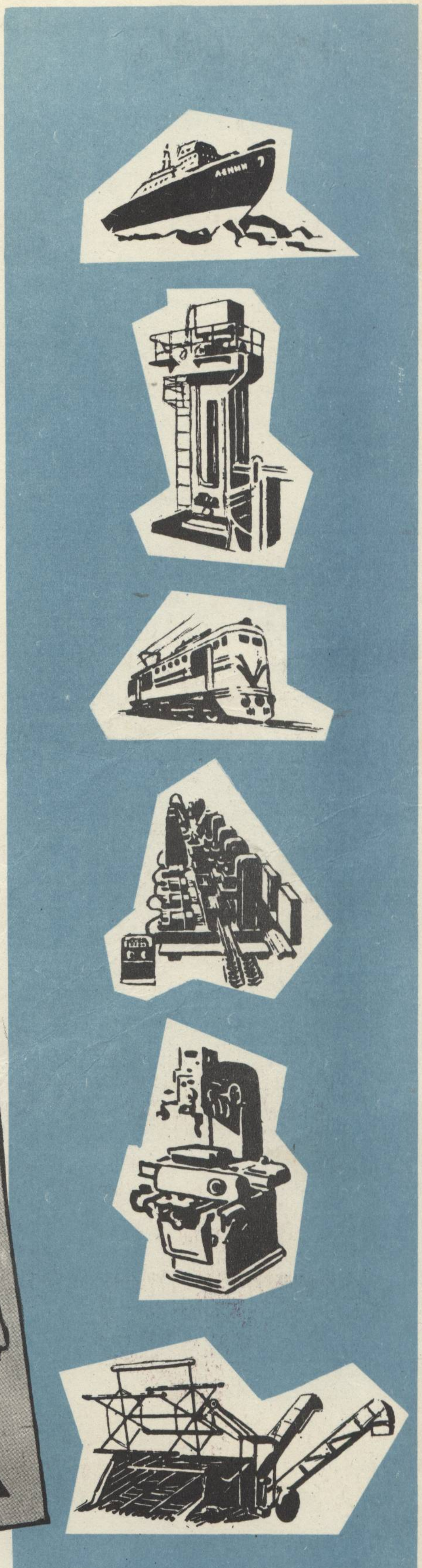
В ней рассказано об истории машины; помещены увлекательные рассказы о технике, занимательные задачи, опыты. Читатель может узнать, как надо строить модели машин, как в машинах применяются законы физики, какие в технике бывают удивительные факты, цифры, события. В ней много рисунков. Это рисунки-рассказы о необыкновенных машинах, шуточные рисунки, рисунки «что не надо изобретать и чего нельзя изобрести».

Книга красиво оформлена, в ней много цветных вкладок, разрезов машин и интересных фотографий.

Составитель сборника — В. Пекелис. Издательство «Молодая гвардия». 1959 год. 509 стр. Цена 2 руб. 05 коп. Книгу можно купить во всех книжных магазинах.

«Союзкнига».

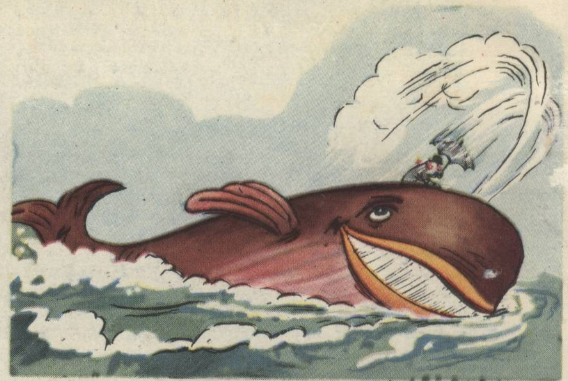

Цена 25 коп.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТИ ДИАФИЛЬМЫ?

(См. стр. 66).